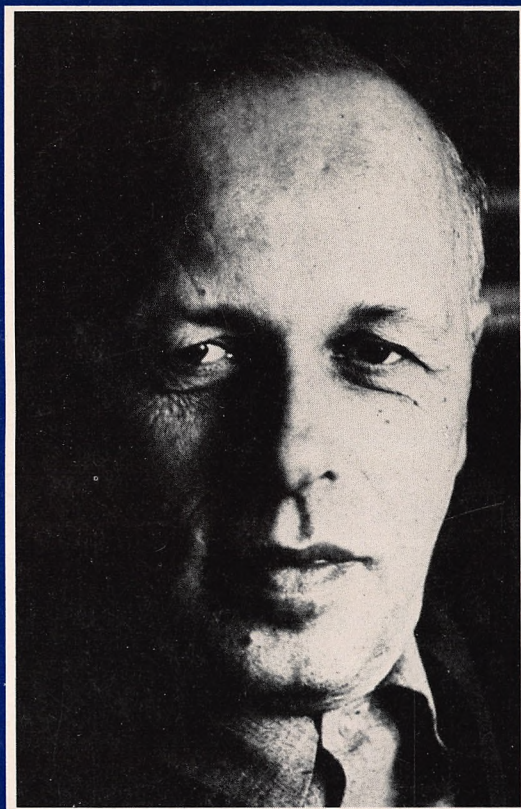

Сахаровский сборник 1981

Сахаровский сборник

21 мая 1981 года

АНДРЕЮ ДМИТРИЕВИЧУ САХАРОВУ

исполнилось 60 лет.

*Сейчас он живет в г. Горьком
проспект Гагарина, д. 214 кв. 3*

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"

Нью-Йорк 1981

САХАРОВСКИЙ СБОРНИК

Москва

1981

Составители:

А. Бабеньшев, Р. Лерт, Е. Печуро

Фотоработы:

В. Каротельский

САХАРОВСКИЙ СБОРНИК

(На обложке дана фотография-листочка, распространявшаяся в СССР ко дню рождения Андрея Дмитриевича Сахарова. Всего было роздано свыше 5000 таких фотографий.)

Copyright © 1981 by A. Babyonyshev, R. Lert and E. Pechuro

Published by: Khronika Press
505 Eighth Avenue,
New York, N.Y. 10018

Manufactured in the USA

С О Д Е Р Ж А Н И Е

От ссоставителей	6
<i>Лидия Чуковская.</i> "Дорогой Андрей Дмитриевич! День Вашего шестидесятилетия..."	8
<i>Вл. Корнилов.</i> Вечера на кухне (стихи)	9
<i>Георгий Владимов.</i> "Сослав его в Горький..."	12

Сахаров говорит

<i>Андрей Сахаров.</i> Автобиография	15
Тревога и надежда (выдержки из статей А.Д. Сахарова)	20
<i>Андрей Сахаров.</i> Ответственность ученых	35
<i>М. Петренко-Подъяпольская.</i> В переплете событий	43
<i>Е. Гнедин.</i> "Андрей Дмитриевич Сахаров в изгнании..."	52
<i>С. Каллистратова.</i> Беззаконие	53
<i>А. Марченко.</i> Открытое письмо академику Капице П.Л.	57

Письма из Горького

<i>Андрей Сахаров.</i> Открытое письмо Президенту Академии Наук СССР А.П. Александрову	65
<i>Андрей Сахаров.</i> Доктору Сиднею Дреллу	75
<i>Андрей Сахаров.</i> Заявление для печати и радио	78
<i>Елена Боннэр, Андрей Сахаров.</i> Обращение	79
<i>Андрей Сахаров.</i> Письмо организаторам симпозиума	80
<i>В. Войнович.</i> Андрей Дмитриевич Сахаров	83
<i>Г. Померанц.</i> Цена отречения	87
<i>Л. Богораз.</i> От "Размышлений о прогрессе..." до "Движения за права человека..."	104
<i>С. Липкин.</i> Стихи	109
<i>Сергей Желудков.</i> Письмо составителям юбилейного сборника	112
<i>А. Ахшарумова, Б. Гулько, А. Лернер, В. Сойфер, Н. Яковлева.</i> "Все честные люди земли..."	114

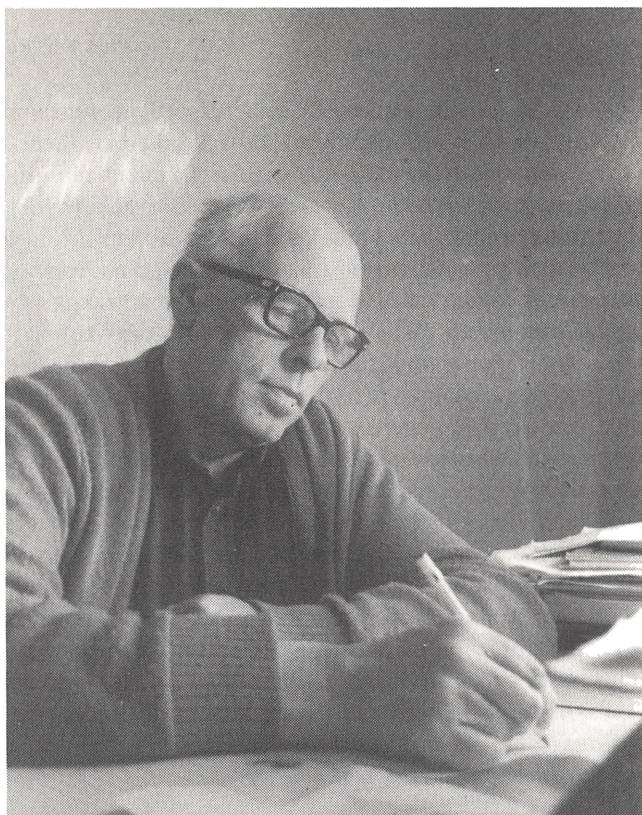
Сахаров — ученый

Физики о Сахарове	117
Краткий обзор научных работ Сахарова:	
<i>Б. Альтшулер.</i> Управляемая термоядерная реакция. Взрывоманнитные генераторы	121
<i>Ю. Гольфанд.</i> О работах по фундаментальным проблемам физики	128
Любительские задачи. Учебные и научно-популярные работы	140
Список научных трудов А.Д. Сахарова, составленный им самим. Фотокопия	143
<i>В. Сойфер.</i> А.Д. Сахаров и судьбы биологической науки в СССР	145
<i>С. Каллистратова.</i> Андрей Дмитриевич Сахаров	155
<i>Н. Комарова-Некипелова.</i> "Как-то к нам попало письмо ..."	157
<i>В. Помазов.</i> В Люблино (стихи)	159
<i>Е. Печуро.</i> Человек из будущего	160
<i>Виктор Некрасов.</i> Станный человек	163
<i>В. Тростников.</i> Смерть Ивана Ивановича	165
<i>Инна Лиснянская.</i> Круг (поэма)	172
<i>Раиса Орлова, Лев Копелев.</i> Истоки чуда	179
<i>Б. Альтшулер.</i> О Сахарове	183
<i>С. Липкин.</i> Главы из повести "Декада"	193
<i>Мальва Ланда.</i> Совершенно прекрасный человек	220
<i>Г.С. Подъяпольский.</i> Моя беседа с директором Института физики земли АН СССР	227
<i>Максудов.</i> Что вы думаете о Сахарове?	233
<i>Р. Лерт.</i> Человек для людей	243
Некоторые события научной и общественной деятельности А.Д. Сахарова	247

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В этом сборнике объединились молодые и старые, литераторы и ученые, верующие и атеисты – все наше пестрое время, которое Владимир Корнилов назвал "сахаровским".

Каждый принес то, что имел, что вырвалось, выплеснулось при мысли о человеке, чье имя прозвучит на каждой странице. Мы не старались избежать повторений и не стыдимся их: слова любви, высказанные вслух, часто похожи. Огромная, пусть не слишком умело выраженная радость и благодарность вызвали к жизни эти статьи, стихи и письма. Благодарность за встречу с человеком мужественным и добрым, справедливым, естественным и чудаковатым. Благодарность за то, что он живет среди нас, мы – его современники и его высотой будут измеряться когда-нибудь наши дни.

Андрей Дмитриевич Сахаров
Горький. Апрель 1981 г.

Лидия Чуковская

Дорогой Андрей Дмитриевич! День Вашего шестидесятилетия омрачен тяжкими судьбами друзей, незаконностью Вашей ссылки, бессменностью стражи у Вашей двери. Вас лишили правительственных наград, лишили научного и человеческого общения, у Вас отняли то, что составляет жизнь Вашей жизни: дневники, память о прошлом и будущем, научные замыслы. Никто, однако, не властен лишить Вас несравненной Вашей правоты и нашей неправительственной любви к Вам. День 21 мая входит в душу как праздник — праздник разума, добра, духовного величия. Вашим повседневным подвигом Россия снова явила миру свою подспудную силу. По словам Льва Толстого, сила духовная бывает подавлена только до тех пор, пока она "не достигла высшей ступени, на которой она могущественней всего". Излучаемая Вами духовная мощь растет и не может быть отнята вместе с бумагами. Словом своим Вы побуждаете людей к деятельному добру. Мысль Ваша берedit и тревожит сердца, овладевает тысячами на свободе и за решеткой, учит думать и ведет с одной ступени сознания на последующую. В праздничный день Вашего шестидесятилетия хочу пожелать Вам, чтобы нравственная мощь взяла верх над грубым насилием, чтобы отнятые у Вас сокровища были возвращены Вам, чтобы Вы и все неправдо-го-нимые скорее вернулись домой.

Владимир Корнилов

ВЕЧЕРА НА КУХНЕ

А.Д.

Вечера на кухне.
У Андрея
Дмитрича на кухне вечера...
Хоть зима, свирепо леденя,
Вековое дело начала,

Вечера на сахаровской кухне
Продолжались и среди зимы,
И надежды все еще не тухли,
И плечом к плечу сидели мы.

Я был счастлив. Я следил глазами,
Полными восторга и любви,
Как молчал и нам внимал хозяин,
Взгляды не навязывал свои.

Лишь на лбу — себя же скрыть стараясь,—
Проступали как бы невзначай
Детская застенчивая храбрость
И души высокая печаль.

Я шалел, весь распрямясь, разгорбясь:
Наконец-то встретил, наконец —
Верной демократии прообраз,
Равенства и братства образец!

А ему — я это ясно видел —
Первенствовать вовсе невдомек,
И не вождь, не идол он, не лидер
И не огнедышащий пророк.

... Но зато, как Дельвиги и Кюхли
К пушкинской причислены поре,
Все, кто был на сахаровской кухне,
Некогда, хотя бы на заре,

Все, кто в лагеря еще не заперт,
Все, кто в ссылке, в полузаперти,
Все, кто учит мир с нью-йоркских кафедр
Или слепнет в БУРе у Перми,

Как слова в одно стихотворенье,
Все бесповоротно включены
В сахаровским названное время,
Лучшее в истории страны.

Б. Биргер. Портрет Андрея Сахарова и Люси Боннэр.
1974 х.м. 86 х 75

*Дорогой Андрей!
Сердечно поздравляю тебя с шестидесятилетием.
Дай тебе Бог здоровья и сил.
Обнимаю тебя крепко.
Твой Борис Биргер*

Сослав его в Горький без следствия и суда, без объявленного приговора и срока, применив меру из ряда вон выходящую, власть оказала ему честь, какой мог бы удостоиться разве лишь наследный принц или возможный президент. А ведь он едва ли претендовал обладать хоть какой-то материальной силой, ничем не руководил, не стоял во главе партии, ни организации, ни даже крохотного кружка единомышленников, а только был самым ярким выразителем той бестелесной мощи, которая называется "нравственное сопротивление". Много это или мало? Власть посчитала, что это, пожалуй, и есть второе правительство.

Время от времени они пишут или наговаривают на пленку свои косноязычные мемуары. Есть надежда когда-нибудь прочесть, на каком "уровне" было принято решение, какие выдвигались "про" и "контра" и кто отважился подписать. Думаю, им доставит больших трудов сформулировать, выиграли они или проиграли, попытавшись отъединить Андрея Дмитриевича Сахарова от правозащитного движения в России. Едва ли они дойдут до мысли, что сие от них вообще не зависело.

Сегодня, когда ему исполняется 60, уже можно сказать определенно, что Андрей Сахаров — несомненная и наибольшая удача демократического движения, воплощение его совести, оправдание всех его ошибок и поражений. В своей прекрасной зрелости он — звезда первой величины на небосклоне нашей общественной жизни, и это сознают и друзья его, и противники, и кто по недостатку решимости не относит себя ни к первым, ни ко вторым.

Мне посчастливилось знать его почти уже десять лет — крупнее и человечнее я не встретил, а может статься, не увижу больше и его самого, разве что неожиданная случайность поможет свидеться. Но я пожелал бы ему — помимо тех благ, каких мы обычно желаем юбиляру, — я бы пожелал, чтобы та свобода, которой мы все достойны от рождения, а он достоин больше, чем кто бы то ни было, чтобы она явилась к нему не по случайной милости притеснителей, но неожиданным и мощным поворотом истории, перед которым они окажутся не властны.

САХАРОВ ГОВОРИТ

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился 21 мая 1921 года в Москве. Мой отец — известный преподаватель физики, автор учебников, задачника и научно-популярных книг. Мое детство прошло в большой коммунальной квартире, где, впрочем, большинство комнат занимали семьи наших родственников и лишь часть — посторонние. В доме сохранялся традиционный дух большой крепкой семьи — постоянное деятельное трудолюбие и уважение к трудовому умению, взаимная семейная поддержка, любовь к литературе и науке. Мой отец хорошо играл на рояле, чаще всего Шопена, Грига, Бетховена, Скрябина. В годы гражданской войны он зарабатывал на жизнь, играя в немом кино. Душой семьи, как я это с благодарностью ощущаю, была моя бабушка Мария Петровна, скончавшаяся перед войной в возрасте 79 лет. Для меня влияние семьи было особенно большим, так как я первую часть школьных лет учился дома, да и потом с очень большим трудом сходился со сверстниками.

Я с отличием окончил школу в 1938 году и тогда же поступил на физический факультет Московского университета. Окончил его тоже с отличием уже во время войны, в 1942 году, в эвакуации в Ашхабаде. Летом и осенью 1942 года несколько недель жил в Коврове, куда первоначально был направлен на работу по окончании университета, затем работал на лесозаготовках в глухой сельской местности под Мелекесом. С этими днями связаны мои первые, самые острые впечатления о жизни рабочих и крестьян в то трудное время. В сентябре 1942 года направлен на большой военный завод на Волге, где работал инженером-изобретателем до 1945 года. На заводе стал автором ряда изобретений в области контроля продукции (в университете я не сумел включиться в активную научную работу). В 1944 году, работая на заводе, я написал несколько статей по теоретической физике и направил их в Москву на отзыв. Эти первые работы

никогда не были опубликованы, но они дали мне то чувство уверенности в своих силах, которое так необходимо каждому научному работнику.

С 1945 года я — аспирант в Физическом институте АН СССР им. Лебедева. Мой руководитель, имевший на меня большое влияние, крупнейший физик-теоретик — Игорь Евгеньевич Тамм, впоследствии академик и лауреат Нобелевской премии по физике. В 1948 году — включен в научно-исследовательскую группу по разработке термоядерного оружия. Руководителем группы был И.Е. Тамм. Последующие двадцать лет — непрерывная работа в условиях сверхсекретности и сверхнапряжения сначала в Москве, затем в специальном научно-исследовательском секретном центре. Все мы тогда были убеждены в жизненной важности этой работы для равновесия сил во всем мире и увлечены ее грандиозностью.

В 1950 году я вместе с Игорем Евгеньевичем Таммом стал одним из инициаторов работ по исследованию управляемой термоядерной реакции. Нами предложен принцип магнитной термоизоляции плазмы. Я предложил также в качестве ближайшей технической цели использование термоядерного реактора для производства делящихся ядерных материалов (ядерного горючего для атомных электростанций). Сейчас работы по управляемой термоядерной реакции получили очень большое развитие во всем мире. Наиболее близко к нашим первоначальным идеям приближается система "токамак", усиленно изучаемая в лабораториях многих стран. В 1952 году по моей инициативе начаты экспериментальные работы по созданию взрыво-магнитных генераторов (устройств, в которых энергия взрыва химической или ядерной реакции переходит в энергию магнитного поля). В 1964 году в ходе этих работ достигнуто рекордное магнитное поле 25 млн. гаусс.

В 1953 году я был избран академиком Академии наук СССР.

В 1953-68 годах мои общественно-политические взгляды претерпели большую эволюцию. В частности, уже в 1953-62 годах участие в разработке термоядерного оружия, в подготовке и осуществлении термоядерных испытаний сопровождалось все более острым осознанием порожденных этим моральных проблем. С конца 50-х годов я стал активно выступать за прекращение или ограничение испытаний ядерного оружия. В 1961 году в

связи с этим у меня возник конфликт с Хрущевым, в 1962 году -- с министром среднего машиностроения Славским. Я был одним из инициаторов заключения Московского договора 1963 года о запрещении испытаний в трех средах (т.е. в атмосфере, в воде и в космосе). Начиная с 1964 года (когда я выступил по проблемам биологии) и особенно с 1967 года, круг волновавших меня вопросов все более расширялся. В 1967 году я участвовал в Комитете по защите Байкала.

К 1966-67 годам относятся мои первые обращения в защиту репрессированных. К 1968 году возникла потребность в достаточно развернутом, открытом и откровенном выступлении. Так появилась статья "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". По существу это те же темы, которые через семь с половиной лет обозначены в названии Нобелевской лекции -- "Мир, прогресс, права человека" -- я считаю эти темы фундаментально важными и тесно связанными между собой. Это выступление стало поворотным во всей моей дальнейшей судьбе. Очень быстро оно стало широко известно во всем мире. В советской прессе "Размышления" долго замалчивались, потом о них стали упоминать весьма неодобрительно. Многие, даже сочувствующие, критики воспринимали мои мысли в этой работе как очень наивные, проектерские. Сейчас, спустя тринадцать лет, мне все же кажется, что многие важные повороты мировой и даже советской политики лежат в русле этих мыслей.

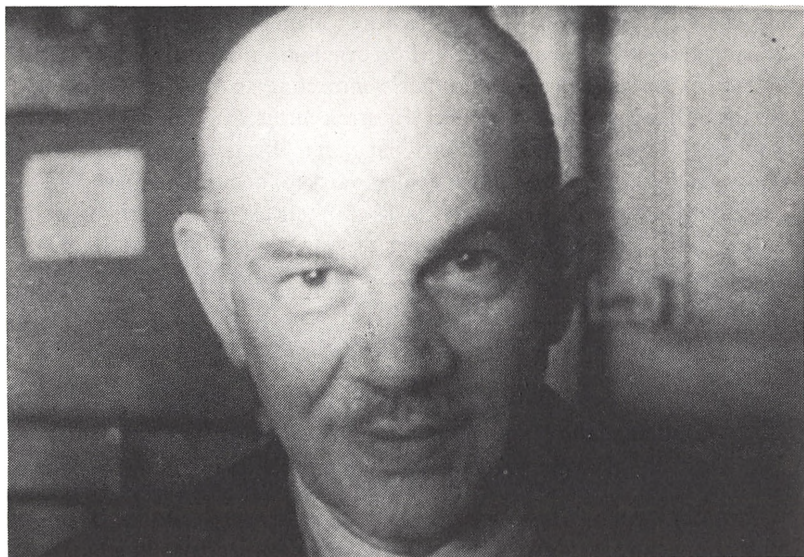
С 1970 года защита прав человека, защита людей, ставших жертвой политической расправы, выходит для меня на первый план. Участие вместе с Чалидзе и Твердохлебовым, а затем с Шафаревичем и Подъяпольским в Комитете прав человека являлось одним из выражений этой позиции. (В марте 1976 года Григорий Подъяпольский трагически рано умер.) С июля 1968 года, после опубликования за рубежом моей статьи "Размышления", я отстранен от секретных работ и "отлучен" от привилегий советской "номенклатуры". С 1972 года все более усиливалось давление на меня и моих близких, кругом нарастали репрессии, я больше о них узнавал, и почти каждый день надо было выступать в защиту кого-то. Часто в эти годы выступал я и по проблемам мира и разоружения, свободы контактов, передвижения, информации и убеждений, против смертной казни, о сохранении среды обитания и о ядерной энергетике.

В 1975 году я удостоен звания лауреата Нобелевской премии Мира. Это явилось огромной честью для меня, признанием заслуг всего правозащитного движения в СССР. В январе 1980 года я лишен всех правительственных наград СССР (ордена Ленина, звания трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий) и выслан в город Горький, где нахожусь в условиях почти полной изоляции и под круглосуточным милицейским надзором. Этот акт властей совершенно незаконен, это — одно из звеньев усиления политических репрессий в нашей стране в последние годы.

С лета 1969 года я — старший научный сотрудник Физического института АН СССР. Мои научные интересы — элементарные частицы, гравитация и космология.

Я не профессиональный политик, и, может быть, поэтому меня всегда мучают вопросы целесообразности и конечного результата моих действий. Я склонен думать, что лишь моральные критерии в сочетании с непредвзятостью мысли могут явиться каким-то компасом в этих сложных и противоречивых проблемах. Я воздерживаюсь от конкретных прогнозов, но сегодня, как и всегда, я верю в силы человеческого разума и духа.

24 марта 1981 года
Горький

Дмитрий Иванович Сахаров — отец Андрея Дмитриевича

ТРЕВОГА И НАДЕЖДА

(Выдержки из статей А.Д. Сахарова)

"Тревога и надежда" -- так назвал последний, вышедший в 1978 г. сборник своих выступлений А.Д. Сахаров. Под этим названием публикуем и мы краткие выдержки из его статей, обращений, интервью и писем. Естественно, что такая подборка не может претендовать на полное изложение мыслей и взглядов Андрея Дмитриевича. В ней содержатся лишь некоторые высказывания, характеризующие его взгляды. Читателя, желающего голучить более основательное знакомство с суждениями Андрея Дмитриевича, мы отсылаем к сборникам его статей и выступлений: "А. Сахаров в борьбе за мир" (Франкфурт, 1973), "О стране и мире" (Нью-Йорк, 1976), "Тревога и надежда" (Нью-Йорк, 1978).

Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. 1968 г.

Разобщенность человечества угрожает ему гибелью. ... Перед лицом опасности любое действие, увеличивающее разобщенность человечества, любая проповедь несовместимости мировых идеологий и наций -- безумие, преступление. Лишь всемирное сотрудничество в условиях интеллектуальной свободы, высших нравственных идеалов социализма и труда, с устранением факторов догматизма и давления скрытых интересов господствующих классов -- отвечает интересам сохранения цивилизации. ...

Три технических аспекта термоядерного оружия сделали термоядерную войну угрозой самому существованию цивилизации. Это -- огромная разрушительная сила термоядерного взрыва, относительная дешевизна ракетно-ядерного оружия и практическая невозможность эффективной защиты от массированного ракетно-ядерного нападения. ... Массовое производство термоядерного оружия и ракет-носителей оказывается не более сложным и дорогим, чем, например, производство военных самолетов...

Все народы имеют право решать свою судьбу свободным волеизъявлением. ...

Цель международной политики — обеспечить повсеместное выполнение Декларации прав человека...

Специалисты обращают внимание на возрастающую угрозу всеобщего голода в "более бедной" половине земного шара. ... Катастрофа такого масштаба не может не иметь самых глубоких последствий во всем мире, для каждого человека, вызовет волны войн и озлоблений, общий упадок уровня жизни во всем мире...

Очевидно, бесполезно *только* призывать более отсталые страны ограничить рождаемость — необходимо, в первую очередь, помочь им экономически и технически, причем эта помощь должна быть такого масштаба, такого бескорыстия и широты, которые совершенно невозможны, пока не ликвидированы мировая разобщенность, эгоистический, мещанский подход к отношениям между нациями и расами, пока две великие мировые сверхсилы — СССР и США — противостоят друг другу как соперники или даже противники. ...

Капиталистический мир не мог не породить социалистического; но социалистический мир не должен разрушать методом вооруженного насилия породившую его почву — это было бы самоубийством человечества в сложившихся конкретных условиях. Социализм должен облагородить эту почву своим примером и другими косвенными формами давления и слиться с ней. Сближение с капиталистическим миром ... должно происходить не только на социалистической, но и на общенародной демократической основе, под контролем общественного мнения через все демократические институты гласности, выборов и т.д. ...

Памятная записка

Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. Брежневу. 5 марта 1971 г.

... Я высказываю мнение, что было бы правильным следующим образом охарактеризовать общество, к осуществлению которого должны быть направлены неотложные государственные реформы и усилия граждан по развитию общественного сознания:

а) Основной своей целью государство ставит охрану и обеспечение основных прав своих граждан. Защита прав человека выше других целей.

б) Все действия государственных учреждений целиком основаны на законах (стабильных и известных гражданам). Соблюдение законов обязательно для всех граждан, учреждений и организаций.

в) Счастье людей, в частности, обеспечено их свободой в труде, в потреблении, в личной жизни, в образовании, в культурных и общественных проявлениях, свободой убеждений и совести, свободой информационного обмена и передвижения.

г) Гласность содействует контролю общественности за законностью, справедливостью, целесообразностью всех принимаемых решений, способствует эффективности всей системы, обуславливает научно-демократический характер системы управления, способствует прогрессу, благосостоянию и безопасности страны.

д) Соревновательность, гласность, отсутствие привилегий обеспечивают целесообразное и справедливое поощрение труда, способностей и инициативы всех граждан. ...

... общество не нуждается во внешней политике как средстве внутренней политической стабилизации или для расширения зоны влияния или экспорта своих идей; обществу чужды мессианство, заблуждения о единственности и исключительных достоинствах своего пути и отрицание путей других. ...

Послесловие к "Памятной записке". Июль 1972 г.

... Сейчас мне в еще большей мере, чем раньше кажется, что единственной истинной гарантией сохранения человеческих ценностей в хаосе неуправляемых изменений и трагических потрясений является свобода убеждений человека, его нравственная устремленность к добру.

Наше общество заражено апатией, лицемерием, мещанским эгоизмом, скрытой жестокостью. Большинство представителей его высшего слоя — партийно-государственного аппарата управления, высших преуспевающих слоев интеллигенции — цепко держатся за свои явные и тайные привилегии и глубоко безразличны к нарушениям прав человека, к интересам прогресса, к безопасности и будущему человечества. Другие, будучи в глубине души озабочены, не могут позволить себе никакого

”свободомыслия” и обречены на мучительный разлад самих с собой. Размеры национального бедствия приобрело пьянство...

Для духовного оздоровления страны необходима ликвидация условий, толкающих людей на лицемерие и приспособленчество, создающих у них чувство бессилия, неудовлетворенности и разочарования...

**Интервью А.Д. Сахарова Стенхольму, корреспонденту
шведского радио и телевидения. 29 июля 1973 г.**

... *Вопрос:* Мы говорили о недостатках. Разрешите поставить вопрос, что можно сделать, чтобы исправить положение?

Сахаров: Что можно сделать и к чему нужно стремиться — это разные вопросы. Сделать, по-моему, почти ничего нельзя. Нельзя, так как система внутренне очень стабильна. Чем система несвободнее, тем лучше она внутренне законсервирована...

Вопрос: Вы сомневаетесь в том, что можно вообще что-то сделать, чтобы исправить систему... и, несмотря на это, Вы сами все время действуете. Почему?

Сахаров: Это — естественная потребность создавать идеалы, даже когда не видно непосредственного пути к их осуществлению. Ведь если нет идеалов, то и надеяться вообще не на что... Тот факт, что мы выступаем, еще не означает, что мы на что-то надеемся. Бывает, что человек ни на что не надеется, но все равно выступает, потому что он не может молчать...

**О письме Александра Солженицына ”Вojдям
Советского Союза”. 3 апреля 1974 г.**

... Солженицын пишет, что, может быть, наша страна не дозрела до демократического строя и что авторитарный строй в условиях законности и православия был не так уж плох, раз Россия сохранила при этом строе свое национальное здоровье вплоть до XX века. Эти высказывания Солженицына чужды мне. Я считаю единственным благоприятным для любой страны демократический путь развития. Существующий в России веками рабский, холопский дух, сочетающийся с презрением к иноземцам, инородцам и иноверцам, я считаю величайшей бедой, а не национальным здоровьем. Лишь в демократических условиях может выра-

ботаться народный характер, способный к разумному существованию во все усложняющемся мире. ...

Мир, прогресс, права человека. Нобелевская лекция. 1975 г.

Мир, прогресс, права человека — эти три цели неразрывно связаны, нельзя достигнуть какой-либо одной из них, пренебрегая другими. ...

... Я убежден, что международное доверие, взаимопонимание, разоружение и международная безопасность немыслимы без открытости общества, свободы информации, свободы убеждений, гласности, свободы поездок и выбора страны проживания. Я убежден также, что свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой научно-технического прогресса и гарантией от использования его достижений во вред человечеству, тем самым основой экономического и социального прогресса, а также является политической гарантией возможности эффективной защиты социальных прав. ...

В действительности все главные стороны прогресса тесно связаны между собой, ни одну из них нельзя отменить, не рискуя разрушить все здание цивилизации: прогресс неделим. Но особую роль в механизме прогресса играют интеллектуальные, духовные факторы. ...

О стране и мире. Июнь 1975 г.

... Какие же внутренние реформы в СССР представляются мне необходимыми... ?

1) Углубление экономической реформы 1966 года ... — полная экономическая, производственная, кадровая и социальная самостоятельность предприятий.

2) Частичная денационализация всех видов экономической и социальной деятельности, вероятно, за исключением тяжелой промышленности, тяжелого транспорта и связи. ...

3) Полная амнистия всех политзаключенных...

4) Закон о свободе забастовок.

5) Серия законодательных актов, обеспечивающих реальную свободу убеждений, свободу совести, свободу распространения информации. ...

6) Законодательное обеспечение гласности и общественного контроля над принятием важнейших решений...

7) Закон о свободе выбора места проживания и работы в пределах страны.

8) Законодательное обеспечение свободы выезда из страны ... и возвращения в нее.

9) Запрещение всех форм партийных и служебных привилегий, не обусловленных непосредственно необходимостью выполнения служебных обязанностей. Равноправие всех граждан как основной государственный принцип.

10) Законодательное подтверждение права на отделение союзных республик, права на обсуждение вопроса об отделении.

11) Многопартийная система.

12) Валютная реформа — свободный обмен рубля на иностранную валюту. ...

Я считаю необходимым специально подчеркнуть, что являюсь убежденным эволюционистом, реформистом и принципиальным противником насильственных революционных изменений социального строя, всегда приводящих к разрушению экономической и правовой системы, массовым страданиям, беззакониям и ужасам. ...

Интервью корреспонденту "Ассошиэйтед Пресс"

Дж. Кримски. 6 декабря 1976 г.

...

Кримски: Следующий вопрос о давлении со стороны Запада, о его эффективности. ... Где граница давления и когда увеличение давления уже не приносит пользы?

Сахаров: Я знаю, что этот вопрос очень горячо дискутируется и высказываются противоположные мнения. Я считаю необходимым давление на советские власти для обеспечения того минимума гражданских и политических свобод в СССР, без которых не может быть и речи об идеслогической разрядке, не может быть международного доверия. То есть я определяю грань исключительно с точки зрения тех задач, которые должны быть разрешены. ... Вообще, оказывая давление, надо всегда быть готовым к противодействию. ...и важно эту ситуацию понимать с самого начала; для того, чтобы советское противодействие не вносило полной смуты, очень важно максимальное единство Запада. ...

Моя теперешняя позиция коротко может быть охарактеризована таким образом: я считаю, что в государстве, в котором осуществляется полная партийно-государственная монополия..., невозможны свобода мысли и свобода демократических действий. Но положение изменится, если мы представим себе общество с гибридной экономикой, общество плюралистическое по своему экономическому и культурному строю. ...

Письмо президенту США Картеру. 20 января 1977 г.

Дорогой мистер Картер!

Очень важно защитить тех, кто страдает за свою ненасильственную борьбу за гласность, за справедливость, за поправленные права других людей. Наш и Ваш долг — бороться за них. Я думаю, что от этой борьбы зависит очень многое — доверие между людьми, доверие к высоким обещаниям и в конце концов международная безопасность. ...

Интервью журналу "Ньюсуик". 24 февраля 1977 г.

... Я не считаю правильными, однако, такие меры, как полный отказ от предоставления кредитов, отказ в торговле зерном, отказ от переговоров о разоружении. Не следует забывать, что только разрядка создала возможность хотя бы минимального влияния на внутреннюю и внешнюю политику социалистических стран, заставила эти страны согласовывать свои действия с общечеловеческими интересами. Возвращение назад было бы большой бедой. Использование продовольственной помощи в политических целях я считаю недопустимым по моральным соображениям. ...

Движение за права человека в СССР и Восточной Европе — цели, значение, трудности. 8 ноября 1978 г.

... Общественно-политическая идеология, выдвигающая на первое место права человека, представляется мне во многих отношениях наиболее разумной в рамках тех относительно узких задач, которые она себе ставит. Я убежден, что никакие основанные на догмах или метафизических построениях идеологии (к числу которых я отношу марксизм, анархические учения, кле-

рикальную идеологию) или слишком существенно опирающиеся на современную им структуру общества не могут соответствовать сложности, быстрой изменчивости и непредсказуемости развития человечества...

В противовес императивности большинства политических философий идеология прав человека является по своему существу плюралистической, допускающей свободу разных форм общественной организации и сосуществование разных форм и предоставляющей человеку максимальную свободу личного выбора...

Движение за права человека в СССР и в странах Восточной Европы принципиально выдвигает на первое место гражданские и политические права, в противовес официальной государственной пропаганде этих стран, умышленно (в противоречие даже с высказываниями основателей марксистской теории) смещающих акцент в сторону экономических и социальных прав. Я убежден, что в современных условиях именно гражданские и политические права ... являются гарантией свободы личности, осуществления социальных и экономических прав человека. ...

Тревожное время. 1980 г.

Я хочу высказать некоторые мысли по волнующим меня вопросам так, как они видятся мне из глубины СССР, из закрытого для иностранцев города Горький, где я живу под неусыпным надзором КГБ.

1. Международные вопросы

В 60-е -- 70-е годы СССР, используя свой возросший, хотя и односторонний экономический и научно-технический потенциал, осуществил кардинальное переоснащение и расширение своих вооружений... Произошло (и продолжает усиливаться) серьезное изменение соотношения сил в мире. Конечно, развитие новой техники и количественное наращивание вооружений происходило не только в СССР, но и в других технически развитых странах (почти во всех), это взаимно подстегивающий процесс. В США, в частности, в некоторых областях развитие шло, возможно, на более высоком научно-техническом уровне, и это, со своей стороны, вызвало тревогу в СССР. Но для оценки ситуации очень важны особенности СССР -- закрытого тоталитарного государства с фактически милитаризованной экономикой и бюро-

кратически-централизованным управлением, которые делают его усиление относительно более опасным. ...

И все же я считаю, что вопросы войны и мира, вопросы разоружения так важны, что и в самой трудной ситуации они должны иметь абсолютный приоритет, и нужно использовать все существующие возможности для их решения, готовить почву для дальнейшего продвижения в будущем. И в первую очередь — для предотвращения ядерной войны — основной опасности современного мира. В этом совпадают цели всех ответственных людей на земле, в том числе, как я считаю и надеюсь, и советских руководителей...

Любые переговоры о разоружении возможны лишь на основе стратегического равновесия...

Столь же настоятельная необходимость — мирное урегулирование "горячих" конфликтов. ...

2. Проблемы Запада

Тоталитарный строй ведет свою политику, руководя ею из единого центра: дипломатия, служба информации и дезинформации внутри и вне страны, международная торговля, туризм, научно-технический обмен, экономическая и военная помощь освободительным движениям (в некоторых случаях этот термин надо поставить в кавычки), внешняя политика зависимых стран, всевозможные тайные действия — все это координируется из единого центра. На тайных действиях надо остановиться особо — человеку свойственно забывать о том, что не бросается в глаза. Запад и развивающиеся страны наводнены людьми, которые являются фактическими проводниками влияния и интересов советской экспансии. Часть из них — по идейным, заслуживающим обсуждения мотивам. Ведь и в СССР, в ее эпицентре, и в Китае коммунистическая идеология не представляет собой чистого обмана, чистого заблуждения — она возникла из стремления к истине и справедливости, как и другие религиозные, этические и философские системы, и ее слабость, грехопадение и деградация, проявившиеся с ее первых шагов, — сложное историческое, научное и психологическое явление, которое требует отдельного анализа. Другая часть ведет себя "прогрессивным" образом, потому что это выгодно, престижно, модно. Третья часть — наивные и плохо информированные люди или равнодушные, закрывающие глаза и уши на горькие истины и охотно поглощающие

сладкую ложь. И, наконец, четвертая часть — люди, подкупленные в прямом смысле этого слова (не всегда деньгами). ...

Объединение всех сил — одно из преимуществ тоталитаризма в его общемировом наступлении, представляющем угрозу плюралистическому Западу. Что же Запад противопоставляет этому вызову? Конечно, в исторической перспективе, в условиях мирного и спокойного развития плюралистические свободные структуры более жизнеспособны и динамичны. Поэтому будущее — на путях плюралистической конвергенции и контролируемого научно-технического прогресса. Но миру предстоят очень трудные времена, жестокие катаклизмы, если Запад и определяющие свое место в мире развивающиеся страны не смогут уже сейчас проявить должную стойкость, единство и последовательность в сопротивлении тоталитарному вызову. Это относится к правительствам, интеллигенции, бизнесменам, ко всему населению. ...

... Недостаточное единство западных стран — это оборотная сторона демократического плюрализма, составляющего главную силу Запада, но также и результат планомерной политики вбивания "клиньев", чему Запад по беспечности и слепоте не оказывал должного противодействия. И все же я считаю, что в самое последнее время, в серьезных обстоятельствах кризиса, в позиции Запада, так же как и в позиции развивающихся стран произошел важный сдвиг. Будущее покажет, прав ли тут я.

Из важных событий последних лет — изменение позиций некоторых европейских коммунистических партий (впрочем, французская компартия, кажется, быстро сыграла назад). Если решение отказаться от безоговорочной поддержки Москвы, например, в таких вопросах, как действия СССР в Афганистане, отказ от догматизма и принятие некоторых плюралистических принципов окажутся достаточно стойкими, то все это будет иметь глубокие последствия. Очень важна была бы поддержка европейскими коммунистическими партиями борьбы за права человека в СССР и других коммунистических странах вместе со всеми демократическими силами своих стран. ...

3. Репрессии в СССР

Некоторые мысли о наших внутренних проблемах

Защита прав человека стала общемировой идеологией, объединяющей на гуманной основе людей всех национальностей и

самых различных убеждений. ... Чрезвычайно важно принципиальное ограничение ненасильственными методами... Призыв к новым революционным переворотам или к интервенциям был бы безумием и страшным преступлением в неустойчивом мире, стоящем в нескольких шагах от термоядерной пропасти. ...

Десятилетия тотального террора, старые и новые предрассудки, приманка относительного благосостояния после поколений разрухи ..., постоянная необходимость "ловчить", "комбинировать", нарушать правовые нормы — все это глубоко изуродовало сознание самых широких масс населения. Идеология советского мещанина (я говорю о худших, но, к сожалению, довольно типичных и для рабочих и крестьян, и для широкой интеллигенции) состоит из нескольких несложных идей:

1. Культ государства, в котором соединяются в разных комбинациях преклонение перед силой, наивная уверенность, что на Западе хуже, чем у нас, благодарность "благодетелю"-государству и в то же время страх и лицемерие.

2. Эгоистическое стремление обеспечить свое и своей семье благополучие, "живя как все", — с помощью блата, воровства, покрываемого начальством, и обязательного лицемерия. Но одновременно — у лучших — есть желание добиться этого благополучия своим трудом, своими руками, но при этом оказывается, что все равно надо ловчить и лицемерить.

3. Идея национального превосходства. Тяжелые истерические и погромные формы принимает она у некоторых русских, но и не только у них. Как часто приходится слышать — тратимся на этих черных (или желтых) обезьян, кормим дармоедов. Или — во всем виноваты эти евреи (или русские, грузины, чучмеки — т.е. жители Средней Азии). Это очень тревожные симптомы после 60 лет провозглашаемой "дружбы народов".

Официально коммунистическая идеология — интернационалистическая, но втихую используются националистические предрассудки (пока с некоторой осторожностью, и я надеюсь, что эти силы не будут развязаны — после классовой ненависти нам только не хватает расовой; националистическая идеология, как я убежден, опасна и разрушительна даже в ее наиболее гуманных на первый взгляд "диссидентских" формах).усиленно эксплуатируются общенародная трагедия войны и та гордость, которая связана у людей с их активным участием в историче-

ских событиях того времени. Ирония жизни в том, что только во время войны рядовой человек чувствовал свою значительность и человеческое достоинство... Усиленно эксплуатируются угроза войны, пресловутые американские базы, окружившие нашу страну, культивируется чувство подозрительности к проидам "империалистов". Народ, переживший страшные потери, жестокости и разрушения войны, больше всего хочет мира. Это всеобщее, наиболее глубокое, сильное и чистое чувство. Сегодня руководители страны не идут и не могут идти против этого самого главного импульса людей. ...

Но и стремление людей к миру эксплуатируется, и это, быть может, самый страшный обман. Оно используется для оправдания всего негативного в нашей жизни — экономических неурядиц, сверхмилитаризации, для оправдания якобы "защитных" внешнеполитических акций — будь то Чехословакия или Афганистан, для оправдания закрытости и несвободы общества, для оправдания экологических безумств — уничтожения Байкала, лугов и пашен, рыбных богатств страны, отравления воды и воздуха.

Население страны безропотно принимает все нехватки (т.е. дома-то оно ропщет) — мяса, масла, многого другого, терпит вопиющее социальное неравенство элиты и народа, терпит произвол и жестокость властей на местах (все знают об избиениях и гибели людей в милиции, но обычно молчат). Молчат при несправедливых расправах над инакомыслящими (иногда злорадствуют), молчат при любых внешнеполитических акциях. Страна, живя десятилетия в условиях, когда все средства производства принадлежат государству, испытывает серьезные экономические и социальные трудности, не может самостоятельно прокормить себя, не может — без использования привилегий разрядки — осуществлять научно-технический прогресс на современном уровне. ... Чиновные догматики и новый, приходящий им на смену слой — безымянные цепкие циники, спующие в бесчисленных "коридорах власти" отделов ЦК, КГБ, министерств, обкомов и райкомов, — толкают страну на более безопасный с их точки зрения, а на самом деле самоубийственный путь — оставить все по-старому в созданной при Сталине системе власти и экономики, продолжать гонку вооружений, прикрывая ее словами о миролюбии, "подбирать" все, что плохо лежит в мире — для поднятия прести-

жа и общего усиления и чтобы не ржавели пушки -- от Эфиопии до Афганистана; ликвидировать инакомыслящих, вернув страну к спокойному "додиссидентскому" периоду...

Последние 10-15 лет отмечены углублением традиционной русской беды -- пьянства. Власти, предпринимая -- больше на словах -- кое-какие робкие полумеры, фактически не могут ничего сделать реально. ...

Люди в стране, конечно, в какой-то степени дезориентированы и запуганы, но очень существенны также сознательный самообман и эгоистическое самоустранение от трудных проблем. Лозунг "Народ и партия едины", украшающий каждый пятый дом, -- не вполне пустые слова. Но из этого же народа вышли защитники прав человека, ставшие против обмана, лицемерия и немоты, вооруженные только авторучками, с готовностью к жертвам и без облегчающей веры в быстрый и эффектный успех. И они сказали свое слово, оно не забудется, за ним моральная сила и логика исторического развития. Я убежден также, что их деятельность будет продолжаться в той или иной форме, в том или ином объеме. Дело тут не в арифметике, а в качественном факте прорыва психологического барьера молчания. ...

Открытое письмо

Президиуму Верховного Совета СССР, Председателю
Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневу

Копии этого письма я адресую Генеральному Секретарю ООН и главам государств -- постоянных членов Совета Безопасности

Я обращаюсь к Вам по вопросу чрезвычайной важности -- об Афганистане. Как гражданин СССР и в силу своего положения в мире, я чувствую ответственность за происходящие трагические события. Я отдаю себе отчет в том, что Ваша точка зрения уже сложилась на основании имеющейся у Вас информации (которая должна быть несравненно более широкой, чем у меня) и в соответствии с Вашим положением. И тем не менее вопрос настолько серьезен, что я прошу Вас внимательно отнестись к этому письму и выраженному в нем мнению.

Военные действия в Афганистане продолжают уже семь месяцев. Погибли и искалечены тысячи советских людей и десятки тысяч афганцев — не только партизан, но главным образом мирных жителей — стариков, женщин, детей, крестьян и горожан. Более миллиона афганцев стали беженцами. Особенно зловещи сообщения о бомбежках деревень, оказывающих помощь партизанам, о минировании горных дорог, что создает угрозу голода для целых районов...

Также не подлежит сомнению, что афганские события кардинально изменили политическое положение в мире. Они поставили под удар разрядку, создали прямую угрозу миру не только в этом районе, но и везде. Они затруднили (а может, сделали вообще невозможной) ратификацию договора ОСВ-2, жизненно важного для всего мира, в особенности как предпосылка дальнейших этапов процесса разоружения. Советские действия способствовали (и не могли не способствовать!) увеличению военных бюджетов и принятию новых военно-технических программ во всех крупнейших странах, что будет сказываться еще долгие годы, усиливая опасности гонки вооружений. На Генеральной Ассамблее ООН советские действия в Афганистане осудили 104 государства, в том числе многие, ранее безоговорочно поддерживавшие любые действия СССР.

Внутри СССР усиливается разорительная сверхмилитаризация страны (особенно губительная в условиях экономических трудностей), не осуществляются жизненно важные реформы в хозяйственно-экономических и социальных областях, усиливается опасная роль репрессивных органов, которые могут выйти из-под контроля.

Я не буду в этом письме анализировать причины ввода советских войск в Афганистан — вызван ли он законными оборонительными интересами или это часть каких-то других планов, было ли это проявлением бескорыстной помощи земельной реформе и другим социальным преобразованиям или это вмешательство во внутренние дела суверенной страны. Быть может, доля истины есть в каждом из этих предположений... По моему убеждению, необходимо политическое урегулирование, включающее следующие действия:

1. СССР и партизаны прекращают военные действия — заключается перемирие.

2. СССР заявляет, что готов полностью вывести свои войска по мере замены их войсками ООН. Это будет важнейшим действием ООН, соответствующим ее целям, провозглашенным при ее создании, и резолюции 104-х ее членов.

3. Нейтралитет, мир и независимость Афганистана гарантируются Советом Безопасности ООН в лице его постоянных членов, а также, возможно, соседних с Афганистаном стран.

4. Страны — члены ООН, в том числе СССР, предоставляют политическое убежище всем гражданам Афганистана, желающим покинуть страну. Свобода выезда всем желающим — одно из условий урегулирования.

5. Афганистану предоставляется экономическая помощь на международной основе, исключающей его зависимость от какой-либо страны; СССР принимает на себя определенную долю этой помощи.

6. Правительство Бабрака Кармаля до проведения выборов передает свои полномочия Временному Совету, сформированному на нейтральной основе с участием представителей партизан и представителей правительства Кармаля.

7. Проводятся выборы под международным контролем; члены правительства Кармаля и партизаны принимают участие в них на общих основаниях. ...

Я также считаю необходимым обратиться к Вам по другому наболевшему для страны вопросу. В СССР за без малого 63 года никогда не было политической амнистии. Освободите узников совести, осужденных и арестованных за убеждения и ненасильственные действия. ... Такой гуманный акт властей СССР способствовал бы авторитету страны, оздоровил бы внутреннюю обстановку, способствовал бы международному доверию и вернул бы счастье во многие обездоленные семьи...

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧЕНЫХ

Ученые в современном мире, в силу интернационального характера науки, образуют единственное пока реально существующее международное сообщество. Это несомненно так в профессиональном плане: уравнение Шредингера или формула $E = mc^2$ одинаково справедливы на всех континентах. Но международная интегрированность научного сообщества неизбежно выходит, и должна выходить в еще большей степени, за узко профессиональные рамки, охватывая широкий круг нравственных и общечеловеческих проблем.

Ученые, инженеры, специалисты обладают — в силу профессиональных знаний и особенностей положения — широким и глубинным пониманием возможностей применения на благо людям достижений науки и технологии и одновременно связанных с этим опасностей и в какой-то мере пониманием, или стремлением к пониманию, позитивных и негативных тенденций и возможных последствий прогресса в целом. Колоссальные резервы использования современных достижений физики, химии и биохимии, технологии и инженерии, компьютерной техники, медицины и генетики, физиологии и научной гигиены, микробиологии, в том числе промышленной, новых принципов организации промышленности и сельскохозяйственного производства, психологии и других точных и гуманитарных наук. Еще большего можно ждать от науки и технологии в будущем. Долг всех нас — всемерно способствовать полной реализации этих достижений и дальнейшему их развитию в мире, где жизнь большинства людей все еще очень тяжела, где столь многим угрожают голод, ранние болезни и преждевременная смерть.

Но ученые и специалисты не могут не думать и об опасностях неконтролируемого прогресса, в частности неконтролируемого промышленного роста, и в особенности об опасностях военного применения достижений науки. Широкие общественные дискуссии связанных с научно-техническим прогрессом вопросов

— ядерной энергетики, демографического взрыва, гениой инженерии, защиты среды обитания от последствий промышленного роста, защиты воздуха, флоры и фауны, рек и озер, морей и океанов, влияния на людей средств масс-медиа — часто ведутся на низком уровне информации, с предвзятостью и под влиянием политических страстей, а иногда просто недобросовестно — но они отражают реальные и серьезные проблемы. Поэтому долг специалистов — непредвзятое и максимально широкое рассмотрение всего комплекса проблем с обязательным доведением всей общественно значимой информации до населения, причем не только в пересказах, а и из "первых рук". Очень показателен пример дискуссий по ядерной энергетике, столь важной в современных условиях. Как мне уже приходилось писать, по моему мнению, в этом вопросе на Западе возник крайне вредный перекося в сторону преувеличения ее опасностей.

С некоторыми существенными оговорками (в особенности относящимися к тоталитарным странам) ученые обладают не только большей информированностью, но и большей независимостью и свободой, и стремятся к этому. Но свобода всегда предполагает и ответственность. Ученые и специалисты имеют сейчас или могут иметь огромное влияние на общественное мнение и влияние на органы власти (не следует его переоценивать, но оно существует). Понимая так положение ученых в современном мире, я убежден в их особой ответственности — и в профессиональном, и в общественном плане. При этом часто трудно разделить первое и второе — уже информационная деятельность ученых, популяризация научных знаний, предложения или предупреждения носят такой смешанный профессионально-общественный характер.

То же самое относится к роли ученых в проблемах разоружения — в выработке программ и участию в международных переговорах, в обращениях к властям и гражданам с относящимися сюда идеями, опасениями и предложениями. Это отдельная, чрезвычайно важная тема, требующая глубокого, всестороннего и научно смелого подхода. Она требует более подробного освещения. Здесь я скажу лишь в тезисной форме, что считаю разоружение необходимым и возможным единственно на основе стратегического равновесия, я считаю необходимыми дальнейшие

соглашения о всех видах оружия массового уничтожения и — при достижении стратегического равновесия в области обычных вооружений с учетом всей совокупности политических, психологических и географических факторов, при условии прекращения тоталитарной экспансии — соглашения об отказе от первого применения ядерного оружия и — в перспективе — запрещения его,

Другая тема, к которой я перейду, — международная защита прав человека — также тесно связана с проблемой мира, с установлением доверия и взаимопонимания между странами. Свобода убеждений и информационного обмена, свобода передвижения — необходимое условие реальной подконтрольности власти, предупреждающее злоупотребления ею во внутренних и международных делах. При подконтрольности власти были бы невозможны, по моему мнению, такие трагические ошибки, как советское вторжение в Афганистан, затруднены проявления экспансионистской политики, внутренние репрессии. Важным шагом в направлении реальной свободы информации в тоталитарных странах явилась бы свободная продажа в них газет, журналов и книг, публикуемых за рубежом. Не менее, а может быть, более важна отмена цензуры — что, конечно, больше всего должно быть заботой ученых и интеллигенции именно тоталитарных стран. Важно требовать прекращения глушения иностранных радиопередач, лишаящего миллионы граждан неподцензурной информации и тем самым самостоятельной оценки событий (как известно, глушение в СССР возобновилось осенью 1980 года после 7-летнего перерыва).

Особое значение имеет, по моему мнению, поддержка требования "Эмнести Интернейшнл" всеобщей всемирной амнистии узников совести. Политическая амнистия была уже проведена в последние годы в ряде стран и во многом способствовала улучшению обстановки. Амнистия узников совести в СССР, в странах Восточной Европы и во всех других странах, где есть политзаключенные — узники совести, имела бы не только большое гуманистическое значение, но и в огромной степени способствовала бы международному доверию и безопасности.

Именно в решении всех этих задач может оказаться особенно важен всемирный характер научного сообщества. Вместе с тем, защищая права человека в международном масштабе, в том чи-

сле репрессированных ученых, но и не только их, а и всех, чьи права нарушены, — научное сообщество защищает и подтверждает свой международный статут, столь необходимый для успешной деятельности в науке и для служения обществу. Ученым на Западе известны многие имена тех их коллег в СССР, которые подверглись незаконным репрессиям (в силу большей осведомленности я буду ниже говорить об СССР, хотя серьезные нарушения прав человека имеют место и в других странах, в частности в Восточной Европе). Все те, о ком я говорю, никогда не призывали к насилию и не применяли его, считая гласность единственно допустимой, эффективной и свободной от пагубных последствий формой защиты прав человека. Таким образом, все они — узники совести в том смысле этого слова, который применяет "Эмнести Интернейшнл". Очень много общего и в их дальнейшей судьбе. Суд над каждым проходил с вопиющими нарушениями гласности и других требований закона, а также простого здравого смысла. Так, мой друг Сергей Ковалев осужден в 1975 г. заочно и без адвоката, т.е. вообще без каких-либо возможностей защиты. Он приговорен к 7 годам заключения и 3 годам ссылки якобы за антисоветскую агитацию и пропаганду в самиздатском информационном журнале "Хроника текущих событий"; но какая-нибудь дискуссия по существу отсутствовала. Столь же незаконными были суды над основателем Хельсинкской группы Юрием Орловым и другими членами Хельсинкских групп и их комиссий — Виктором Некипеловым, Леоном Терновским, Миколой Руденко, Александром Подрабинком (и его братом Кириллом), Глебом Якуниным, Владимиром Слепаком, Мальвой Ландой, Робертом Назаряном, Эдуардом Арутюняном, Вячеславом Бахминым, Олегом Бердином, Оксаной Мешко, Николаем Матусевичем и его женой, Мирославом Мариновичем. Ожидают суда Таня Осипова, Ирина Гривнина и Феликс Серебров. Во время суда над Орловым его адвокат был насильно заперт в комнате рядом с залом суда и не мог присутствовать на части заседания, а жена подвергнута грубому личному обыску со срыванием одежды в поисках записей и магнитофона, настолько велик страх раскрытия гротескной тайны суда. В лагере все узники совести подвергаются жестокому обращению, произвольным заключениям в карцер — на пытку холодом и голодом, произвольно лишаются и без того крайне ограниченных свиданий с

близкими и права на переписку. Они разделяют все недостойную современности тяжесть режима уголовных заключенных в СССР, при этом от них требуют еще "встать на путь исправления", т.е. отказа от убеждений; хочу напомнить, что ни разу ни одна международная организация, в том числе юридические и Красный Крест, не добилась возможности видеть советские лагеря. Очень часты повторные осуждения политзаключенных, часто на чудовищный срок — 10 лет лагеря и 5 — ссылки. Так осуждены орнитолог Март Никлус, поэт Василь Стус, физик-учитель Олекса Тихий, юрист Левко Лукьяненко, филолог Викторас Пяткус, Балис Гаяускас; ожидает повторного лагерного суда Паруйр Айрикян. В эти дни я потрясен повторным (пятым!) арестом моего друга Толи Марченко, рабочего и писателя, автора двух талантливых и очень важных, как мне кажется, книг — "Мои показания" и "От Тарусы до Чуны". В заключении верующие — Ростислав Галецкий, пресвитер Горстой, Александр Огородников, Борис Перчаткин и другие. Повторно осуждены рабочие Михаил Кукобака и Юрий Гримм. Все еще в заключении Алексей Мурженко и Юрий Федоров. Я назову еще фамилии некоторых ученых (к которым можно добавить многие другие). Это известный сейчас всему миру молодой кибернетик Анатолий Щаранский, математики Татьяна Великанова, Александр Лавут, Александр Болонкин, кибернетик Виктор Браиловский, экономист Ида Нудель, инженеры Решат Джемилев, Антанас Терляцкас, Вазиф Мейланов, физики Ролан Кадыев, Иосиф Зисельс, Иосиф Дядькин, химики Юри Кукк, Валерий Абрамкин, филологи Игорь Огурцов и Мустафа Джемилев, метеоролог Владимир Балахонов.

Очень распространенным нарушением прав человека, жертвой которого особенно часто являются ученые, является отказ в разрешении на эмиграцию. Много фамилий таких "отказников" известно на Западе.

Более года назад я без суда выслан в Горький и подвергнут режиму почти полной изоляции. Недавно органы КГБ совершили кражу моих рукописей и дневников с выписками из научных книг и журналов. Это новая попытка лишить меня всякой возможности интеллектуальной жизни, на этот раз даже наедине с самим собой, лишить меня памяти. Свыше трех лет без каких-либо оснований задерживается в СССР жена сына Елизавета Алексева. Я пишу об этом ввиду полной незаконности

всех этих действий и потому, что задержание Лизы — неприкрытый шантаж в отношении меня, государственное заложничество.

Я обращаюсь к ученым всего мира с призывом к защите репрессированных. Я считаю, что в защите безвинных допустимы, а во многих случаях необходимы такие чрезвычайные меры, как прекращение научных контактов и другие формы бойкота. Наряду с этим я призываю использовать все возможности гласности и дипломатии. Обращаясь к руководителям СССР, следует учитывать, что они обычно не знают, да и не стремятся, вероятно, знать о большинстве адресованных им писем и обращений; поэтому особое значение приобретают личные ходатайства государственных деятелей Запада, встречающихся с ними, и необходимо, используя влияние ученых в своих странах, добиваться таких ходатайств.

Я надеюсь, что тщательно продуманные и организованные действия в защиту репрессированных будут способствовать облегчению их участи, способствовать укреплению международного научного сообщества, его авторитета и действенности.

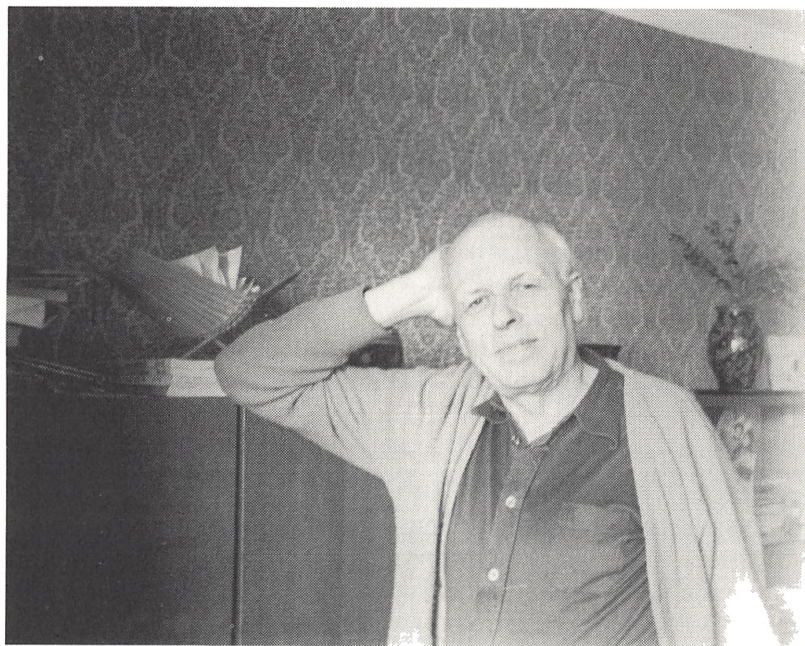
Я назвал это письмо "Ответственность ученых". Великанова, Орлов, Ковалев и многие, многие другие решили вопрос ответственности для себя, встав на путь активной и самоотверженной борьбы за права человека, за гласность. Их жертвы огромны, но не бесполезны. Именно эти люди меняют что-то в лучшую сторону в нравственном облике нашего мира. Другие их коллеги в тоталитарных странах не нашли в себе сил для такой борьбы, но многие из них стараются честно выполнить свой профессиональный долг. Действительно, надо профессионально работать. Но не пора ли этим ученым, в узком кругу часто показывающим много понимания и неконформизма, проявить свое чувство ответственности более общественно значимым способом, более открыто — в таких вопросах хотя бы, как открытая защита своих репрессированных коллег, открытый контроль за реальным соблюдением законов страны и выполнением ее международных обязательств. И, безусловно, для каждого истинного ученого необходимо сохранить тот запас мужества и честности, который дает возможность противостоять соблазнам и привычкам конформизма. Мы здесь знаем, к сожалению, слишком много примеров обратного — иногда под предлогом сохранения лаборатории или института (обычно фальшивым), иногда — ради

продвижения, иногда -- ради возможности съездить за границу (главная приманка в такой закрытой стране, как наша). А ведь разве не позорное действие совершают коллеги Юрия Орлова, тайно исключая его из Академии наук Армении, и другие коллеги из Академии наук СССР, закрывающие на это глаза, как и на то, что он находится на грани физической смерти? Возможно, что рано или поздно многие активные или пассивные соучастники подобных дел столкнутся с возросшими аппетитами Молоха. Хорошего в этом мало, лучше избежать!

Для ученых Запада нет ни угрозы тюрьмы и лагеря за общественную деятельность, ни приманки заграничной поездки за отказ от нее. Но ответственность от этого не становится менее острой. Среди какой-то части западной интеллигенции распространено предубеждение против общественной деятельности, как политики. То, о чем я пишу здесь, -- не борьба за власть и поэтому не политика. Это борьба за сохранение мира и нравственных ценностей, выработанных всем развитием цивилизации. Пример и судьба узников совести показывают, что защита справедливости, международная защита конкретных жертв насилия, защита высших интересов человечества -- долг каждого ученого.

24 марта 1981 года
Горький

P.S. Уже после того, как статья была написана, Таня Осипова осуждена на пять лет лагерей и пять лет ссылки, к семи годам лагерей и пяти годам ссылки приговорен Генрих Алтунян и в лагере после четырехмесячной голодовки трагически погиб в возрасте 41 года Юрий Кукк.

Андрей Дмитриевич Сахаров
Горький. Апрель 1981 года

В ПЕРЕПЛЕТЕ СОБЫТИЙ

Я бежала, почти задыхаясь, по переходам. В голове стучали не мысли, а какие-то наплывы тревоги, растекающиеся по всему телу и сжимающие мышцы. По дороге еще задерживалась у автоматов, пыталась звонить. Курский. Под землей через Садовое. Подумалось: "Может, проехать троллейбусом за Язуз, посмотреть, что у дома?" Но троллейбуса нужно было ждать, и я побежала. С горки видна толпа у подъезда, как потом выяснилось -- корреспонденты. Сразу за переулком Обуха возник тип с красной книжечкой в руках, потребовал у меня паспорт. Из-за его спины выглядывал второй. Посадили они меня в машину и повезли совсем недалеко, почти напротив, в дом над Язузой. Усадьба там, видно, раньше была и парк, потом детский туберкулезный санаторий, теперь -- милиция. Там я просидела в красном уголке часа четыре. Мною не интересовались, но и не отпускали. Состояние было тупое, вокзальное, когда ожидание неотвратимо.

Понимала: с сегодняшнего дня началась новая полоса. До этого дня они Андрея не трогали, сегодня решились. Что это? Уверенность, что им все сойдет с рук? Проверка -- как отзовется мир? Снова полное беззаконие сталинских времен? Неужели сегодня это возможно? Во что это выльется -- страшно было подумать.

Потом вошел какой-то милиционер и сказал: "Вы свободны". В дверях столкнулась со Славой Бахминым¹. Оказывается, его тоже задержали. Звоним каждый к себе домой и отправляемся на другую сторону улицы. В подъезде к нам присоединяется

¹ Бахмин Вячеслав Иванович, математик, член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях при Московской группе содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Арестован в мае 1980 г. и приговорен по ст. 190-1 УК РСФСР к трем годам лагерей общего режима.

Феликс Серебров². У дверей квартиры два милиционера в полной парадной форме (белые ремни, нарукавники) ошеломляют нас сообщением: "Все уехали на аэродром провожать". Ничего больше добиться не можем. То ли им "не положено" что-то другое говорить, то ли они и сами не знают ничего. А может быть, и то, что говорят, — туфта...

Так я запомнила этот черный день. Один из самых уважаемых человечеством людей, лауреат Нобелевской премии Мира, крупнейший русский физик, академик Андрей Сахаров без суда и следствия насильственно этапирован в город Горький, где ему определили местом жительства квартиру, охраняемую милицией и Комитетом государственной безопасности, режим изоляции, переписки и прочее, и прочее.

Все последующие дни мы слушали радио. Мир за пределами нашего государства, казалось, вот-вот взорвется от возмущения. Протестовали правительства, общественные организации и ассоциации, политические и общественные деятели, ученые, писатели, просто люди, знавшие его лично и знавшие о его деятельности.

Протестовали и мы, его соотечественники, но, увы, далеко не все, а лишь те, кто для себя молчание считал формой пособничества властям. Впрочем, наверное, я не права: среди молчащих были и такие, которые страдали от своего молчания, однако не сумели преодолеть великий страх перед репрессивной машиной. Уроки прошлого подкреплялись уроками настоящего, и это парализовало многих. Такими молчальниками оказались почти все ученые, в том числе — академики, все научные и общественные организации, в том числе и Академия наук. Это грустное и позорное обстоятельство обеспечило успех предприятия. Андрей до сих пор в Горьком, режим его содержания постепенно ужесточается, а из тех, кто шел с ним рука об руку в правозащитном движении, мало кто остался на свободе. За месяцы до его ссылки арестованы Татьяна Великанова³, Виктор Некипелов⁴, вскоре после ссылки — Мальва Ланда⁵, Александр Лавут⁶, Леонард Терновский⁷, Вячеслав Бахмин, Феликс Серебров, Татьяна Осипова⁸ и многие другие. Волна репрессий прокати-

² Серебров Феликс Аркадьевич, член Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР и Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях при ней. Арестован 9 января 1981 г. и приговорен по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР к четырем годам лагерей строгого режима и пяти годам ссылки.

Ссылки 3-8 см. след. стр.

лась по всей стране. В лагерях свирепствует произвол. "Теперь все, теперь нет вашего защитника", -- объясняют начальники подследственным и заключенным.

Сегодняшний день в истории нашей страны выглядит страшным и безысходным. Огня надежда, что это лишь сегодняшний день — никто не знает, что будет завтра.

* * *

Впервые об Андрее Сахарове мы с мужем, Григорием Подьяпольским, узнали после появления в самиздате его статьи "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Впечатление было очень глубоким. Поражала широкая позиция автора, столь несвойственная ни официальной, ни даже самиздатской литературе нашего отечества. Как всегда,

³ Великанова Татьяна Михайловна, математик, член Инициативной группы защиты прав человека в СССР, арестована в ноябре 1979 г., приговорена по ст. 70 УК РСФСР к пяти годам лагерей строгого режима и четырем годам ссылки.

⁴ Некипелов Виктор Александрович, врач, поэт, публицист, член Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, арестован 7 декабря 1979 г., приговорен к семи годам лагерей строгого режима и пяти годам ссылки, до этого отсидел по ст. 190-1 два года в лагере общего режима.

⁵ Ланда Мальва Ноевна, геолог, член Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, арестована 7 марта 1980 г., приговорена к пяти годам ссылки, до этого в 1977 г. выслапалась на два года под предлогом "пожара в квартире".

⁶ Лавут Александр Павлович, математик, член Инициативной группы защиты прав человека в СССР, арестован в апреле 1980 г., приговорен по ст. 190-1 к трем годам лагерей общего режима.

⁷ Терновский Леонард Борисович, врач-рентгенолог, член Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР и Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях при ней, арестован в апреле 1980 г., приговорен по ст. 190-1 к трем годам лагерей общего режима.

⁸ Осипова Татьяна Семеновна, филолог, член Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, арестована в мае 1980 г., приговорена к пяти годам лагерей строгого режима и пяти годам ссылки.

мир оказался тесен. Нашлись общие знакомые и связи, которые тянулись из прошлых времен. Как бы сами собой выяснились сведения о нем: один из создателей водородной бомбы, однако сам против ядерных испытаний, выступает очень активно против загрязнения среды обитания. Андрей Сахаров происходил из того же круга московской интеллигенции, к которому принадлежали предки Гриши Подъяпольского и сейчас принадлежат наши семьи.

А встретились мы впервые у Валерия Чалидзе. Очень скоро и Андрей, и его жена Елена Боннэр, и ее мать Руфь Григорьевна, и дети стали неотъемлемой частью нашей жизни. Была радость узнавания, было много общих переживаний и сопереживаний.

После эпохи сталинского запрета на мысль и недолгой "оттепели" многие равнодушные, активные люди стремились искать пути развития отечества, старались довести до широких масс горький опыт прошлого. Они надеялись, что деятельность их поможет нашей стране перейти от деспотии к демократии, а следовательно -- к процветанию. В 1970 году В. Чалидзе, А. Сахаров и А. Твердохлебов образовали Комитет прав человека, позже в него вошли И. Шафаревич и Г. Подъяпольский. На "Чкалова"⁹ не переводились "ходоки" из разных концов страны. Всем казалось, что если Сахаров -- трижды Герой Труда, лауреат государственных премий -- заступится, то справедливость восторжествует. И он писал, просил, протестовал, и сначала это бывало действенно, а потом -- нет. Однако тяга к справедливому началу в народе так велика, что "поток ходоков" не иссяк и после того, как его выслали в Горький.

Особое значение для нашего времени, да и для будущих времен имеют выступления Андрея по принципиальным вопросам мира, прогресса и прав человека. В какие бы трудные обстоятельства ни ставили его власти и жизнь сама по себе, голос его всегда звучит свободно, раздумчиво, ясно. Много из того, что мне дано в ощущении, в эмоциях, приобретает в его формулировках смысл истинных проблем, без разрешения которых мир не может обойтись.

Я не мастер писать высокие слова, мое восхищение перед личностью Андрея почти беспредельно, а в буднях жизни я просто

⁹ Т.е. на улице Чкалова, в квартире Е.Г. Боннэр, в которой жил А.Д. Сахаров.

люблю его, как и всю семью Сахаровых-Боннэр, и мне хочется вспоминать, ибо что нам остается от прошлого, кроме воспоминаний и ... опыта?

* * *

Ясное осеннее утро в октябре 1973 года. Воскресенье. Мы троим -- Гриша, Таня Ходорович и я -- идем на улицу Чкалова, 48^б. Они -- что-то обсуждать и решать, я -- вместе с ними. В этот же день Гриша уезжал в командировку. О том, что мы придем, договорились заранее. Нас должны ждать. Звоним в дверь. Голоса в глубине квартиры, какой-то шум, перебранка... Прислушиваемся. Холодком мысль: "Неужели обыск?" Гриша и Таня остаются у двери, я бегу звонить из автомата у подъезда. Возвращаюсь с сообщением -- длинные гудки, к телефону не подходят. Их новости не обильны. Шум в квартире смолк. Вроде на восьмом этаже, в квартире над нашей, праздник, слышны голоса. Может, там была перебранка? И все-таки нет. Очень уж четко были слышны голоса за дверью. Решаем, что я опять пойду к телефону -- сообщить детям в Новогиреево и еще кому-нибудь по своему усмотрению, а они будут продолжать звонить в дверь.

Удивляюсь тому, что никаких "топтунов" у дома не околачивается, да и, когда мы шли, вроде не было. Это необычно. Автомат у дома уже не работает. Это обычно. Пришлось бежать за Язу, только там нашла исправный. Дозвонилась по нескольким телефонам, а саму трясет: что-то там ... Бегу назад. Около Язузы встречаю Гришу и Таню. Они встревожены тем, что я так долго отсутствовала. За дверьми все так же -- никаких признаков жизни. Поворачиваем к дому и видим, как к подъезду подходят такси и высаживаются знакомые. Мои звонки сработали. Спешим вверх. Дверь опять закрыта. Куда же девались приехавшие? Звоним. Нам открывают. В квартире полно народу. Андрей Твердохлебов возится с телефоном, у которого обрезан шнур. Узнаем все -- и столбенеем.

Оказывается, перед нашим звонком в квартиру проникли люди, представившиеся членами палестинской террористической организации "Черный сентябрь". Требовали, чтобы Андрей Сахаров отказался от заявления "Об октябрьской войне в Израиле". Угрожали убить его и его близких. Тут позвонили мы. Террористы вроде бы перепугались. Под дулом заставили всех

молчать, перевели в дальнюю комнату. А выскочили они из квартиры в тот короткий промежуток времени, когда Таня и Гриша ушли от двери встречать меня, а те, кого я подняла телефонными звонками, еще не появились.

Странная история! Милиция на заявление о вооруженном шантаже реагировала весьма вяло. Только к ночи приехал какой-то "опер". В общем, ни милиция, ни Комитет государственной безопасности господами террористами, орудующими на территории Советского Союза, не заинтересовались. Будто это самое ординарное явление. Штатов у них, что ли, нехватает? И это в то время, как за многими безоружными, а лишь думающими (так называемыми "иномыслящими") топтуны так и роятся...

Может быть, и можно было бы поверить в "инициативу" арабских террористов, если бы не целая серия кампаний нажима, которые сменяли друг друга и имели одну цель — запугать Андрея: газетная шумиха августа того же года, вызовы Люси Боннэр в КГБ на допросы в качестве свидетельницы, записка от никому не известного "Христианского союза" с нехристианской угрозой убить Матвея (внука), появление в Петрово-Дальнем двух мужчин, угрожавших Ефрему (мужу дочери) смертью ему и ребенку, если Сахаров не прекратит деятельность, открытие "уголовных" дел на Татьяну (дочь) и Ефрема и доведение их до вынужденной эмиграции, исключение из института Алеши (сына) и вынужденная эмиграция его. И, наконец, длящееся по сей день давление на Андрея и Люсю бесправным положением Лизы (невесты сына), которой не разрешают выезд к жениху. Это только некоторые "мероприятия" одного плана: были и официальные беседы в Прокуратуре Союза с недвусмысленным требованием замолчать. И теперь — Горький, под домашний арест и неусыпный надзор. Такова жизнь семьи Сахаровых. Жизнь, требующая постоянного напряжения, проявления самоотверженности и героизма от всех ее членов.

* * *

Март 1976 года. Самая черная пора в жизни нашей семьи. От кровоизлияния в мозг, в командировке, в саратовской больнице погиб Гриша. В случившееся нельзя было поверить, его нельзя было понять.

Весь страшный день панихиды и кремации два Андрея держали мои руки в своих: племянник Андрей и Андрей Сахаров. Даже после того, как все, что положено, было завершено, осталось ощущение нереальности случившегося. Жизнь в доме потекла так, будто его хозяин еще не вернулся из командировки. Стало еще болеелюдно, чем при нем. Это друзья несли нам тепло своих сердец. Горе еще больше сблизило и породнило нас с теми, кто любил Гришу, — в том числе с семейством Сахаровых.

После катастрофы прошло пять лет. Все, что пережито, — пережито вместе, и у меня не возникает вопроса, кому нести свои сомнения, волнения, страхи.

* * *

Однажды по дороге к Сахаровым я обогнала трех человек, которые мне показались удивительными: молодой высокий мужчина, очень красивая, тоже высокая дама в шляпе и пожилая дама остановились у светофора на улице Обуха и ждали, когда загорится зеленый свет. Они никуда не спешили. Мимо них пробегали люди озабоченные, усталые, не обращающие внимания на светофор, да и на них, наверное. И я пробежала. Через некоторое время в квартире Сахаровых зазвонил звонок, и я увидела поразившую меня группу. Красивая молодая дама оказалась Джоан Бозс, певицей.

Как выяснилось потом, она не только поет, она еще занимается общественной деятельностью. Ей хотелось получить одобрение своей позиции. Она положила много сил, уговаривая правительство своей страны разоружаться во что бы то ни стало, подавая "пример партнерам". Она не могла поверить, что такой благой порыв не будет воспринят и не повлечет всемирного разоружения. Андрей терпеливо объяснял ей свою позицию. Обстановка, в которой это происходило, определялась следствием по делу Гинзбурга и Орлова. Сама многотрудная жизнь Сахаровых тоже что-то сказала ей. Женщине было непреодолимо грустно. Она плакала, и ее нечем было утешить. А потом она пела, и голос ее зачаровал всех.

* * *

Март 1980-го. Андрей уже в Горьком. Очень соскучилась, очень хочу его видеть. В один из приездов, не выдержав моего

просительного взгляда, Люся сказала: "Ладно... едем. Постараемся тихо".

На вокзале и на перроне мы держимся отчужденно, сосет страх -- что, если вдруг снимут с поезда... Едем втроем -- Люся, Лизанька и я (в те времена Лизу еще пускали в Горький, и она, как и Люся и Руфь Григорьевна, жила то там, то в Москве). В поезде успокоились. Дремлем, болтаем с соседкой. Проезжаем Петушки, Владимир, Камешково, Ковров. Шумят колеса, ползет время; уже к ночи добираемся до Горького. На перроне нас встречает Андрей, суетится с вещами: мы везем продукты. Тащиться нужно через подземный переход. У Андрея очень большое сердце, но он, как всегда, хватается за самое тяжелое. Шумим по этому поводу.

Уже на привокзальной площади, где мы пытались договориться с таксистом, нас окружает стая "мальчиков". Безапелляционный распорядительный тон, сразу понятно -- гебешники. Они требуют, чтобы Андрей ехал в Щербинки, а я в Москву. Андрей пришел в неистовство. Он чуть не топает ногами и кричит, что тогда и он поедет со мной в Москву. Я пытаюсь его успокоить. В сумятице они смотрят мой паспорт, а Люсю осеняет: "Сестра она ему", -- говорит она. "Да, сестра, сестра", -- подтверждаю я, ибо кто же я еще, если жизнь сделала меня его сестрой? Их главного убеждают не наши слова, а решительный тон Андрея. Поколебавшись, он разрешает мне ехать в Щербинки с тем, что завтра к вечеру я выеду в Москву. И мы едем в такси почти счастливые. Говорим о пустяках. Планируем, как завтра пойдем покупать мне туфли.

За окном мелькает ночной город. Вот и улица Гагарина, и сахаровский дом-тюрьма. Вылезаем из машины и попадаем в руки милиции. Капитан Снежницкий требует, чтобы я шла в опорный пункт милиции. Естественно, все остальные идут со мной. Андрей ведет меня под руку. "Я тоже мог бы с Вами под ручку пройти, я тоже мужчина", -- изголяется капитан. Весь последующий разговор он ведет в тоне непрерывной издевки. Он так оскорбительно и привычно груб, что я перестаю на него реагировать. Очевидно, ему разрешен такой тон, а может быть -- и запрограммирован? Мы с Андреем перекидываемся какими-то человеческими словами и радуемся, что видимся хоть так.

Через какое-то время, может быть -- через час, в течение которого гебешные мальчики бегают туда-сюда и явно консультируются по телефону, их начальство принимает решение: мне надлежит сегодня же под их присмотром выехать в Москву. За это время Люся сооружает мне какой-то ужин, Лизанька и Андрей поят меня чаем (в опорном пункте), в квартиру меня так и не пустили. Потерянно прощаемся... Я сажусь в машину, по бокам -- гебешники, впереди -- Снежницкий. Опять шуршат шины по ночным улицам Горького -- меня везут к вокзалу.

Потом я пыталась испросить разрешение на посещение Андрея у Андропова в КГБ и у Рекункова в Прокуратуре Союза. Ходила и туда, и туда на прием, писала заявления. В приемной КГБ какое-то ответственное лицо, назвавшееся Андреем Анатольевичем Ивановым, сообщило мне, что я не могу видаться с Сахаровым в Горьком, потому что я -- антиобщественный элемент.

... Из вороха воспоминаний о недавнем прошлом я выбрала очень немногое. Когда-нибудь, когда жизнь полегчает и у нас появится досуг, мы будем подробнее писать об ощущениях, пережитых в наше трудное время, а историки и писатели восстановят по ним не только череду событий, но и вкус нашего горького века.

Впрочем, все прошлые поколения считали свое время не лучшим. Нам, глядящим на свое время изнутри, оно не дает передышки, швыряя от отчаяния к надежде. Я -- оптимист, мне свойственно преобладание надежды. Не то, чтобы я была уверена в светлом "завтра", но историческое "сегодня", при всей его непостижимой и нелепой жестокости, все же отличается от полной кромешности сталинского лихолесья. Как оптимист, я хочу верить, что в наш век возможна восходящая эволюция и социалистического общества.

То, что такой человек, как Андрей Сахаров -- ученый и мыслитель -- всем своим существом включен в борьбу за права человека, представляется мне светлым знаменем времени.

То, что эти его усилия оценены современниками, то, что он, Сахаров-правозащитник, известен всему миру, -- тоже знамение времени.

Андрей Дмитриевич Сахаров в изгнании. Под строгим надзором. Лишен переписки и контакта с людьми, не только с учеными и друзьями. Отрезан от мира. И все же можно с полным основанием сказать о нем словами Анны Ахматовой, относившимися ко Льву Толстому: "Конечно, он всегда и отовсюду слышен и виден -- из любой точки земного шара, но уже как явление природы, ну, как зима, осень, заря".

Сходство между нашим великим современником и великим русским писателем прошлого — в огромном общественном значении их нравственного облика и подвига и в том, что оба эти выразителя чаяний человечества оказались в конфликте с властью своего времени. Эта трагедия имеет всеобщее значение.

Люди, убежденные в непреложности ценностей, гуманным и мужественным поборником и хранителем которых стал Андрей Дмитриевич Сахаров, всей душой с ним, обращаются мыслью к нему в день его шестидесятилетия и желают ему сил и здоровья.

БЕЗЗАКОНИЕ (Заметки юриста)

Мы живем не в правовом государстве. Не только должностные лица, но и высшие партийные и советские органы нарушают ими же изданные законы. Примеров таких нарушений много. Самый яркий пример открытого, циничного нарушения -- это ссылка мужественного и непримиримого борца за права человека, академика Андрея Дмитриевича Сахарова.

Ссылка — мера уголовного наказания. Конституция СССР, Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик (закон 1958) и все республиканские уголовные кодексы устанавливают, что правосудие осуществляется только судом и меры уголовного наказания могут быть применены только по приговору суда. Действующее законодательство СССР не предусматривает никаких форм административной ссылки.

И вот среди бела дня 22 января 1980 года в Москве на улице был схвачен Андрей Дмитриевич и в тот же день без следствия и суда под конвоем отправлен в ссылку в г. Горький.

На глазах всей страны, всего мира -- неприкрыто, цинично нарушен закон. Эта "акция" проведена Прокуратурой СССР и Министерством внутренних дел СССР -- учреждениями, на которые возложена обязанность контролировать выполнение закона и пресекать всякие его нарушения... В "оправдание" Генерального Прокурора СССР Рекункова и министра внутренних дел СССР Щелокова можно сказать лишь одно: не вызывает сомнений, что они были лишь подставными исполнителями акции беззакония, разработанной и осуществленной КГБ СССР, санкционированной партийным руководством на самом высоком уровне.

И вот уже почти полтора года академик Сахаров в ссылке. На свои заявления и протесты, на требования дать ему возможность защищаться перед открытым гласным судом он не получает никакого (даже формального) ответа. Многочисленные открытые письма, заявления, протесты правозащитников, от-

дельных ученых, неформальных ассоциаций (например, Московской группы "Хельсинки") -- не публикуются, замалчиваются, остаются без ответа.

Люди, выступающие открыто в защиту Сахарова, преследуются. (Например, в г. Махачкале был арестован и осужден по ст. 70 УК РСФСР научный работник Вазиф Мейланов, после того как он вышел на улицу с плакатом, содержащим протест против ссылки Сахарова.)

Академия наук СССР не отвечает на просьбы академика Сахарова о защите. А ведь в составе Академии есть видные юристы, понимающие, что такое закон и что такое произвол и беззаконие.

Закон нарушен не только самим фактом внесудебной расправы. Люди, сосланные по приговору суда (обоснованно или необоснованно), имеют права и условия отбывания ссылки, регламентированные законом. Андрей Дмитриевич, сосланный не по приговору суда, а по произволу властей, лишен всяких прав.

Закон устанавливает максимальный срок ссылки до пяти лет. Сахаров сослан бессрочно.

Закон не ограничивает право ссыльных на переписку. Сахаров не получает многих писем, в том числе большинства писем из-за рубежа. Даже письма его детей и внуков не всегда доходят до него. Он практически лишен возможности пользоваться междугородней телефонной связью.

Закон не запрещает ссыльным принимать гостей в месте ссылки. К Андрею Дмитриевичу не пускают практически никого. Все попытки друзей посетить Сахарова в г. Горьком пресекаются насильственным образом.

И если на улице кто-либо подходит и заговаривает с Андреем Дмитриевичем, то и такие попытки общения пресекаются.

Ссыльные по закону имеют право свободного передвижения в пределах административного района ссылки. У дверей квартиры, где поселен Сахаров, установлен круглосуточный милицкий пост, а передвижение Андрея Дмитриевича по городу возможно только под усиленным конвоем лиц в "штатском".

Обыски и изъятие документов (рукописей, писем) у ссыльных могут проводиться только в установленном законом порядке по постановлению, санкционированному прокурором. У Сахарова производятся негласные обыски в его отсутствие. Важ-

нейшие рукописи, научные и дневниковые записи Андрей Дмитриевич носил всегда с собой, надеясь сохранить их от негласных обысков. И вот его сумка, не содержащая иных ценностей кроме рукописей Сахарова, была украдена при посещении Андреем Дмитриевичем зубоврачебной поликлиники. Утрачены результаты многомесячных научных и публицистических исследований и размышлений...

Ссылные по закону имеют право выезжать по разрешению администрации за пределы района ссылки. Сахарову не разрешили поехать в Ленинград на похороны близкого друга. Да что там в Ленинград, когда Андрей Дмитриевич не имеет права помочь своей жене занести вещи в вагон! Его просто не пускают, отталкивают.

Таким образом, Андрей Дмитриевич находится в значительно худшем положении, чем люди, сосланные по приговору суда: он полностью изолирован от внешнего мира, лишен возможности не только поддерживать научные и человеческие контакты, но и просто общаться с людьми. Он лишен возможности спокойно работать. Постоянное ощущение слежки, давления, бесправности, возможности проявления в любой момент произвола лишает его покоя, держит в нервном напряжении. Андрей Дмитриевич лишен квалифицированной медицинской помощи, так как поездка в Москву для консультации с его постоянными врачами в поликлинике Академии наук для него исключена.

Где найти слова, чтобы выразить тревогу за одного из самых светлых людей нашей эпохи, чтобы выразить боль, гнев и возмущение действиями властей, поставивших Андрея Дмитриевича в положение человека "вне закона"?

В авторском предисловии к повести о временах Иоанна Грозного "Князь Серебряный" Алексей Константинович Толстой писал: "В отношении к ужасам того времени автор оставался постоянно ниже истории. Из уважения к искусству и к нравственному чувству читателя он набросил на них тень и показал их, по возможности, в отдалении. Тем не менее он сознается, что при чтении источников книга не раз выпадала у него из рук и он бросал перо в негодовании, не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования".

Как может наше общество смотреть без негодования на беззаконную расправу с академиком Андреем Дмитриевичем Са-

харовым? Можно еще понять тех, кто по недостатку информации, по вине цензуры, по закрытости нашего общества ничего не знает о Сахарове и верит распространяющейся о нем клевете. Но каждый, кто знает Сахарова и его судьбу и не поднимает голоса в его защиту, должен чувствовать себя невольным соучастником зла, несправедливости и насилия, творимых властями по отношению к одному из самых лучших, самых светлых наших современников.

А. Марченко

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АКАДЕМИКУ КАПИЦЕ П.Л.

Когда за Анатолием Марченко "пришли", на его столе лежало письмо, начинавшееся словами: "Дорогой Андрей Дмитриевич..." Нам не удастся его опубликовать — оно подшито в толстые папки "дела" и служит материалом для обвинительного заключения. Как известно, "рукописи не горят", и когда-нибудь, пусть не очень скоро, письмо найдет адресата. А пока мы хотим познакомить читателей с другим письмом А. Марченко, написанным немного более года назад и получившим широкое распространение в самиздате. Хотя это письмо адресовано определенному человеку, оно обращено ко всем ученым, ко всем людям. В нем говорится об ответственности каждого из нас.

Уважаемый Петр Леонидович!

Обратиться к Вам с этим письмом заставили меня последние акции советских властей против академика Андрея Дмитриевича Сахарова.

Это преступление совершается открыто перед всем миром, и мир негодует. Только в нашем отечестве, которое должно было бы больше всех и раньше всех испытать чувство позора за содеянное, не слышно возмущения и протеста. Я не сомневаюсь в том, что ни один человек, кто хоть как-то знаком с Андреем Дмитриевичем, не верит всему тому, что о нем распускают средства массовой информации. Так почему же все молчат! Неужели все объясняется обыкновенной человеческой трусостью? Неужели мы действительно достойны своего правительства?

Конечно, я понимаю, что Вы — не указ этому правительству. Но я убежден также и в том, что активный протест такого известного и авторитетного ученого, как Вы, может оказать положительное влияние в "деле Сахарова".

Ваше личное знакомство с Андреем Дмитриевичем освобождает меня от необходимости говорить в этом письме о роли и значении его для нашего оживающего общества, а также о его безупречных нравственных качествах как человека и гражданина. Но хотя я и не любитель громких слов, заранее признаюсь, что, когда речь будет идти об Андрее Дмитриевиче, мне не

удержаться и от них. Пожалуйста, Петр Леонидович, не относите это к стилю письма автора, а полностью к степени его уважения к Андрею Дмитриевичу. Даже Герцен говорит о таких людях высоким слогом: "Появление людей, протестующих против общественной неволи и неволи совести, — не новость; они являлись обличителями и пророками во всех сколько-нибудь назревших цивилизациях, особенно когда они старели. Это высший предел, перехватывающая личность, явление исключительное и редкое, как гений, как красота, как необыкновенный голос".

Я считаю, что Андрей Дмитриевич Сахаров — явление великое и вышедшее за национальные рамки. Он перерос то предназначение, которое уготовано каждому человеку на земле. Мне кажется, что его уже нельзя ни охать, ни похвалить. Каким бы ни оказался жизненный финал Андрея Дмитриевича, его уже никто не в состоянии вычеркнуть из истории, куда он вошел как великий сын своего народа. Это мое мнение об Андрее Дмитриевиче, это понимание его не давало мне откликнуться сразу на происшедшее с ним в последнее время. У меня такое ощущение, что вступить за него (как и выступить в поддержку "справедливого" решения правительства) — значит примазаться к великому человеку и быть причастным к истории.

Но почему молчите Вы — достойный и уважаемый ученый с мировым именем? Пусть даже Вас не оскорбляет вонючая клевета о самом Андрее Дмитриевиче, но неужели не оскорбительна Вам, Нобелевскому лауреату, интерпретация Нобелевской премии как подачки за антисоветскую деятельность?

Для человека, следящего за делом А.Д. Сахарова, естественен и такой вопрос: "Почему за советского академика вступаются виднейшие ученые Запада и в то же время ни единого протеста из среды советских академиков?" Неужели вся западная ученая мысль состоит на службе у ЦРУ? Или она состоит из недоумков, неспособных подняться хотя бы до уровня интеллекта "студентов МВТУ имени Баумана"?

Не нужно быть историком, чтобы уяснить, что советское государство никогда не смотрело на своих подданных как на полноценные разумные существа. Это относится в равной степени к дворнику и к ученому с мировым именем. Это государство все-сильно и может себе позволить все по отношению к подданным. И нет ничего беспрецедентного или необычно-неожиданного в

действиях властей против А.Д. Сахарова. Разве что на этот раз жертвой стал Нобелевский лауреат. Но это как раз и подтверждает сказанное мной выше, т.е. что и Нобелевских лауреатов можно "перевоспитывать" или "ликвидировать".

Некоторое знакомство с Вашей биографией и научной судьбой избавляет меня от необходимости подробно остановиться здесь на вопросе нашего еще недавнего жуткого прошлого. Но коротко и кое о чем я все же скажу.

Почему многие из тех, чьи имена сегодня составляют гордость нашей науки, техники и культуры, были уничтожены тем самым государством, которому служили? Виновно не только само это государство насилия, но и его подданные, его жертвы. Каждый дрожал только за собственную шкуру. Лишь единицам хватало отваги вступить за обреченных.

Позорно повторяться в том же духе.

И тем более не понятно мне: в те, повторяю, жуткие времена Вы спасли от лагеря и возможной смерти физика Ландау. Тогда вряд ли Вы были уверены в благополучном результате и для Ландау, и для себя самого. Но это Вас не остановило тогда. И рисковали Вы не чем-нибудь, а головой. И не только своей собственной, но и головами и судьбами близких. Положения хуже не придумаешь.

А сегодня... Я знаю людей, кто достойно прошел через Колыму, Воркуту и прочие подобные места в 30-х, 40-х, 50-х годах, но не сумел сохранить это достоинство на воле в уже почти либеральное наше время.

Из известных имен достаточно вспомнить В. Шаламова: не только достойно жил -- и, к счастью, выжил -- на Колыме, но и создал нерукотворный памятник ее жертвам -- "Колымские рассказы". А в 70-е годы отрекся от них: "Проблематика "Колымских рассказов" снята жизнью"! Предал себя, предал дело своей жизни, предал сотни, нет -- тысячи мучеников... Чего ради? Не могу понять. Говорят, что поманили публикацией сборника его стихов.

Геолог Братцев в 30-е годы осваивал Воркуту в качестве вольнонаемного, но все его сотрудники были заключенными. Тогда он вел себя абсолютно порядочно, а по тем временам -- отважно: передавал на волю письма, привозил коллегам-заключенным продукты. Зато теперь (несколько лет назад) на каких-то юбилейных торжествах, передававшихся по телевидению, произ-

нес речь о том, как энтузиасты-комсомольцы покоряли воркутинскую тундру. Ведь мог не выступить, ничем не рисковал! Но тогда юбилей Воркуты (одно словосочетание чего стоит!) праздновался бы без Братцева — как можно!

Простите, Петр Леонидович, но мне придется сейчас поставить Ваше имя в ряд с Шаламовым и Братцевым, более того — с Блохиным.

Недавно по телевидению показывали фильм о Вас. Хороший фильм, благородный, культурный, Вы произносите в нем немало мудрых и остроумных фраз. И даже есть в нем намек — правда, понятный лишь осведомленному человеку — на тяжелый период в Вашей жизни, впрочем, слава Богу, миновавший без следа (так трактует фильм). Казалось бы, радоваться надо, что телевидение прославляет и популяризирует такого человека, как Вы, а не Овчинникова или Федорова. Но мне было стыдно за Вас.

Фильм, посвященный Нобелевскому лауреату П.Л. Капице, демонстрировался как раз в те дни, когда Нобелевского лауреата А.Д. Сахарова схватили, вышвырнули из дому, из Москвы, из института. Снимали-то Вас, я понимаю, не в это время; но ведь о передаче сообщили же?

Вы-то понимаете, Петр Леонидович, что это одна банда орудует: одни пытаются заткнуть кляпом рот А.Д. Сахарову, другие в это время украшают фасад наилучше выполненным портретом П.Л. Капицы. И тогда третий академик, Блохин, с апломбом заявляет: "Всеми миру известно, что советское государство не только провозглашает, но и обеспечивает самый полный и реальный комплекс прав гражданина социалистического общества". Не верите? Посмотрите, в каком почете Петр Леонидович!

Я не знаю Ваших взаимоотношений с А.Д. Сахаровым. Знаю, что Вы в свое время отказались участвовать в создании термоядерного оружия, а А.Д. Сахаров стал если и не "отцом советской водородной бомбы", то одним из ведущих ее создателей. Вы за свой принцип тогда сильно пострадали, а А.Д. Сахаров сделал блестящую карьеру ученого. В этой оппозиции я на Вашей стороне, хотя, возможно, мотивы у меня не совпадают с Вашими. А.Д. Сахаров тогда не только не заступился за Вас, но, поди, и не заметил Вашего насильственного выпадения из науки.

Можно считать, что теперь Вы с А.Д. Сахаровым квиты.

Но подумайте, Петр Леонидович, ведь у Андрея Дмитриевича тогда впереди было еще много времени для того, чтобы стать

сегодняшним Сахаровым. Вам же, к сожалению, времени на это уже не отпущено. Как раз пора подумать о душе.

Если бы сегодня власти обошлись с Вами несправедливо, неужели А.Д. Сахаров остался бы в стороне? Убежден, что Вы сами не сомневаетесь в ответе на этот вопрос.

Конечно, Вы можете себя успокоить -- мол, в отличие от других академиков "я не подписал ничего против А.Д. Сахарова и не подпишу". Действительно, многие академики в деле Сахарова показали себя мерзавцами. Но не с ними же Вам равняться, Петр Леонидович, -- с хорошего человека и спрос больше. Пусть другие равняются по таким, как Вы. Ну, так дайте же достойный подражания пример своим сотрудникам, начинающим ученым, студентам.

Вы посмотрите, что они пишут, "студенты МВТУ им. Баумана": "Мы ... просим еще раз показать, как лжет Запад, защищая клеветника и отщепенца". "Еще раз"! Им мало! "Говори, дорогой, говори" -- только наоборот.

Ну, с этими-то все ясно, эти нашли себе образцы в Академии помимо Вас. Но судьба других молодых людей, в том числе и Ваших учеников, зависит от Вашей сегодняшней позиции. Ситуация толкает молодежь к экстремизму, мне уже приходится слышать от молодых людей, что у нас в стране ничего другого не остается, как только бомбы кидать: насилию и жестокости властей можно противопоставить только то же самое. Расправа с А.Д. Сахаровым и другими нравственными оппозиционерами режиму при невмешательстве таких уважаемых людей, как Вы, в конце концов приведет к терроризму, и тогда все повторится с начала. И новый Кибальчич сделает выбор между наукой и пиротехникой в пользу последней.

Я совершенно убежден, что Ваше, Петр Леонидович, активное вмешательство в "дело Сахарова" реально могло бы изменить ситуацию в этом деле, повлиять в лучшую сторону на судьбу Андрея Дмитриевича и вместе с тем на судьбы общественного развития России.

Какова может быть форма активного вмешательства -- не мне решать. Я не академик, не ученый, не лауреат. "Уголовник-рецидивист" -- так аттестовало меня АПН (и не поспоришь: пять судимостей, шестая уже обещана). Это звание я не потеряю ни при каких обстоятельствах, что бы ни написал, как бы ни вы-

ступил. Единственное, что я сейчас имею, это -- "свобода, бля, свобода, бля, свобода", которую рискую сменить "на нары, бля" и т.д. Мой выбор -- другим не указ.

Однако же было время -- российские академики выходили из Академии, профессора покидали университет. Но то была другая Академия, другая интеллигенция. Неужели советская Академия прославится в истории только активным или пассивным соучастием в уничтожении лучших сыновей своего народа?

Соучаствовали, когда в Саратовской тюрьме умирал от голода ученый, отдавший весь свой талант борьбе с голодом на Земле, -- академик Н.И. Вавилов.

Соучаствовали, когда был вытолкнут из науки, выброшен из созданного им института академик П.Л. Капица.

Соучаствуют, когда подлая мразь затыкает рот (и заламывает руки) академику А.Д. Сахарову, голосом которого заговорила было онемевшая Россия.

Ну, так не прав ли мудрейший из мудрых Владимир Ильич: "Интеллигенция -- это не мозг нации, а говно"!

К счастью, не прав: наша интеллигенция имела Прянишникова и Капицу, имеет Сахарова, Орлова, Ковалева. А может быть, и Капицу не пора числить в прошедшем времени, Петр Леонидович? Золото, как говорится, и в говне блестит.

Зная Вашу занятость, я не претендую на ответ, да и письмо не личное.

С уважением

г. Карабаново Владимирской области
Александровского района
ул. Ленина, д, 43

А.Т. Марченко

1 марта 1980 г.

ПИСЬМА ИЗ ГОРЬКОГО

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК СССР А.П. АЛЕКСАНДРОВУ

Уважаемый Анатолий Петрович!

Непосредственным поводом для этого письма явилось содержание Вашей беседы о моем деле с президентом Нью-Йоркской Академии наук доктором Дж. Лейбовицем. Эта беседа состоялась 15 апреля, но только сейчас ее запись стала мне доступной. Независимо от этого, я считаю важным изложить свою позицию по принципиальным вопросам, дать оценку действиям органов власти в моем деле, ответить на некоторые публичные обвинения, а также дать оценку позиции, занятой моими коллегами в СССР, в частности, Академией наук и ее руководителями.

Моя жизнь сложилась так, что я на протяжении двух десятилетий находился среди тех, кто был занят военно-научными и военно-конструкторскими работами, и сам принимал в них активное участие, а затем более двенадцати лет — среди людей, ставящих своей задачей ненасильственную борьбу за соблюдение прав человека и законность. Эта судьба заставила меня с особой остротой воспринимать вопросы войны и мира, международной безопасности, международного доверия и разоружения и вопросы прав человека, открытости общества, напряженно размышлять об этих проблемах в их взаимосвязи. Так сформировалась моя позиция. Во многом она оказалась неортодоксальной, идущей вразрез с официальной линией и с моей собственной оценкой в более ранние годы. Это в конечном итоге полностью изменило мою жизнь, изменило цели и идеалы.

Еще очень рано я пришел к выводу, что при страстной воле всего народа к миру и при несомненном желании руководителей государства избежать большой войны в своей практической внешней политике они зачастую руководствуются крайне опасной, по моему мнению, "геополитической" стратегией силы и экспансии и стремлением подавить, разложить потенциального противника. Но, разлагая "противника", мы разлага-

ем мир, в котором живем. Так, еще в 1955 году я узнал, что наша ближневосточная политика совершает крутой поворот, целью которого является создать "нефтяную зависимость стран Запада". Этот поворот принес в последующие годы огромные бедствия народам этого региона -- арабам, Израилю, Ливану, а также способствовал остроте энергетического кризиса во всем мире. По мере того, как возрастали военные возможности СССР, такого рода политика становилась все более доминирующей и опасной, разрушая одной рукой то, что пыталась строить другая. Афганистан -- последний и наиболее трагический пример того вреда, который приносит это экспансионистское геополитическое мышление.

Я убежден, что предотвращение термоядерной войны, угрожающей человечеству гибелью, является самой важной задачей, имеющей абсолютный приоритет над всеми остальными проблемами нашей жизни. Пути ее решения -- политические, политико-экономические, создание международного доверия открытых обществ, безусловное соблюдение основных гражданских и политических прав человека и -- разоружение.

Разоружение, в особенности ядерное, -- важнейшая задача человечества. Разоружение (реальное, а не демагогическое) возможно, по моему убеждению, лишь на исходной основе стратегического равновесия сил. Я поддерживаю ОСВ-2 как удовлетворительное воплощение этого принципа и как предпосылку ОСВ-3 и других дальнейших соглашений. Я выступаю за соглашение об отказе от первого применения ядерного оружия на предварительной основе достижения стратегического равновесия в области обычных вооружений. Выступаю за всеобъемлющее соглашение о химическом и бактериологическом оружии. Сообщение о недавней разоблачительной катастрофе в Свердловске подтверждает актуальность этого. Я осудил бы попытку Запада добиться существенного стратегического превосходства над СССР как крайне опасную. Но я также крайне озабочен милитаризацией СССР и нарушением с советской стороны стратегического равновесия в Европе и других районах Азии и Африки, советским диктатом и демагогией в них.

Я против международного терроризма, разрушающего мир, какими бы целями не руководствовались его участники. Государства, реально стремящиеся к стабилизации в мире, не долж-

ны его поддерживать ни при каких обстоятельствах.

Важнейший тезис, который со временем лег в основу моей позиции, — неразрывная связь международной безопасности, международного доверия и соблюдения прав человека, открытости общества. Этот тезис вошел составной частью в Заключительный Акт Хельсинкского совещания, но слова здесь расходятся с делом, в особенности в СССР и странах Восточной Европы. Я узнал о масштабах и цинизме, с которыми нарушаются основные гражданские и политические права в СССР, в том числе право на свободу убеждений и свободу информации, право на свободный выбор страны проживания (т.е. на эмиграцию и возвращение), на выбор места проживания в пределах страны, право на беспристрастный суд и защиту в суде, право на свободу религии. Без соблюдения этих прав общество является "закрытым", потенциально опасным для человечества и осужденным на деградацию. Я узнал людей, которые поставили своей целью бороться за права человека путем гласности, принципиально отвергая насилие, и о жесточайших преследованиях их властями, увидел воочию несправедливые суды, увидел наглость КГБ, узнал о тяжелейших условиях в местах заключения. Я стал одним из этих людей, которых Вы называли "чуждой кликой" и даже обвинили в измене, но они мои друзья, и я именно в них вижу светлую силу нашего народа.

Я узнал о борьбе за освобождение узников совести во всем мире — и она стала близка мне как важнейшая цель. Я поддерживаю "Международную Амнистию" в ее борьбе за отмену смертной казни во всем мире, и я неоднократно выступал с призывом об отмене смертной казни в нашей стране.

Другими глазами посмотрел я на экономические, и в особенности продовольственные, трудности в СССР, на кастовую партийно-бюрократическую элиту с ее привилегиями, на косность системы производства, на угрожающие признаки бюрократического извращения и омертвления всей жизни страны, на всеобщее равнодушие к результатам труда, на безликое государство (когда всем все до лампочки), на коррупцию, блат и уродующие человека вынужденные лавирование и лицемерие, на алкоголизм, на цензуру и наглое вранье прессы, на безумные нарушения среды обитания — почвы, лугов, чистоты воздуха, лесов, рек и озер. Необходимость глубоких экономических и социальных реформ в СССР очевидна многим в стране, но их

проведение наталкивается на противодействие части правящей бюрократии, и все продолжается по-старому -- приевшиеся лозунги, все же что-то делается, а больше -- проваливается. Между тем военно-промышленный комплекс и КГБ набирают силу, угрожая стабильности во всем мире, а сверхмилитаризация поедает все ресурсы.

Моим идеалом стало открытое плюралистическое общество с безусловным соблюдением основных гражданских и политических прав человека, общество со смешанной экономикой, осуществляющее научно регулируемый всесторонний прогресс. Я высказал предположение, что такое общество должно возникнуть как результат мирного сближения ("конвергенции") социалистической и капиталистической систем и что в этом -- главное условие спасения мира от термоядерной катастрофы.

Наша страна половину своей истории прожила в обстановке чудовищных преступлений сталинского режима. Хотя на словах действия Сталина официально осуждены, но масштабы сталинских преступлений и их конкретные проявления тщательно скрываются от народа, а разоблачители преследуются за мнимую клевету. Террор и голод эпохи коллективизации, убийство Кирова и уничтожение культурных, гражданских, военных и партийных кадров, геноцид при переселении "наказанных" народов, лагеря каторжного труда и гибель многих миллионов в них, заигрывание с Гитлером, обернувшееся национальной трагедией, репрессии против оказавшихся в плену, антирабочие законы, убийство Михоэlsa и возрождение государственного антисемитизма -- все эти язвы должны быть вскрыты с абсолютной окончательностью. Народ без исторической памяти обречен на деградацию. Как мне известно, Вы в той или иной мере разделяли эту точку зрения раньше, и я надеюсь, что Ваша позиция не изменилась.

Свою концепцию я изложил в 1968-80 гг. в серии статей, выступлений и интервью. Вместо серьезной дискуссии официальная пропаганда ответила умышленными искажениями моей позиции, ее окарикатуриванием, руганью и клеветой. А в жизни я столкнулся со все большими преследованиями, угрозами мне и особенно моим близким -- и наконец, с бессудной депортацией. Уже первые мои попытки занять непредвзятую позицию встретили противодействие. 22 ноября 1955 года, в день

триумфального и трагического испытания термоядерного оружия (когда еще не были преданы земле тела погибших), на этой почве произошло мое столкновение с маршалом М.И. Неделиным; а 10 июля 1961 года столкновение (в Вашем присутствии) с Генеральным секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым.

И все же мне удалось (министр среднего машиностроения Е.П. Славский может подтвердить это) быть одним из инициаторов Московского Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах, который явился первым (и пока наиболее бесспорным) шагом на трудном пути к предотвращению ядерной угрозы.

В 1975 году я удостоен Нобелевской премии Мира — единственный из граждан СССР. В 1980 году я в Горьком, и Вы, президент Академии наук СССР, беседуете с президентом Нью-Йоркской Академии наук, специально прилетевшим из США, чтобы встретиться с Вами. Что же Вы ему ответили? К сожалению, Вы говорили в духе позорного заявления сорока академиков 1973 года, которое тогда положило основу моей травли в печати, но только с еще большим цинизмом и неуважением к здравому смыслу собеседника, Вашего и моего коллеги по науке.

Да, я в лучших условиях, чем те мои друзья, которые осуждены на многолетние сроки или ждут суда, среди них много наших с Вами коллег, назову лишь некоторых — биолог Ковалев, физик-теоретик Орлов, математики Великанова и Лавут, молодой ученый-кибернетик Щаранский, медики Некипелов и Терновский, математик-кибернетик Болонкин (только последнего я не знаю лично). Все они не нарушали законов страны, не прибегали и не призывали к насилию, словом и пером пытались осуществить свои идеалы, — как и я, и нас нельзя отделять. Я считаю, что было бы естественно, если б Академия наук защищала репрессированных ученых, а не допускала в лице ее президента клеветы в их адрес. Но мое дело отличается тем, что в нем власти отбросили даже ту жалкую имитацию законности, которую они изображали при преследовании инакомыслящих в последние годы. И это недопустимо — как прецедент и как рецидив. Ни одно из официальных учреждений, призванных осуществлять закон, не взяло на себя ответственности за акт моей депортации. Вы знаете так же хорошо, как и я, что по об-

щепринятым юридическим нормам *только* суд может установить виновность человека, определить ему меру наказания и обязательно — его срок. Мое же дело во всех этих трех аспектах — вопиющее беззаконие, поэтому мое требование открытого суда — глубоко серьезно и принципиально. Вы говорите, что я могу заниматься в Горьком наукой. Да, я работаю, но не представителю Академии наук, способствующей для меня организации шарашки на одного, говорить об этом как о чуде. Да, у меня есть крыша над головой (в Горьком говорят, что эта квартира — бывшая явка КГБ), а жена привозит из Москвы мясо, масло, творог и сыр, которых нет в Горьком. Нарушение закона, которое Вы пытаетесь этим оправдать, от этого не меньше. Совершенно незаконным (ссылным согласно Исправительно-трудовому законодательству такого не устанавливают) является режим, который установили для меня — кто? КГБ, МВД, Прокуратура — я этого не знаю, и Вы тоже не сможете ответить на этот вопрос. У моей двери круглосуточно стоит милиционер, любой посетитель попадает в милицию и имеет крупные неприятности. Я узнаю лишь через много времени о таких попытках близких мне людей, врача и друга, восьмидесятидвухлетней тети, об остальных могу и никогда не узнать. Но помимо милиционера и втайне от него — через окно — в квартиру проникают сотрудники КГБ, нарушая право неприкосновенности жилища и создавая тем потенциальную опасность для меня. Вы не ответили на телеграмму моей жены об этом в июле этого года, я считаю это недопустимым. Для меня установлена персональная глушилка — фирма не жалеет затрат — еще до того, как в СССР возобновили глушение. Круглосуточно — бесстыдная, наглая слежка, агенты следуют по пятам всюду, заглядывают в окно, забегают впереди меня на почту, чтобы я не мог позвонить.

В беседе с доктором Лейбовицем Вы намекаете на нарушение мной государственной тайны и при этом голословно обвиняете моих друзей, утверждая, что кто-то пытался вывезти какие-то секреты, полученные им прямо от меня или через друзей. Станным образом отождествляя себя и Академию наук с органами сыска, Вы говорите, что "мы задержали этого человека". Но юридические факты отличаются от демагогии и обывательских разговоров конкретностью. Тут ее не было — и быть не могло. В таких серьезных вещах голословное утверждение

имеет и другое название -- клевета. Вы с удивительным юридическим легкомыслием заявляете, что за мои призывы к иностранным правительствам меня можно осудить на пять лет заключения -- почему пять? статья 190-1 УК РСФСР -- срок три года, ст. 70 -- срок 7 лет, ст. 64 -- до 15 лет или смертная казнь; Вы также заметили, что меня можно было и убить, как Кеннеди или Кинга. Но я считаю себя обязанным высказывать свое мнение по острым вопросам и осуждать те действия СССР, которые прямо противоречат принятым им на себя международным обязательствам и международным нормам. Я одобряю те лежащие в рамках закона действия иностранных правительств, которые могут способствовать исправлению этого. Я поддержал в свое время поправку Джексона. Я и сейчас продолжаю считать ее чрезвычайно важной. Это поправка к американскому закону о торговле, речь идет об американских торговых правилах. Я обратился к правительству Индонезии с просьбой об амнистии политзаключенных. Меня обвиняют в печати в восхвалении переворота в Чили -- но я тогда вместе с Галичем и Максимовым писал о судьбе писателя Пабло Неруды. Я дважды выступил против жестоких антикурдских акций в Ираке. Я обратился несколько лет назад с просьбой проявить гуманность при осаде палестинского лагеря Телль-Заатар. Осенью 1979 года я обратился к правительству КНР с просьбой пересмотреть жестокий приговор смелому диссиденту, противнику военной акции против Вьетнама Вэй Циншену и правительству ЧССР -- пересмотреть приговор членам "Хартии-77". Я не поддерживал предложения о бойкоте Московской Олимпиады, о техническом и тем более продовольственном бойкоте до советского вторжения в Афганистан. Моя позиция изменилась, когда, по моему мнению (и по мнению 104-х государств -- членов ООН), произошло опасное нарушение международного права, международного равновесия. Я поддержал меры бойкота, считая их в этих условиях направленными также и на благо нашей страны. Я передал Президенту Франции Жискару Д'Эстену письмо группы активистов крымскотатарского народа, а от своего имени обратился к Л.И. Брежневу с просьбой положить конец национальной дискриминации крымских татар, явившихся жертвой сталинского преступления в 1944 году. В октябре 1979 года я просил Л.И. Брежнева способствовать беспрепятственной доставке продовольственной помощи

голодающим в Кампучии. Уже после депортации в Горький я обратился к Л.И. Брежневу с большим письмом, содержащим приемлемые, по моему мнению, предложения по политическому урегулированию афганистанской трагедии, копии письма послал главам государств -- постоянных членов Совета Безопасности. Я высказал в этом письме мнение о вторжении в Афганистан как об ошибке, имеющей огромные негативные последствия -- внешнеполитические и внутри страны. Я пишу, в частности, об усилении роли репрессивных органов, которые могут выйти из-под контроля. Таковы некоторые из моих внешнеполитических выступлений за последние годы. Во всех этих моих действиях нет нарушений законов СССР. Эти выступления продиктованы моими убеждениями и, по моему мнению, ни в чем не противоречат интересам нашей страны и ее народа.

12 августа 1980 года я обратился к вице-президенту АН СССР академику Е.П. Велихову и в его лице к президенту АН и к Вам лично с просьбой помочь в деле, которое стало особенно важным для меня. История его такова. Неоднократные угрозы в адрес детей и внуков (начиная с "визита" террористов Черного сентября в 1973 году), притеснения и провокации вынудили нас уговорить их эмигрировать. Это решение было непростым и до сих пор воспринимается трагически. У сына осталась в СССР невеста Елизавета Алексеева, вот уже три года она не может выехать к любимому человеку, подвергается шантажу и угрозам КГБ. Ко мне в Горький ее, члена нашей семьи, не пускают. Опасаясь за ее жизнь, моя жена вынуждена большую часть времени проводить в Москве. Фактически Лиза Алексеева стала заложником. Я просил ходатайствовать о получении ею разрешения на выезд. В течение двух месяцев вице-президент вообще не отвечал мне на это письмо и на неоднократные телеграммы. Лишь 14 октября вечером пришла телеграмма, что им "предпринимаются меры по выяснению возможности выполнения Вашей просьбы". Совершенно непонятно, почему это так сложно, если человек никогда не имел отношения ни к каким государственным секретам. У меня создается впечатление, что эта телеграмма не более как уловка КГБ с целью оттяжки времени. Сам факт заложничества, связанный со мной, для меня совершенно непереносим. Я вынужден и в этом деле обратиться за поддержкой к моим коллегам за рубежом.

Вы говорили доктору Лейбовицу о приезде ко мне моих коллег из ФИАН, как о доказательстве того, что у меня есть все возможности для научной работы. Но как бы ни были важны для меня эти визиты в условиях изоляции от общения с кем-либо, при недостатке литературы и т.п., совершенно недопустима полная их зависимость от контроля КГБ, выбирающего нужные ему моменты приезда ко мне ученых и состав участников. Так, первый приезд фиановцев был приурочен к приезду доктора Лейбовица, чтобы Вы могли упомянуть о нем при встрече с ним, а второй — к приезду секретаря Национальной Академии наук США с той же демонстрационной целью. Я работаю в ФИАН с 1969 года, а до этого — с 1945 по 1950 год, и должен иметь право на основании своего желания, а не по контролю КГБ, выбирать, с кем я буду говорить о науке. Я писал о недопустимости контроля КГБ академику Гинзбургу в письме от 15 сентября и просил воздержаться от командирования сотрудников ФИАН. В силу обеих этих причин — позиции Академии наук и недопустимых условий контактов с ФИАН — я прерываю свои официальные научные контакты с советскими научными учреждениями, в частности, с Академией наук и ФИАН, и настоящим извещаю Вас об этом.

Перед общим собранием АН СССР в марте 1980 года я обратился в президиум АН СССР с просьбой обеспечить мой приезд для участия в собрании, что является моим правом и обязанностью согласно Уставу. Я получил ответ: "Ваше участие в общем собрании не предусматривается". Смысл этих слов был наглядно продемонстрирован действиями гебистов, с пистолетами в руках не пустивших меня в вагон поезда Горький — Москва вечером 4 марта, накануне общего собрания, когда я провожал на вокзал свою тещу и хотел занести ее чемоданы. Таким образом президиум АН допустил возможность вмешательства КГБ в дела Академии, формально оставив меня членом АН, но лишив одного из основных прав академика.

Посылая Вам это открытое письмо, я надеюсь, что Вы аргументированно ответите мне также открыто по всем поднятым в нем вопросам, особо же по следующим из них:

Готово ли руководство АН СССР в соответствии с пожеланиями мировой научной общественности активно защищать мои нарушенные права и права других репрессированных ученых?

Готово ли руководство АН СССР потребовать моего немедленного возвращения в Москву и определения открытым судом моей виновности или невиновности в нарушении закона и в случае установления вины — меры и срока наказания?

Готово ли руководство АН СССР решительно и на деле, а не на словах защищать меня от шантажа в отношении члена моей семьи Е. Алексеевой, способствуя ее выезду из СССР?

Я вновь обращаю Ваше внимание на то, что позиция Академии наук и ее руководства не только в моем деле, но и в делах других репрессированных ученых не соответствует традиционному пониманию солидарности ученых. Сейчас ученые несут на себе большую долю ответственности за судьбы мира, и это обязывает их к независимости от кастово-бюрократических институтов и тем более от тайной полиции, называется ли она ФБР или КГБ. Я все еще надеюсь, что Академия наук СССР проявит такую независимость.

С уважением --

Андрей Сахаров,
Действительный член АН СССР
с 1953 года

20 октября 1980 года
Горький

*Доктору Сиднею Дреллу
Стенфорд, Калифорния
США*

Дорогой Сидней!

Я горячо благодарен Вам и всем, кто принял участие в собрании Физического общества 26 января, -- в первую очередь тем, кто выступал. Слышал я радиосообщения с большим трудом из-за глушения и, возможно, не полностью. Это было для меня в моем горьковском состоянии большой радостью. Елена тоже очень радовалась этим передачам. Все, что касалось моих научных работ и их оценки, показалось мне даже чрезмерным, сам я не так высоко их оцениваю и очень огорчаюсь, так как мне хотелось бы сделать больше. При общей очень высокой оценке Вашего собрания я сожалею, что ни в одном сообщении (насколько это передал "Голос Америки") не были обсуждены юридические или, вернее, антиюридические особенности моего положения. С момента, как меня схватили и привезли в прокуратуру 22 января 1980 года, я живу в Горьком под арестом -- круглосуточный милицкий пост вплотную к дверям квартиры, но это нельзя назвать домашним арестом, потому что я нахожусь не у себя дома, и нельзя назвать ссылкой, так как в ссылке нет охранников у дверей и не ограничивают контакты с приезжающими -- ко мне же, кроме жены, практически никого не пускают. Никакие официальные учреждения не взяли до сих пор на себя ответственности за примененные ко мне незаконные меры и установленный мне режим. Согласно Конституции СССР, никто не может быть подвергнут наказанию иначе, как по суду. Любой осужденный имеет право на кассацию, на обжалование действий официальных лиц, и какие-то официальные лица несут ответственность во всяком случае за жизнь осужденного. Я лишен всех этих прав и фактически нахожусь вне закона -- заложник, не известно, в чьих руках. А то, что сотрудники КГБ проникают в квартиру (подчеркиваю -- тайком от милиционера), не только является грубейшим нарушением права, но и создает непосредственную опасность для жизни. Я не люблю агравации, и если я сегодня вынужден это писать, то только потому, что я

хочу, чтобы это знали мои западные коллеги, а что касается моих коллег в СССР, то они, имея опыт жизни в нашей стране, прекрасно это понимают, и их молчание фактически является соучастием; к сожалению, в данном случае ни один из них не отказался от этой роли, даже те из них, кого я считаю лично порядочными людьми. Вся почта ко мне проходит через КГБ, до меня доходит лишь ничтожная ее часть. В этом году поздравления к Новому году из-за рубежа я получил лишь от наших детей. Письма, посланные мне через президиум АН СССР и президента, тоже мне не передаются. Академия наук нарушает также и мои чисто академические права, предусмотренные уставом (участие в общем собрании и др.), разрешая таким образом КГБ вмешиваться во внутриакадемические дела. В силу перечисленных незаконных особенностей моего положения и клеветы в мой адрес мое требование суда остается в силе. Я вновь писал об этом, как и о своей позиции в целом в письме президенту АН СССР Александрову 25 ноября прошлого года.

В положении заложников оказались и члены моей семьи, в первую очередь — моя жена, потому что она является единственной связью между мной и внешним миром. Заложником стала также Лиза — невеста Алеши, ее шантажируют, ей запретили ездить в Горький, ей угрожают арестом (вполне официально), сумасшедшим домом (неофициально), а на клевету о ней наши средства массовой информации истратили не меньше бумаги, чем на меня. Используя минутную слабость Лизы — попытку самоубийства, сейчас власти реально хотят довести ее до смерти, и ни о каких условиях для научной работы не может идти речи, до той поры пока мы ежечасно и ежедневно волнуемся за ее судьбу. Только ее выезд из СССР может создать предпосылки для минимальных общений с моими советскими коллегами. Я писал об этом Велихову и Александрову, Брежневу и официальным лицам из ОВИРа — ни от кого, в том числе и от коллег, ответа я не получил. Я в связи с этими обстоятельствами вынужден считать, что КГБ манипулирует судьбой Лизы исключительно с целью шантажа и давления на меня. Я не вижу других причин, по которым Лизу не выпускают из СССР.

Перечтя это письмо, я понял, что это нечто вроде итога за год жизни в Горьком в моем (уж не знаю, как назвать) странном качестве бессудно и бессрочно осужденного. Год сложился нелегкий. Я не очень хорошо себя чувствую, в последнее время у

меня скачет давление — то очень низкое, то очень высокое, какая-то вялость, но много об этом говорить не хочется. Кстати, Академия наук, в числе прочего, лишила меня и медобслуживания, а когда сюда явился не вызываемый мной незнакомый врач (явно из КГБ), я был вынужден отказаться от его услуг.

Передайте мою искреннюю благодарность доктору Стоуну и всем, кто вспомнил, что 22 января был день рождения этого моего нового горьковского состояния, а также всем, участвовавшим в подготовке номера "Сайенс".

Я хотел бы обратить внимание всех выступающих в мою защиту, что мои обращения в официальные органы и обращения моих западных коллег блокируются КГБ. Поэтому наиболее реальным действием для всех, кто хочет мне помочь (в частности -- в проблеме Лизы), может явиться привлечение к участию в этом государственных деятелей своей страны с тем, чтобы они могли обратиться с ходатайствами к советским руководителям. Кроме того я хотел бы просить тех моих коллег, которые приезжают в СССР, по возможности встречаться с моей женой, чтобы получать сведения обо мне не из третьих рук, такие сведения почти всегда бывают искаженными.

В этом месяце была у меня и у Елены радость -- вместе с очень многими во всем мире, когда мы узнали об освобождении американских заложников. Я всегда считал их захват трагическим событием, тесно связанным с другими жгучими событиями современного мира.

Это письмо Вам я считаю открытым и был бы благодарен, если бы Вы нашли возможность опубликовать его в американской прессе, в частности -- в изданиях ФАС и Физического общества.

С самыми лучшими чувствами и пожеланиями, как всегда дружески, искренне Ваш

Андрей Сахаров

Горький
30 января 1981 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ И РАДИО

Я сообщаю, что сотрудники КГБ вновь тайно проникают в квартиру, в которую я силой помещен более года назад и нахожусь в условиях незаконной изоляции. Эти проникновения на этот раз происходят, по-видимому, с ведома некоторых из дежурящих круглосуточно у дверей милиционеров и вновь создают опасность для меня.

Я сообщаю также, что 13 марта 1981 года КГБ совершил новое отвратительное преступление, украв сумку, в которой хранились мои рукописи, личный дневник за последний год, копии писем моим западным и советским коллегам, письма детей и внуков. В трех толстых тетрадях дневника наряду с чисто личными записями — многочисленные выписки из научных книг и журналов, в том числе из статей Нобелевских лауреатов по физике 1979 года, изложение новых научных идей и другие необходимые мне материалы научной работы, мои размышления о физике, литературе и многом другом. Среди украденного три толстых альбома большого формата — рукопись моей автобиографии, что толкает меня на более раннюю, чем я предполагал, ее публикацию. Воры КГБ умышленно подбросили на мой стол находившееся в сумке неотправленное письмо в Научный Информационный Центр, как бы показывая невмешательство в мою научную работу, однако они украли дневник, в значительной степени научный. Ранее из московской квартиры был выкраден мой Нобелевский диплом. Но последней кражей КГБ показывает свое стремление лишить меня памяти, мысли, возможности всякой интеллектуальной жизни даже наедине с самим собой. Ответственность за эту кражу ложится на ее исполнителей — горьковский КГБ и на санкционировавшее ее руководство КГБ СССР.

17 марта 1981 г.

Андрей Сахаров,
лауреат Нобелевской
премии Мира

ОБРАЩЕНИЕ

Вновь арестован Толя Марченко. Это известие так ужасно, что с трудом укладывается в сознании. Жизнь Марченко знают читатели его великолепных книг -- "Мои показания" и "От Тарусы до Чуны", они -- жгучее обвинение тупой жестокости репрессивной машины и одновременно -- свидетельство истинного величия человеческого духа, гордости и честности живого страдающего человека, противостоящего этой машине. Рабочий и писатель, рассказавший такую важную для всех нас правду о современных советских лагерях, он один из тех, кем может по праву гордиться породившая его страна и народ. Сейчас, когда на него вновь обрушилась мстительность его тюремщиков, мы всей душой с ним, с его семьей. Мы просим всех честных людей страны и Земли сделать все, что в их силах, для защиты и помощи.

22 марта 1981 г.
Горький

Елена Боннэр
Андрей Сахаров

Приговор Тане Осиповой, бесконечно честной, мужественной молодой женщине, самоотверженно принявшей на себя заботу за судьбы невинно пострадавших, за гласность и справедливость, -- новая чудовищная жестокость репрессивных органов, новое беззаконие перед лицом всего мира. Честные люди, сделайте все возможное для ее освобождения! Обращаюсь к главам государств, подписавших Хельсинкский Акт, к "Эмнести Интернейшнл", к ученым, писателям, рабочим.

3 апреля 1981 г.
Горький

Андрей Сахаров

Дорогие друзья!

Я с благодарностью и с большим интересом слушал по радио сообщения о симпозиуме в Нью-Йорке. Мне кажется, что это в высшей степени представительное собрание не только является большой честью для меня, но и поддержкой многих, подвергающихся репрессиям за ненасильственную деятельность в защиту прав человека, поддержкой нашего общего стремления к миру и справедливости. Множество глубоко уважаемых, заслуженных лиц приехали, часто издалека, чтобы присоединиться к этому симпозиуму и выступить на нем. Меня тронули и были приятны слова, сказанные о моей научной деятельности, хотя я и признаю ее недостатки. Не менее лестной была характеристика моей общественной деятельности в области прав человека и — что ранее обычно меньше освещалось — в области разоружения, проблемы ядерных испытаний, вообще предотвращения войны, в особенности ядерной угрозы. Радостью для меня были выступления Дрелла, Раби, Хандлера, Хофстадтера, Вайскопфа, Пагелса, Липкина, Уиллера, Улама, Фитча, Фурта, Поппера и таких известных общественных и политических деятелей, как Киркпатрик, Банди, Йорк, Растин, Солсберри. Я глубоко признателен всем выступавшим, в том числе и тем, кого я не упомянул по незнанию.

Важным событием большого общего значения явилось направленное симпозиуму послание президента США Рональда Рейгана. В этом послании содержится характеристика моей общественной деятельности и выражается надежда на прекращение ссылки. Я глубоко благодарен президенту за это послание и надеюсь, что оно будет иметь значение, выходящее за пределы моей личной судьбы, — в поддержку всей проблемы прав человека, справедливости, международного доверия, разоружения и мира.

С уважением и благодарностью

Андрей Сахаров

10 мая 1981 года
Горький

От редакции. 1 – 3 мая 1981 года в Нью-Йорке состоялся международный симпозиум "Ученые и права человека", посвященный шестидесятилетию А.Д. Сахарова. На симпозиуме с докладами и сообщениями выступили многие известные ученые и общественные деятели. Среди других была прочитана статья А.Д. Сахарова "Ответственность ученых". Участники симпозиума приняли обращение к правительству СССР в защиту А.Д. Сахарова.

А.Д. Сахаров на прогулке. Горький, микрорайон Щербинки.
("Все свое ношу с собой".)

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ САХАРОВ

Сахарова я "рассекретил" раньше, чем это сделали советские власти, и вот каким образом.

Году, я думаю, в 1964 сидел я в редакции одного московского журнала и в ожидании вышедшего куда-то редактора листал лежавший у него на столе справочник Академии наук СССР. Все действительные академики, а может быть — и члены-корреспонденты были помещены в этой книге, указывались их фамилии, имена-отчества, должности, адреса и телефоны, домашние и служебные. Помню, я удивился, узнав, что у академика Шолохова есть два адреса — в станице Вешенской и московский, которого не было, например, в справочнике Союза писателей. Исключительно ради любопытства стал я выискивать разные известные мне имена и вдруг увидел, что, оказывается, адреса и телефоны не всех академиков здесь обозначены. Например, против фамилии "Микулин" не было ни одного адреса и ни одного телефона, там стояли только загадочные три буквы "ОТН". И все. Поскольку я когда-то служил в авиации и знал, что Микулин известный авиаконструктор, я подумал, что, наверное, он так сильно засекречен, потому что имеет дело с ракетными двигателями, и, значит, самые секретные академики это те, у которых нет адресов и телефонов. Для проверки я нашел Королева (все знали, что он самый секретный), против этой фамилии тоже стояли эти три загадочных буквы. Ага, сказал я себе самому, сейчас мы вычислим самых секретных. Кажется, во мне пропадает совсем неплохой разведчик. Став листать справочник дальше и дошел до не известного мне имени: САХАРОВ АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ — ОЯФ. "ОЯФ" показалось мне еще более загадочной аббревиатурой, чем "ОТН", может быть, поэтому и сам Сахаров показался более загадочным, чем другие. Поэтому, встретив знакомого физика, я спросил его, кто такой Сахаров. Физик объяснил мне, что Сахаров изобрел водородную бомбу, что он гений и, как все гении, слегка чудаковат, например, сам ходит в магазин за молоком. То есть не совсем сам, его постоянно сопровождают несколько "секретарей" (так на специальном жаргоне называют

телохранителей), которые держат в карманах руки, а в руках — пистолеты со снятыми предохранителями. Этим "секретарям" спокойнее было бы бегать за молоком самим, но гению, создавшему водородную бомбу, почему бы и не почудить? В рамках, допускаемых специальной инструкцией. Сразу оговорюсь, что я этого физика не проверял и за достоверность изложенных им сведений ручаться не буду.

В 1968 году имя Сахарова стало известно всему миру после выхода его сочинения "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Он вызывал любопытство многих и мое тоже.

Прошло еще лет пять, Сахаров стал уже и вовсе легендарной фигурой, некоторые из моих знакомых знали его лично, мне же встречаться с ним не приходилось, а идти знакомиться специально, чтобы "выразить восхищение" или "пожать руку", я не умею (и не люблю, когда кто-нибудь с подобной целью приходит ко мне).

Но за тем общественным делом, которым Сахаров занимался, я следил постоянно и о нем самом думал много.

Однажды в театре "На Таганке" давали премьеру чего-то. И, как всегда на премьерах этого театра, было очень много важных людей (как говорят по-английски, *very important people*), включая члена Политбюро товарища Полянского. Одним из довольно важных был мой товарищ, известный писатель А. (Беру специально первую букву алфавита, чтобы не мучить любопытных в напрасных догадках.) Он стоял с каким-то высоким человеком, а когда я подошел, сказал: "Познакомьтесь". Мы с этим высоким пожали друг другу руки, я пробурчал свою фамилию, он — свою, я ее не расслышал, сказал пару слов о спектакле и отошел. Спектакль был утренний, потом у меня были еще какие-то дела, а вечером — гости, и только ложась спать я вспомнил театр, людей, которых там встретил, писателя А. и его собеседника, что-то в нем было странное, чем-то он отличался ото всех остальных (включая товарища Полянского), что-то было в нем такое... "Да это же Сахаров!" — вдруг понял я.

А как же я догадался? Я знал, конечно, что А. знаком с Сахаровым, но мало ли с кем он знаком. А ведь Сахаров ничего мне такого особенного не сообщил, не высказал никаких гениальных мыслей, только пробурчал фамилию, которую я не расслышал. Почему же я теперь понял, что это он?

Объясняя: *потому что на нем был отпечаток великой личности.*

Мне приходилось встречать в жизни несколько выдающихся людей. И я берусь утверждать, что среди них не было ни одного с заурядным и постным лицом. Заурядные и постные лица бывают только у заурядных и постных людей.

На другой день я позвонил А., чтобы проверить свою догадку. "Что же ты, — сказал он с упреком, -- сразу повернулся и пошел. Андрей Дмитриевич был очень удивлен".

Мне стало ужасно неловко. Положение Андрея Дмитриевича уже было такое, что многие опасались с ним общаться. Он, наверное, подумал, что и я...

Короче говоря, я воспользовался первым предложением, позвонил и стал время от времени бывать в знаменитой квартире на улице Чкалова.

Не могу сказать, что я дружил с Сахаровым, и даже не уверен, что мои посещения бывали ему необходимыми, но все свои выходившие уже за пределами отечества новые книжки (благо, их было немного) приносил ему первому.

Одну из них Сахаровы дали кому-то почитать, у этого читателя она была при обыске конфискована и теперь с моей дарственной надписью хранится в архивах КГБ.

Выше я сказал, что мне пришлось встретить в жизни несколько выдающихся людей, но людей знаменитых -- и иногда на весь мир -- я знал больше. Надеюсь, это понятно, что знаменитый и выдающийся не всегда одно и то же. Я знал выдающихся людей, которые были известны только узкому кругу знакомых, я знал знаменитых, которые стали такими по воле случая или благодаря своим особым способностям использовать исторические или личные обстоятельства и не стесняться, говоря словами Пастернака, "ничего не знача, быть притчей на устах у всех".

Сахаров славы специально не добивался. Я даже не знаю, кто может с ним сравниться в попытках умалить собственные заслуги. С кремлевской трибуны академик Александров говорит, что достижения Сахарова слишком преувеличены, и Сахаров говорит, что слишком преувеличены. Советские пропагандисты говорят, что Сахаров ничего интересного в науке не делает, и Сахаров говорит, что, вообще говоря, физикой надо заниматься до тридцати пяти лет, а поскольку ему самому больше -- понимайте, как хотите.

А между тем один известный физик говорил мне, что и сейчас все главные опыты управления термоядерной реакцией основаны на идеях Сахарова. И, говорят, даже академическое начальство не может не признать, что и в последние годы, в тесной квартирке, с ежедневными толпами ходоков, диссидентов, корреспондентов, занятый своей главной борьбой, постоянно травмируемый, он регулярно выдавал новые работы с новыми идеями. Как это ему удавалось, я лично представить себе не могу.

Я слышал рассуждения, что права человека, о которых так много говорит Сахаров, -- дело второстепенное, гораздо важнее национальное или религиозное возрождение. Но ведь без прав человека никакого возрождения быть не может. Без них может быть либо загнивание, либо, в лучшем (а вернее -- в худшем) случае, смена идеологии и поспешное движение масс из одного болота в другое.

Про Сахарова часто говорят -- мужественный. Но этого определения, если оно не содержит в себе нравственной оценки, я не признаю. Что такое мужество? Физическая храбрость? Ей может обладать любой искатель приключений. Сахаров на искателя приключений не похож. Совесть и ясное понимание грозящей человечеству беды толкнули его на путь, на котором одного мужества мало.

Как-то мы с покойным Константином Богатыревым приехали к Сахарову на дачу. Он встретил нас на перроне электрички. Вечерело. Солнце, уже краем зацепившее горизонт, было большое и красное. "Это солнце, -- сказал Андрей Дмитриевич, -- напоминает мне взрыв водородной бомбы". Я представлял себе взрыв иначе -- как клокочущую огненную стихию. Но я только представлял, а он видел. И передал свое представление мне. И теперь заходящее красное солнце всякий раз возбуждает во мне тревогу. Я вижу его равнодушно висающим над безжизненной нашей планетой.

Сахарова выслали из Москвы, заткнули рот, это не только жестоко по отношению к нему, это бессмысленно. Где бы он ни находился, проблемы, названные Сахаровым (но поставленные не им, а историей), никуда не денутся, и чем дольше люди, держащие в руках судьбу человечества, будут избегать их решения, тем неуклоннее мы будем катиться к бездне, в которую он уже заглянул.

ЦЕНА ОТРЕЧЕНИЯ

Посвящение

Этот опыт вдохновили совсем другие люди, другие поступки. Но я с радостью посвящаю его человеку, который не отрекся.

Во мне крепнет уверенность, что правозащитное движение, если и даст политические плоды, то только в отдаленном будущем, в какую-то совершенно другую эпоху, в совершенно другой России. Но чем дальше, тем больше я люблю правозащитников. То, что они делают, трудно оправдать внешней целесообразностью, но есть в их безнадежном деле еще что-то кроме невозможности политического успеха: возможность оставаться человеком, шаг к тому, что Достоевский назвал сильно развитой личностью. На наших глазах возник какой-то соборный Лев Толстой с его "Не могу молчать!" И чем больше этот соборный человек теряет, тем больше растет его дух. Так, как вырос на наших глазах Андрей Дмитриевич Сахаров, теряя положение, деньги, работу и внешнюю свободу. Вырос -- и остался равным каждому, никого не давит своей всемирной тенью.

Мы живем в век кризиса *всех* движений. *Все* радикальные средства, предложенные для спасения России или Запада, или человечества, оказались недействительными или губительными.

Единственное мировое движение, у которого есть перспективы, -- движение к распаду. Началось с распада империй, откликнулось распадом атомного ядра, а где кончится -- Бог весть! Встречные движения, к созиданию, кристаллизации, достигают частных успехов, но глобальные процессы распада все время грозят их смыть. За 60 с лишним лет, которые я прожил, мир стал хаотичнее и безумнее, и даже угроза общей атомной смерти не сделала человечество солидарнее. Солидарнее стала Европа -- за счет трехконтинентальной ненависти к Европе. Солидарнее стали евреи -- за счет юдофобства. Солидарность ниимущих была вскормлена ненавистью к имущим и постоянно подкармливается ненавистью к империалистам, кулакам, отще-

пенцам, чужакам, гнилым интеллигентам, безродным космополитам и проч. В этом облаке ненависти уже невозможно дышать, и если не случится чуда, вся наша цивилизация задохнется, потеряет разум и сама себя истребит.

Что же остается? Быть человеком. Пусть Провидение позаботится, как спасти то, что можно спасти, а наше дело -- оставаться людьми. Составляя свои планы и выполняя эти планы по-человечески, без рабского страха и подлой уступчивости, без маниакальной одержимости фанатика. Только тогда что-то, может быть, спасется. Только из людей, нашедших опору в самих себе, сложится когда-нибудь новое общество без пророков и лжепророков. После ломки, которую не удержать, не остановить (слишком много вождей зовут к ней, слишком много безумных идет за вождями). После выхода всего мира из полосы болезней, которая в нашей стране приняла свою особую, едва ли не самую тяжкую форму. Ибо мы не переварили идеи своих радикалов. Мы ими подавились и не можем ни проглотить, ни выплюнуть.

Я никогда не увлекался планами, предложенными Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Но меня всегда радовал человек, проступавший сквозь текст плана: спокойный, трезвый, доброжелательный, без всяких страхов, без всякой ненависти. То, что он предлагал, касалось только наиболее тревожных симптомов болезни и совсем не затрагивало ее глубочайших духовных причин. Но он протягивал свое простое лекарство доброй рукой, и это было чистое лекарство, без противопоказаний. То, что он делал, не всегда выходило ловко; профессиональные политики бранили Андрея Дмитриевича: не тех он защищал, не за того заступался. А для меня как раз обаяние Андрея Дмитриевича Сахарова в том, что он защищал любого, защищал каждого, что он не стал политиком, не принадлежит ни к какой партии и в мире, захлестнутом ненавистью, не заплатил ей никакой дани. Временами оставаясь одиноким и нелепым в своей человечности, как Дон Кихот.

Я не думал и не думаю, что правозащитное движение -- единственная форма достойной человеческой жизни. Была бы духовная независимость, а как она проявится -- дело свободного решения: и в протесте, и в политически молчаливых, но независимых общинах, тихо делающих свое дело, и в одиноком творчестве писателя. Но если ты выступил как защитник связанных и немых, -- помни, что твое банкротство разорит тысячи! Не обма-

нывай тех, кто тебе доверился, кто вложил свои сокровища в твое имя! За десять лет мы несколько раз видели, как лопаются мыльные пузыри, как тщеславие и наглость (выдававшие себя за мужество и подвиг) кончались позорным отречением. Как люди не выдерживали своей роли, своей позы, как они сжимались от одного призрака насилия. Андрей Дмитриевич никогда не шумел, не рвался на авансцену, не метал громов против слабости, не требовал твердости от других. Тем дороже его собственная твердость.

В наш стремительный век народы, теряя родовые образцы, не успевают приобрести иной личностной структуры, становятся безликой массой, колеблющейся от пошлости к хамству и от хамства к пошлости. Мы не можем остановить этот процесс. Никто, кроме Провидения, не остановит его. Но мы можем увидеть вещи, какие они есть, и рвануться прочь от клоаки. Мы можем выдержать испытание времени, потерявшего догматы, найти свой собственный личный подход к вечным духовным источникам, собственную опору чести и совести. Законы управляют только движениями масс. Личность свободна, и она в самой себе может найти основания разумного и нравственного действия, стать опорой в мире без опор. Так, как стал нашей опорой Андрей Дмитриевич Сахаров.

Глава 1. Диалог с инквизицией

Скоро исполнится десять лет, как Святой престол отменил приговор Галилео Галилею. Никто сейчас не помнит текста его отречения. Что там говорилось? Наверное, то же, что говорят сегодня: что, находясь в глубоком заблуждении, порочил... и запрещает пользование изготовленными им книгами... Эти суконные формулы быстро стираются в памяти. Запомнилось одно: "А все-таки она вертится!"

От юридической паутины, в которой был запутан и сожжен Джордано Бруно, тоже остались только слова осужденного: "Вы больше страшитесь, вынося этот приговор, чем я, выслушивая его!"

Кажется, Джордано Бруно действительно сказал это вслух. А Галилей разве что пробормотал под нос: "А все-таки она вертится!" Или подумал. Или кто-то другой за него подумал и сказал. Но сказано или не сказано -- это стало пословицей. Ее знает каж-

дый школьник. Слова Джордано Бруно гораздо менее известны. Почему? Может быть, потому, что человека нового времени несколько отпугивает бесстрашие Бруно. Его трудно вместить. Мы все готовы стоять за истину, как Панург, — до костра исключительно. Костра мы боимся. И, может быть, еще больше боимся дороги на костер — в одиночестве, под улюлюканье толпы, — нет, такая смерть никак не красна. Трудно повторить слова Бруно. Страшновато, даже мысленно, поставить себя на его место.

Галилей понятнее. Мы бы тоже сдрейфили, если бы нам показали орудия пытки. Но потом, опомнившись, непременно пробормотали бы: "А все-таки дважды два -- четыре".

Потому что дважды два действительно четыре. То, что земля вертится, что экономическая система разваливается, и т.п. внешние истины нельзя доказать стойкостью ученого и нельзя опровергнуть, показав всему миру его слабость. Ну да, Галилей был слаб, но он повернул телескоп в глубину звездного неба — и каждый мог посмотреть и увидеть, что там делается. Метод Галилея оказался сильнее, чем средневековый способ доказательства истины, и то, что этим средневековым способом самого Галилея заставили отречься, оказалось смертельным не для Галилея, а для методов инквизиции, их *reductio ad absurdum*. "А все-таки она вертится!" звучит как приговор Нового времени мысли средних веков: "*Absurdum est*".

Галилей говорил, как говорят наши родственники и соседи: "Не надо мученичества! Достаточно доводов науки! Раньше ли, позже ли, но наука возьмет свое!" А Бруно нас молчаливо осуждает. Этот человек истину отстаивал по-средневековому: всем собой. Он был монах, мистик. И его стойкость трудно понять без привычки к дисциплине, созерцанию и молитве, без твердого канона поведения, оставленного мучениками.

У монахов на каждом шагу — чин, этикет. Послушание паче молитвы. Обет. Клятва. Присяга. В трудных случаях это очень поддерживает человека, уравнивает его слабость. Как дисциплина на войне. Первые солдаты, получавшие свои сольдо за ратный труд, никакой родины не имели и не любили, но жизнь отдавали -- за что? За несколько денежек? Скорее -- по привычке к дисциплине. И потому, что к этой смерти в бою они себя настроили и ее не боялись. Такая смерть была условием их профессии, их чести. Как для врача — готовность к холере, дворянина -- к дуэли, диссидента -- к аресту, следствию и

суду. Солдат мог и любить свою родину, диссидент — свободу (или ту же родину), но крепко держаться ему помогает твердая установка, закон чести, присяга: с ними не разговаривать! Что заставило расколоться офицеров, стоявших насмерть под Бородиным? Отсутствие выработанной установки. Отсутствие правил поведения на следствии. Попытка найти общий язык с Николаем.¹

У Галилея не было привычки к закону, уставу, этикету. Мне кажется, он относился ко всему этому даже с отвращением. Я представляю его естественным, непосредственным. А в трудном положении непосредственное всего слабость. Бруно был монах. Кампанелла был монах — и оба выстояли. У Бруно могли быть особые источники нравственного вдохновения, но у Кампанеллы я не вижу никакой благодати, никакой мистической помощи, да и веры особой не вижу. Просто привычка к дисциплине и понимание, что выдержать пытку — значит сохранить жизнь и свободу. В застенке внутренний голос (не очень глубокий) легко может сфальшивить, стать адвокатом отступничества. Закон — надежнее. Как дисциплина на войне надежнее патриотизма.

Но если внутренний голос очень силен — тогда можно и без дисциплины. Чурикова, исполняя роль Жанны д'Арк в фильме "Начало", боится пытки, боится костра. Наверное, историческая Жанна тоже боялась. Но еще сильнее этого подлого страха был благородный страх — предать святых своих видений, назвать эти ангельские видения дьявольскими. Очень глубоко они затронули душу, из очень большой глубины пришли. То, что некоторые нынешние неофиты отrekliсь (даже не посмотрев на орудия пытки), — просто открыло перед всем миром, что у них и не было благодати. Была экзальтация, наигрыш, истерика, мания религиозного величия. Была видимость веры. В час истины, наедине с четырьмя стенами, один самообман уступил место другому. Раньше прикрывались Апокалипсисом, теперь прикрыли отступничество истрепанной, как пословица, цитатой: несть власти, аще не от Бога.

Третий путь твердости — самый простой. Если нет помощи Бога, можно схватиться за саму дьявольщину пытки, за ожесточение схватки. Тут есть одна опасность: как перенести паузу — месяц, два, три — без борьбы? Дьявол здесь не на стороне узника.

¹ Это не принципиальный отказ от диалога. Но достоинство узника не позволяет ему вести диалог со следователем. Диалог — дело двух свободных людей.

Вернее — он помогает следствию. А то, что кажется самым страшным, ожесточение помогает перенести. Мне рассказывали о советском разведчике, который попался и выдержал японские допросы третьей степени. Каким образом? Непрерывно ругался матом. Разведчик был грузин, но ругался по-русски. В мате есть какая-то колдовская сила... твою мать..., вашу мать..., всех подряд, без стыда и совести. Страх глушит половую активность — и наоборот: заклятие разнузданной, не знающей удержу половой активности глушит страх, заставляет бросаться на опасность, как лососся вверх по водопаду, разбиваться насмерть — или пробиться в водоем, облить икру своими молоками.твою мать — волшебное словс бесов. Заклиная себя и других колдовским словом, можно подавить бунт (первое слово, обращенное опытным администратором к толпе бунтовщиков, есть слово — матерное, — писал Щедрин). Можно поднять в атаку перепуганных новобранцев, только что бежавших сломя голову от немецких самоходок (сам испытал и говорю по опыту). Мат составляет не менее 50% командирского слова в бою. С этим заклинанием мы победили немцев в Великой Отечественной войне, с ним мы преодолеваем хозяйственные трудности. ...твою мать заменяет материальную заинтересованность (обстоятельство, которое, кажется, не учел ни один экономист. Прошу принять это как мой вклад в политическую экономию). ...твою мать — это нерв штурмовщины, когда судорожным усилием выбрасываются недостающие проценты. И с тем же колдовским словом тракторист, получив плановую машину, в которой четверть деталей не ладятся друг с другом, подгоняет их, налаживает трактор и пашет поля реального социализма.

Почему это не получилось в Китае? Может быть, просто не хватило языковых ресурсов. Стали искать другое (Мао попробовал модель Троцкого, Дэн пробует модель Бухарина). И если советская (сталинская в своей основе) система победит в мировом масштабе, то только с поправкой Геннадия Шиманова — при условии известной русификации мира. Можно представить себе реальный социализм без марксизма, но нельзя — без крепкого русского слова. Мелкие советизированные страны ничего не доказывают. Они держатся на советском допинге, а советский режим — на ресурсах русского языка. Мат — это вовсе не то народное, которое противостоит советскому. Противостоит духовный стих о Богородице, вытащившей из ада всех, кто ни разу не

выругался черным словом. А мат — как раз то, что прекрасно сочеталось с диаматом. Как об этом давно было сказано: матом кроют, диаматом прикрываются. То и другое — мощное оружие пролетариата.

Было ли у Джордано Бруно ожесточение схватки? Думаю, что было, что в его груди вновь вспыхнул огонь догматических споров, заставивший когда-то легендарного святителя вырвать клоч бороды у Ария. Я думаю, у Бруно все было: и законы, и благодать Божья, и (в иные минуты) ярость вселенских соборов.²

Тридцать лет назад я говорил другими словами, но, когда мой товарищ по нарам поставил Галилея выше Бруно, я горячо вступился за сожженного еретика (об этом рассказано в "Пережитых абстракциях").

Сейчас мне хочется не спорить, кто выше, а понять, почему мученик Бруно и отступник Галилей стоят рядом — а не друг против друга — в нашей памяти. Думал я об этом, думал, и приснился мне сон. "Ты знаешь, — говорил мне кто-то, — только немногие динары делаются из светлого золота. Большинство — из темного. Но темный динар дешевле светлого только на один дирхем." Я никак не мог вспомнить, проснувшись, денежной системы халифата (динар — червонец, дирхем — рубль), но смысл сна был ясен: темный динар — это все-таки динар. Хотя немного дешевле светлого.

Не все истины так безболезненно выдерживают отречение, как гелиоцентрическая система. Некоторые истины вообще не могут быть доказаны или опровергнуты, а только подкрепляются стойкостью своих исповедников или ослаблены — их слабостью. Отречение — ничто для научной теории, но великий урок для нравственной истины. Сократ это понимал. Его чаша цикуты утвердила свободу нравственного исследования больше, чем вся Александрийская библиотека. Однако мы не осуждаем Анаксагора, бежавшего из Афин. И не осуждаем Уриэля Акосту. Среди всеобщей мерзости и апатии человек, взявший на себя труд и риск свободной мысли, достоин нашего сочувствия — даже если он оказался слабее своей задачи, оказался морально и интеллектуально не подготовлен к делу, которое взял на себя. Даже если он только вообразил, что способен на жертву, и не выдержал испытания. Даже если его теория не очень совершен-

² Мой учитель Леонид Ефимович Пинский выдержал 56 допросных ночей подряд без сна. Ему помогал полемический запал, ярость спора.

на, и в потрясенном уме стала распадаться на части. Мерзко только отречение без боли, без скорби; мерзок отступник, довольный собой, благодарный тюремщикам за то, что они предоставили ему время и место заниматься богословием, и поучающий других: "Несть власти, аще не от Бога".

Пьеса Гуцкова "Уриэль Акоста" переведена на еврейский язык, и я смотрел ее в театре, где играла моя мама. Сама она в этом спектакле не была занята, но роль Бен Акибы (своего рода великого инквизитора) играл ее второй муж, Ойбельман. Это был очень талантливый актер. Меня поразило бесстрашие, с которым он говорил: "Алц ис шон а мол гевен..." ("Все уже когда-то было"). Были безбожники, были еретики. В жизни Ойбельман через несколько лет сошел с ума от страха, что его арестуют, и больше пятнадцати лет прожил на вечном допросе, слушая голоса, напоминающие ему различные мелкие и чуть большие проступки его жизни (мама жалела его и не отдавала в сумасшедший дом, где он долго бы не прожил). Но на сцене ему удалось создать образ непоколебимой мудрости общины, ее великого МЫ, уходящего вглубь тысячелетий. И все же это МЫ не могло перевесить слабого трепетного Я Акосты. Его искушали свиданием со слепой матерью, умолявшей отречься. Искушали свиданием с невестой, манившей своей любовью. Акоста повторяет с ней вечные слова из Песни Песней: "Прекрасен ты, жених мой, и уста твои -- мед для меня... Прекрасна ты, невеста моя, и глаза твои -- голуби..." Сердце человека дрогнуло, и он отрекся от самого себя, а потом его обманули (девушку выдали за другого).

Акоста остается один. Видимо, долгие годы он молчал. Но в последней сцене мы видим его с учеником. И имя этого ученика -- Борух Спиноза.

Почему Спиноза выдержал угрозы, отлучение, проклятие? Почему он не отрекся? Может быть, потому, что не разрывался между двумя страстями -- к истине и к женщине. А может быть, узнал цену отречения еще до того, как от него потребовали отречься, и понял, что эту цену он заплатить не может. Отречение -- это не маневр, не тактическое отступление на войне. Это нравственная смерть. За которой, может быть, наступит воскресение -- а может быть, и не наступит. Только совершенная честность наедине с собой, только глубокое и полное молчание, только способность выпить все до дна могут спасти душу, и внешнее пора-

жение станет ступенькой к внутреннему росту, к точке равновесия, в которой человек глядит на себя Божиим глазом.

Мытарь может подняться выше фарисея, но только при одном условии: если он глубоко сознает себя мытарем. Слабость, честно сознающая себя слабостью; отречение, честно признающее себя отречением, -- еще не смертные грехи; они горьки, но могут быть целительны для души. Отрекся -- и молчи. И дай созреть в себе горечи отречения. Может быть, из нее вырастет новая сила. Внутренняя сила. Если ты сумел до конца заплатить цену отречения. Очень немногим удалось заплатить эту цену. Но она измерима, и я могу поверить, что человек вынесет ее. А какова цена отречения для тех, кто добивался его, кто подсыпал к Акосте мать и невесту, кто играл на слабости, порывистости, детской непосредственности еретика? Не знаю. Я не умею влезть в их шкуру. Знаю одно: мир простил Галилею его слабость. Мир не простил инквизиции ее силу.

Глава 2. Несть власти, аще не от Бога

Слабость достойна сострадания, пока она не стала любоваться собой и доказывать свое превосходство. Фарисейство мытаря хуже, чем фарисейство фарисея. Фарисей, по крайней мере, гордится тем, что само по себе хорошо, -- своей верностью закону. Чем же гордится мытарь? Своим мнимым сходством с евангельским собратом. Но евангельский мытарь еще не знал притчи о мытаре. Евангельский блудный сын бросился в ноги отцу, не рассчитывая на телятину.

Расчет на телятину остается расчетом на телятину, каким бы словом его ни прикрывать. Любая фраза в устах подлеца становится подлой. Даже взятая прямо из уст Бога.

Есть некоторые фразы, которые подлость особенно любит протитуировать. Одна из них -- "Несть власти, аще не от Бога". Слова эти принадлежат апостолу Павлу. Но что с того? По соседству можно найти другие слова, прямо противоположные по смыслу: надо слушаться Бога больше, чем людей. Это в "Деяниях апостолов", отредактированных учениками того же апостола Павла. Такие фразы -- реплики в диалоге. Вне диалога, вне контекста они не истинны и не ложны. В одном случае верно -- "не мир, но меч." В другом -- "поднявший меч от меча и погибнет". Истинность таких цитат определяется точностью их приложения

к делу. Можно взять фразу из Священного Писания -- прикрыть ею гадость. Можно взять поговорку из уст базарной бабы -- и сказать святую правду.

Вне контекста категорическое суждение истинно только тогда, когда не очень высоко метит и связывает или разделяет ясно определенные предметы (на сосне хвоя, на березе листья). С течением времени люди научились определять и связывать предметы, далеко выходящие за рамки здравого смысла. Это было достигнуто с помощью методов точных наук. Но научный закон ($E=mc^2$) -- только строго продуманный и строго сформулированный итог опыта, такого же простого, как отсутствие листьев на сосне. Устанавливая подобные законы, никто не цитирует Священное Писание. То, что само по себе ясно или строго доказуемо, не нуждается в поддержке авторитета.

Ссылка на авторитет указывает на другой класс категорических суждений -- которые не очевидны в личном опыте, не могут быть доказаны и, если честно говорить, не всегда строго истинны, но должны быть приняты за истинные. В частных случаях вина может быть установлена -- но презумпция невиновности от этого не теряет силы. Она остается действующей, как пружина. В частных случаях присяжные вправе сказать "невиновен" явному убийце, явному вору. Или царь -- помиловать Катюшу Маслову. Но закон от этого не теряет силы. В Новом Завете право нарушения закона связывается с благодатью. Благодать выше закона, но она не отменяет закона. Христос исцелял по субботам и не бросал камня в грешницу, но субботы не отменял. Он сказал, что пришел не нарушить закон, а исполнить. По благодати пружина иногда может быть отжата, но она должна оставаться крепкой, должна с большой силой возвращаться на место. **Иначе** благодать откроет дорогу прихоти и произволу. И вот здесь и нужно сослаться на Писание. Заповедь всегда нужно помнить. Даже тогда, когда нарушишь ее. Тогда -- в особенности.

Однако слова Павла в Послании к римлянам -- совсем не заповедь. Скорее отповедь -- зелотам, мечтавшим восстать и (с помощью легионов ангелов) сломить власть Рима; отповедь хилиастам, мечтавшим немедленно прыгнуть в тысячелетнее царство праведных. Павел был реалист. Он имел в виду то, что впоследствии говорилось об исторической необходимости. Но он вовсе не заповедовал лизать зад римлянам. Подчинение власти имело свои границы (у Христа -- "Богу Богово, кесарю кесарево", у Павла -- "надо слушаться Бога больше, чем людей").

Гражданская дисциплина не означала отказа от свободы проповеди. Так это понимали апостолы и мученики, так это понимали святой Амвросий Медиоланский, не впустивший в храм императора Феодосия, и святой Иоанн Златоуст, низложенный и сосланный за обличение императорского двора.

Никакая необходимость, или предопределение, или Божья воля не устраняют человеческой свободы. Царство свободы существует в известных границах, но оно всегда есть. Есть возможность выбрать один из нескольких земных путей (на худой конец — смерть, как Катон). И есть возможность открыть дверь вглубь, найти безграничный простор внутренней свободы. Логически свобода и необходимость, предопределение и свобода находятся в нелегких отношениях, но это не значит, что они исключают друг друга. В разных традициях, в разных культурах свобода и необходимость выступают в разных одеждах, но они всегда вместе. Они связаны, как Бог и человек в Христе, неслиянно и нераздельно.

Несть власти, еще не от Бога, в переводе на китайский — мандат неба (тяньмин). Правящая династия имеет мандат неба. Но если ее свергают, происходит смена мандата (синьмин). Божье соизволение сменяется Божиим попущением, и Божьему попущению приходит конец.

Когда именно? Это нигде не сказано. Это надо почувствовать. Никакой закон, никакое писание не заменяет своей совести и собственного разума.

В индийской мысли главное — не что будет с обществом, а каким будешь ты. Границы личной судьбы — карма, заданность. Но это именно границы, а не сам путь. Так нам задан язык; за редчайшим исключением, мы не выбираем языка своей мысли, это наша карма. Но на одном и том же языке можно заикаться, можно бойко пользоваться клише и можно писать действительно свободно, т.е. своеобразно, талантливо. Хороший стилист присужден к свободе, принужден быть самим собой в каждой фразе; плохая, казенная, чужая фраза мучает его, как дурной поступок.

Инерция языковой системы не мешает свободе стилиста. Так же инерция религиозной системы не мешает свободе мистика, инерция политической свободы — свободе преобразователя. Божья воля не собрана вся в инерции. Она ничуть не меньше и в нарушении инерции, в решимости Павла начать проповедь среди

язычников, в решимости Мохаммеда начать завоевание мира как раз в тот момент, когда обе сверхдержавы VII века, Иран и Византия, до крайности истощили друг друга и готовы были упасть к ногам арабов. Павел чувствовал не только н е в о з м о ж н о с т ь действовать как мессия с мечом в руках. Он чувствовал также в о з м о ж н о с т ь действовать по-своему и д е й с т в о в а л. Свобода — это понятая необходимость, понятая (или почувствованная) щель, в которую можно устремиться и взломать инерцию, это слабый участок во фронте, сквозь который можно вырваться на простор.

Параметры свободы меняются. В эпоху Возрождения у человека и нации было больше свободы, чем в последние века Римской империи. Но и тогда можно было не только бросаться на собственный меч. Чем меньше возможностей внешней свободы, тем неотступнее призыв к свободе внутренней...

В истории всегда есть место для свободы. Нет ее только в Утопии. Роковой ошибкой Маркса было не исследование законов исторической необходимости (в этом как раз его сила), а то, что он назвал "прыжком из царства необходимости в царство свободы". "Человечество придет к коммунизму или погибнет." Множественности путей развития больше нет, выбора нет. Между спасением и гибелью выбор заранее предопределен. Ради абсолютной цели хороши все средства. И необходимость повелевает свободе: "Патронов не жалеть!"

Есть ли гарантии от этого прыжка в утопию? Кажется, нет. Из щелей науки растет красный призрак. А из щелей религии растет черный призрак Хомейни.

Но Божье соизволение где-то сменяется Божьим попущением, инерцией бытия, которая ждет только времени иссякнуть. Реальная история вступает в свои права, и внутри ее необходимости вновь открывается свобода. Личность и сейчас свободна выбрать достойный путь жизни и смерти. Не скажу -- безгрешный, но достойный: в одной из гуманных профессий, в простой любви к ближнему, в протесте против зла. Этого достаточно. Важнее всего не то, что с нами будет, а чем мы сами будем — сбудемся или нет. Если мы сбьлись -- на этой внутренней крепости можно отстоять и какое-то внешнее пространство. Какую бы власть Бог нам ни послал. Ибо несть власти, еще не от Бога.

Глава 3. "Вместе со страной, вместе со всем народом"

Есть еще один фиговый листок фарисейства: "Я вместе со страной, с народом. Я не хочу быть отщепенцем. Пятой колонной." "Помилуйте, -- спросишь его, -- какой колонной? На какой войне? Кто Вас, Тит Титыч, обидит? Вы сами кого угодно обидите..."

Но фарисею уже не важно, кто нападет. Ни при каких условиях он не хочет быть отщепенцем. Он хочет быть только со страной, с народом. И с палачами? Да, и с ними. Если я сознаю, что без страха перед палачом страна развалится, то глупо не подавать руки палачу. Надо и с палачом найти общий язык. У палача есть свои искренние убеждения, и с ними надо считаться...

В этом есть своя логика. Чувство фальши отбито не у одного-двух человек. Это массовый синдром. Своего рода привычный вывих народной совести. И жить по совести в наш век -- значит жить отщепенцем.

Борис Хазанов писал в эссе "Идущий по воде":

Замечательная особенность наших земляков состоит в том, что они всегда действуют в соответствии с обстоятельствами. Обстановка -- вот что целиком определяет поведение, а затем и образ мыслей. Поскольку эта жизненная установка отвечает теории, первый пункт которой гласит, что бытие определяет сознание, наш земляк не будет оскорблен, если вы это ему объясните. Бытие в самом деле, в прямом и буквальном смысле, определяет его сознание. Когда в автобусе свободно, он человек. Когда тесно, он звереет. Ему вообще ничего не стоит перейти от приторной вежливости к волчьему рыку, он, как Протей, меняется на наших глазах, превращаясь из скромного труженника в гунна, а потом, при случае, так же свободно принимает человеческий облик. Словом, это человек-толпа, род организма, у которого температура тела всегда равна температуре окружающей среды.

Нигде эта особенность не проявлялась так отчетливо, как в лагере. Лагпункт, как нетрудно заметить, являет собой миниатюрный макет общества. Однако человеческий материал, с которым там имели дело, был неоднороден. И всегда легко было отличить земляка от инородца. Последнее могли быть культурными горожанами, как большинст-

во прибалтийцев, или неграмотными крестьянами, как западные украинцы или белорусы, но всегда резкая грань отличала их от "наших", словно они были людьми другой цивилизации. Их отличала мораль, усвоенная в детстве. Эта мораль, подобно грузилу, придавала им устойчивость в абсурдном мире, и, хотя колеблясь, они сохраняли свойственное людям вертикальное положение. Тогда как жизненная философия большинства "наших" исчерпывалась формулой: "С волками жить — по-волчьи выть".³

Я хотел бы подчеркнуть, что здесь противопоставляются не нации (и тем более не расы); западные белорусы не составляют особой нации. Они казались инородцами, потому что тогда (в 50-е годы) было одно преимущество перед восточными: еще не успели провариться в котле, куда сверху летят народы, сохраняющие какую-то кристаллическую нравственную структуру, а снизу вытекает жижа, прогрессивная масса. Этот процесс утраты предрассудков (а заодно и совести) выразила пословица: "На том месте, где была совесть, вырос хрен". А хрен, как известно, не очеь большой моралист... Никакая естественная сила не может вложить душу в ком-то плоти, управляемой одними условными рефлексамми. Даже если какие-нибудь марсиане уберут нынешнюю администрацию, хрен, выросший на месте совести, не превратится в нравственное начало...

Но, может быть, надо мысленно отделить от плоти народа его бессмертную душу? Иначе народа просто нет. Я уже говорил и писал, что народа нет; мне возражали, что интеллигенции тоже нет. Доводы были убедительны, и все-таки я мимо всех аргументов непосредственно чувствовал реальность интеллигенции. Что за реальность? Не знаю. Просто чувствую, как она трепыхается. Так же, видимо, обстоит дело и с народом. В народной массе что-то трепыхается -- и вылезает наружу в подписях об открытии церкви, в сектантских общинах...

Хрен твердо знает свою правду -- не мочиться против ветра. Но душа, эта сомнительная, не подтвержденная наукой реальность, -- где-то бьется. И кто-то начинает верить в нее и вести себя нелепо -- сбиваться в кучки (сектантов, диссидентов), лезть на рожон. Так что идти с душой народа -- значит идти против народной массы. И наоборот: идти с народной массой -- значит, топтать народную душу.

³ Хазанов Б. "Запах звезд". Изд. "Время и мы", 1977, стр. 280-281.

Если внутренний голос очень крепок, человек это раньше или позже почувствует. Может быть, не сразу. Может быть, только к тридцати, к сорока годам, на горьком опыте. Но непременно почувствует, что отказ от роли отщепенца значит, в известных условиях, согласие с ролью подднца. Кто это понял -- не забудет (хотя, в каких словах он выразит свой опыт -- не знаю. Слова могут быть разные). И если будет оглядываться на других, то только на людей с совестью. Он не испугается жизни отщепенца, разрыва с массой. Конфуций говорил: "Когда царит добродетель, стыдно быть далеко от двора. Когда царит порок, стыдно быть близким ко двору". Я думаю, слово "двор" можно заменить словом "народ". Смысл не переменится. Небо может отвернуться от народа так же, как от государя и двора, и тогда быть отщепенцем совсем не стыдно. Просто трудно.

Особенно трудно жить полуотщепенцем, в полуотрыве от массы, не порывая своих связей с ней, не замыкаясь в свою секту. Когда масса в одном из своих зверских состояний -- отойди от нее, а когда она становится человеческой и в ней шевелятся человеческие вопросы -- без ненависти, без злопамятности, отвечать на эти вопросы. Масса не переменится, но какие-то люди услышат, подойдут поближе.

Жить полуотщепенцем -- значит сидеть на двух стульях. Это иногда можно (когда стулья сближаются). Это иногда нельзя (когда стулья расходятся, и зад проваливается в пустоту). В таком случае надо твердо решить, куда сядешь. Есть время жить и время умирать, время компромиссов и время отказа от компромиссов. Либо ты готов стать отщепенцем, разрешаешь себе эту позицию, когда масса звереет, -- либо придешь, как щедринский либерал, от соглашений "по возможности" к соглашениям "хоть что-нибудь" и кончишь -- "применительно к подлости".

Нынешний либерал живет, оглядываясь на людей. Заповедей у него нет, категорический императив сдан как идеалистический выверт. Но есть стыд и совесть. Этого достаточно, пока не оторвали от друзей и не втянули в принудительное общение с тем, что выросло на месте совести. С антисовестью. Либерал ежится, топорщится -- а уйти в себя, замкнуться не может, нет у него глубины, на которой можно отмолчаться. Хочется поговорить, найти понимание -- и ему предлагают понимание: признай только правду хрена. Пойми и ты, что у антисовести есть свои ис-

кренные убеждения, свои резоны. И человек понимает, привыкает к диалогу с антисовестью, а чем кончается такой диалог -- известно. И потом уже трудно вернуться к прежнему.

Мы живем в обществе, где нельзя застраховать себя от насилия. И ко всем нам относится пример, приписываемый Августину. Я уже приводил его в "Письмах о нравственном выборе", но приведу еще раз. Он здесь к месту.

Когда варвары взяли Гиппон, многих девственников изнасиловали. Августин считал виновными тех, кто испытал -- если говорить в терминах статьи -- согласие с антисовестью, испытал минутное удовлетворение от своей податливости. Кто же ничего не пережил, кроме ужаса, боли и отвращения -- на тех греха нет.

Я думаю, модель Августина можно отнести к жертвам любого насилия. Савонарола под пыткой отрекался, а когда пытка приостанавливалась, снова повторял то, во что верил. Насилие владело его плотью, но не овладело его душой. Такая душа осталась чистой.

Власть насилия может быть и более долгой -- не на минуты, не на часы, но на недели и месяцы. По-моему, и это прощительно, если обморок души прекратится вместе с обстановкой совершенной беспомощности, одиночества и отчаяния. Нельзя строго судить человека, попавшего в условия, для него непосильные. Даже если другие люди могли это вынести. Нельзя судить одного человека по меркам, годным только для другого. Пусть он сам себя судит -- а мы в него не бросим камня.

Но вот прошел месяц, два месяца свободы. Обморок души кончился. Если душа осталась жива, она опомнится. А если не опомнилась? Если человек и на воле продолжает бубнить то, что затвердил со страху?

Я приводил в пример Галилея, Уриэля Акосту. Но Галилей не писал заявлений с протестом против антикатолической кампании зарубежной прессы. Уриэль Акоста не стал подручным Бен Акибы.

Как назвать человека, которому пришлось по душе его податливость в диалоге с антисовестью? И который по доброй воле продолжает то, что начато было под замком? У этого человека душа была готова к новой роли. Насилие здесь сыграло роль повивальной бабки, помогло родиться истинному пониманию своей природы. И наше сострадание, испытанное к жертве, исчезает. Мы не станем называть податливость к антисовести новым видом мученичества.

Может быть, мои слова покажутся слишком резкими. Я не настаиваю на них и готов закончить мягче -- словами поэта:

А вам, в безвременье летающим,
Под хлыст войны за власть немногих --
Хотя бы честь млекопитающих,
Хотя бы совесть ластиногих!
И тем печальнее, тем горше нам,
Что люди-птицы хуже зверя
И что стервятникам и коршунам
Мы поневоле больше верим...

(Из стихотворения О.Э. Мандельштама "Опять войны разноголо-
сица", 1923 г.)

ОТ "РАЗМЫШЛЕНИЙ О ПРОГРЕССЕ..." ДО "ДВИЖЕНИЯ ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА..."

Первой работой Андрея Дмитриевича Сахарова, которую я прочла в начале лета 1968 года, были "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Передавая мне эту работу, мой друг сказал: "Автор просит читателей делать свои замечания, высказывать свои соображения по поводу написанного".

Имя Сахарова было мне известно еще раньше от моих друзей-физиков: "Академик, атомщик, ядерщик; отец нашей водородной бомбы. У него редкое сочетание таланта теоретика и экспериментатора. Работает из внутренних побуждений, мотивы престижа, карьеры, научного самолюбия ему абсолютно чужды. Знаешь, были святые, с нимбом -- он такой". Это говорил человек весьма скептического склада ума, совершенно не склонный к дифирамбам, к тому же не одобряющий ученых, которые работают на вооружение; говорил будничным тоном, без восторга в голосе -- просто констатировал некоторые факты.

Я взяла статью А.Д. Сахарова, разумеется, ожидая откровения. Признаюсь, с первого чтения я не сумела оценить ее по достоинству. Прежде всего меня удивило само название "Размышления...". 68-й год был для меня и для многих в основном временем действий. Аресты, обыски, судебные процессы, лагерные проблемы -- эта область советской жизни, бывшая до сих пор "запретной зоной", открылась для всеобщего обозрения. Усилия властей направлены были на то, чтобы снова натянуть здесь сплошную колючую проволоку, наши -- на то, чтобы не дать заделать брешь. Пражская весна и опасность оккупации Чехословакии открывали каналы чувствам и тоже побуждали к действию.

Я и сейчас считаю этот период очень важным в нашей общественной жизни: это было начало нашего ненасильственного Сопротивления, нашего открытого, свободного Слова.

Не следует считать, что участники этого Сопротивления действовали исключительно под влиянием эмоций. Были и обсуж-

дения, и споры, и не только по поводу каких-то конкретных событий, конечно, но, пожалуй, все же мало *размышляли*. Позднее, году в 70-м, появится статья Л. Венцова (Б. Шрагина) "Думать!". Пока же протесты, заявления, открытые письма, обращения, демонстрации на Пушкинской площади, информация, информация, бум Самиздата...

"Размышления..."? О чем размышляет автор? -- "О прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Не слишком ли общо? Кому автор адресует свои рекомендации и предостережения? Если мне и таким, как я, -- то, пожалуй, напрасно: мне и без доказательств ясна необходимость сближения двух миров "на общенародной демократической основе, под контролем общественного мнения"; я и так за то, чтобы обеспечить повсеместное выполнение Декларации прав человека; я тоже считаю, что только на этих путях можно достигнуть "предупреждения обострения международной обстановки". Но все сие от меня не зависит. А те читатели в штатском, от кого зависят прогресс и мирное сосуществование, -- их такими доводами не проймешь, у них другие ценности и критерии, они в любую минуту пожертвуют мирным сосуществованием ради своих "конкретных целей и местных задач". Для чего же автор тратит свой пыл? Наивный человек, не от мира сего. -- Да, не от сего мира, от высшего, где критерием истины служит не "Для чего? -- Для добра", а "Что? -- Добро". Это я поняла много позже. Впрочем, Андрей Дмитриевич Сахаров сам ответил на мои недоумения -- в 73-м году, в интервью корреспонденту шведского радио и телевидения: когда ничего нельзя сделать для улучшения сквернейшей ситуации, говорит он, следует "создавать идеалы, даже когда не видно непосредственного пути к их осуществлению. Ведь если нет идеалов, то и надеяться вообще не на что".

Мирное сосуществование; отказ от какой бы то ни было, в том числе и идеологической, конфронтации; международные усилия в борьбе с голодом; своевременное научное решение проблем экологии; выполнение Декларации прав человека; демократизация общества; повышение уровня интеллектуальной свободы -- вот идеалы, предложенные А.Д. Сахаровым в работе 68-го года. Прочтите его статьи, выступления, книгу "О стране и мире" -- им он верен до сего дня.

Да, конечно, они соответствуют и моим, и вашим, читатель, представлениям. Только в ранг *идеалов* они были возведены тог-

да, когда их сформулировал Андрей Дмитриевич Сахаров. До этого они были *идеями* и часто казались слишком отвлеченными, чтобы непосредственно задеть каждого. Я, скажем, считала экологию областью специалистов, они уж сами решат, что для человека — для меня — хорошо, что плохо. А ведь так и права человека можно считать компетенцией юристов, мирное сосуществование — дипломатов (или военных — на выбор), а вопросы идеологической свободы — это уж, наверное, по ведомству КГБ! Да ведь многие так и смотрят на эти дела. Андрей Дмитриевич не призывает каждого нести свою долю ответственности: хотим мы или не хотим, участвуем или уклоняемся, от ответственности никто никуда не денется; когда грянет катастрофа, мгновенная или сказавшаяся со временем, поди тогда, доказывай: "Я тут не при чем". Нашу готовность иметь суждение о главных вопросах жизни человечества и себя самих Сахаров полагает не меньшей, чем его собственная. С нами и делится он своими "Размышлениями" ("Автор просит читателей делать свои замечания, высказывать свои соображения по поводу написанного").

Но кроме такой готовности нужны условия для ее реализации: информация и свобода (собственно, по Андрею Дмитриевичу, информация — важнейшая составляющая свободы). Несвобода — главный недостаток современного советского общества, считает А.Д. Сахаров. И, мне кажется, не только из-за присущего ему стремления к справедливости, из-за своих гуманистических принципов, но и в силу своей гражданской позиции: он знает, что гражданские права и свободы являются фундаментом гражданских обязанностей, гражданской ответственности.

Со времени "Размышлений" прошло 13 лет. За эти годы не раз менялись отношения между странами в мире, изменились ситуация внутри страны, судьбы близких Сахарову людей, изменилась и судьба самого Андрея Дмитриевича. Изменилась ли его позиция? Мне кажется, что существенно иначе, чем прежде, относится теперь А.Д. Сахаров к возможностям социализма. Автор "Размышлений" надеялся на конвергенцию двух систем, на демократизацию советского общественно-политического устройства. Возможно также, что он верил в добрую волю советского руководства. Буквально через несколько месяцев после появления статьи в Самиздате была оккупирована Чехословакия — мирное сосуществование было поставлено на карту во имя "местных задач". Постоянно, из года в год, ухудшается экономиче-

ское положение нашей страны; за счет привилегий партийно-правительственной элиты растет у нас социальное неравенство; все более массовыми становятся алкоголизм, воровство, разрушается трудолюбие; снижается качество медицинской помощи. Внутренняя политика игнорирует права человека, да, собственно, и вообще право: власти не считаются даже со своим собственным законодательством, с законами своей страны. Граждане подвергаются дискриминации по национальному признаку или за те или иные религиозные убеждения. Система управления лишена обратной связи. И все в целом опирается на жестокую репрессивную политику.

Таков социализм в нашей стране, и, по-видимому, его пороки заложены в той структуре, которую он создал для своей реализации. Возможно ли надеяться на добрую волю его руководителей, на внутреннее его совершенствование? "Бывает, что человек ни на что не надеется, но все равно выступает, потому что он не может молчать", -- говорит Сахаров в интервью 73-го года.

Он сам вот именно не может молчать. В статьях "О стране и мире" (1975), "Движение за права человека..." (1978) и в других работах этого времени он снова, на сей раз на конкретном материале, вскрывает пороки советской действительности (меня удивила многосторонняя, детальная и глубокая осведомленность Сахарова: оказывается, привилегии элиты -- они тогда еще распространялись на Андрея Дмитриевича, хотя уже в значительно меньшей мере, чем раньше, -- могут и не быть непроницаемой для информации преградой. Имеющий уши -- слышит, имеющий глаза -- видит).

Сахаров по-прежнему говорит о необходимости внутренних реформ в СССР: "Я по-прежнему считаю полезными подобные попытки -- не только как наиболее компактное изложение взглядов и стремлений, но и как необходимую альтернативу официальной позиции". Но хотя сам он напоминает, что и раньше не рассчитывал на разумный отклик советских руководителей, мне, читателю, кажется, что тон и ориентация работ А.Д. Сахарова в 70-е годы существенно иные, чем раньше: ближе к моей собственной пессимистической позиции, чем в "Размышлениях...".

Очевидно, некоторые новые надежды Андрей Дмитриевич связывал с Западом, с возможностями его влияния на Советский Союз. Но события последних полутора-двух лет -- вторже-

ние в Афганистан, тотальные репрессии внутри страны (в том числе и беспрецедентная высылка самого Сахарова, его изоляция), новые ограничения эмиграции — все это может подорвать всякую веру в возможности совершенствования страны путем влияния на тоталитарный режим внутренних или внешних сил.

И все-таки надежда остается. Для меня она — в самом Андрее Дмитриевиче Сахарове: в его глубокой нравственности, в его естественных демократических принципах и идеалах, в его гуманизме и даже в его вере — видоизменяющейся, переживающей кризисы, временами теряющий опору, вере в торжество справедливости и прогресса, хотя бы в возможность реализации этих понятий. Дело в том, что наглядно и неоспоримо влияние Андрея Дмитриевича на людей, его окружающих, на тех, кто знает его понаслышке, на общественное развитие в нашей стране и во всем мире. Я знаю, что многие — и я в том числе — не во всем согласны с Сахаровым. Но гораздо важнее частных несогласий по отдельным вопросам тот нравственный потенциал, который через него распространяется в человечестве.

”Наивный человек, — подумала я о Сахарове в 68-м году, после ”Размышлений” — обратит ли кто внимание на его прекрасные, но столь неосуществимые пожелания?”

Но сегодня, например, охрана среды обитания — не только забота общественности, но важная проблема внутренней политики многих стран. А движение за права человека не только стало повсеместным направлением общественного развития, но и провозглашено принципом политики государств, подписавших Соглашение в Хельсинки. Этот принцип устанавливает единство прав отдельного человека, прав народов и прав человечества на мир, свободу и независимое общение.

Идеалы Андрея Дмитриевича Сахарова постепенно все больше распространяются в мире, а его ”Размышления...” преобразуются в поступки людей и общественных групп.

КОНЬ

Наросло на перьях мясо,
Меньше скрытого тепла,
Изменилась у Пегаса
Геометрия крыла.

Но пышна, как прежде, грива,
И остер, как прежде, взгляд,
И четыре крупных взрыва
Под копытами дымят.

Он летит в пространстве жгучем,
В бездну сбросив седока,
И разорванным созвучьем
Повисают облака.

КОЧЕВОЙ ОГОНЬ

Четыре, как будто, столетья
В империи этой живем.
Нам веют ее междометья
Березкою и соловьем.

Носили сперва лапсердаки,
Держали на тракте корчму,
Кидались в атаки, в бараки,
Но все это нам ни к чему.

Мы тратили время без смысла
И там, где настаивал Нил,
Чтоб эллины речи и числа
Левит развивал и хранил,

И там, где испанскую розу
В молитву поэт облачал,
И там, где от храма Спинозу
Спесивый синклит отлучал.

Какая нам задана участь?
Где будет покой от погонь?
Иль мы -- кочевая горючесть,
Бесплотный и вечный огонь?

Где заново мы сотворимся?
Куда мы направим шаги?
В светильниках чьих загоримся?
И чьи утеплим очаги?

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

О том, как был с лица земного стерт
Мечом и пламенем свирепых орд

Восточный град, -- сумел дойти до нас
Короткий, выразительный рассказ:

”Они пришли, ограбили, сожгли,
Убили, уничтожили, ушли”.

О тех, кто ныне мир поверг во мрак,
Мы с той же краткостью расскажем так:

”Они пришли как мор, как черный сглаз,
И не ушли, а растворились в нас”.

УЛИЦА В КАЛЬКУТТЕ

Обняла обезьянка маму,
Чтобы та ей дала орех.
Обняла обезьянка маму,
А ее обманывать грех.
Убегает тропинка в яму,
Где влажна и грязна земля,

Убегает тропинка в яму,
Как испуганная змея.

Наших родичей куцехвостых
Забавляет автомобиль.
По понятиям куцехвостых,
Этот мир не мираж, а быль.
Как вода стоячая -- воздух,
И мы тонем в этой воде,
Как вода стоячая -- воздух,
Мы не здесь, мы не там, мы нигде.

* * *

Ни на материнском языке,
Ни на русском, в сером армяке, --
Одинокая моя молитва:
"Мыслью оживи меня, Творец,
В сети улови меня, Ловец,
Чья всегда удачлива ловитва".

И восстал из мертвых я, мертвец,
Принял в сердце боль и стыд сердец,
Мерзость и раскаянье порока,
И свободу я обрел в сетях,
И заснул с молитвой на устах,
И она теперь не одинока.

ПИСЬМО СОСТАВИТЕЛЯМ ЮБИЛЕЙНОГО СБОРНИКА

Дорогие составители! Я преисполнен благодарности Вам за предпринятый юбилейный сборник. Спасибо Вам и за почетное приглашение мне в нем участвовать. С Вашего разрешения, пусть это и будет вот это мое письмо.

Андрей Дмитриевич Сахаров. Его личность, его дело, его судьба, воспоминания о немногих личных с ним встречах -- все это вызывает у меня чувство восхищения и боли. "*Голос совести всего человечества*" -- это определение Нобелевского комитета абсолютно верно. "Праведник", -- сказал о нем покойный Александр Галич. Да, дорогому Андрею Дмитриевичу не повредит, если я здесь признаюсь, что подсмотрел у него некоторые черты личной святости. Всякий раз я уходил от него глубоко взволнованный впечатлениями от обаяния его личности. Не постесняюсь сказать, что это были *религиозные* впечатления.

Андрей Дмитриевич не принадлежит ни к какой из христианских церквей. Но он -- величайший представитель единой всечеловеческой Церкви людей доброй совести и воли... Здесь я должен хотя бы кратко объясниться о наших дискуссиях внутри современного исповедания Христианства. На одном краю -- приверженцы узкой ортодоксии, нетерпимые к любой попытке переосмыслить традицию. На другом -- те, кто думает, что вечное Христианство более широко и свободно, что оно вмещает в себя все, все высокое и прекрасное -- все, что дорого и свято нам в жизни. Конечно, оно обнимает и жизненный подвиг академика Сахарова: его личное милосердие, его глубокое сострадание всем обиженным, его бесстрашное мужество в борьбе за мир на земле, за здоровье будущих поколений, за права человека -- за *достоинство* человека, которое освятил пришествием Своим Иисус Христос... *Христос -- Вечный Человек*: это решающий принцип Христианства, в этом -- единственно подлинная, достойная своего слова *Надежда* человеческого существования. Недаром само это слово -- *человечность* -- стало священным для всех, верующих и неверующих. *Христос -- Человек*, и подлинное Христианство есть стремление к идеальной, прекрасной *человеч-*

ности. И там, где она проявляется, мы, недостойные христиане, видим Божественный свет. По слову Евангелия, "Дух дышит, где хочет", — Дух Святой действует везде там, где мы ощущаем духовную Красоту истинной человечности. Тогда, писал апостол, в человеке *"воображается Христос"*... Вот эти заветные наши думы я посвящаю здесь Андрею Дмитриевичу Сахарову.

Восхищение -- и боль. Его больное сердце, конечно, страдает от сострадания. Уже очень давно, еще будучи в фаворе у правительства, академик Сахаров энергично протестовал против ядерных испытаний в атмосфере -- защищал будущие поколения от последствий губительной радиации. Еще тогда он пожертвовал 140 тысяч рублей личных денег на дела милосердия. А потом начались его публичные выступления -- и это его, выражаясь древнерусским церковным термином, неустанное *печалование* за каждого, каждого узника совести в нашей стране. Удивительное дело -- здесь он очутился в полнейшем одиночестве среди своих ученых коллег. Да и о народе нашем приходится сказать правду: находясь в плену оглуляющей дезинформации, очень многие обыватели либо просто ничего не знают, либо даже превратно понимают эту его благороднейшую деятельность. Увы, тут надо упомянуть еще и о личных оскорблениях со стороны известных фашиствующих элементов, выступающих от имени какого-то своего псевдоправославия... А сегодня и сам он, академик Сахаров, уже полтора года узник -- узник правды и жалости в этом кошмаре, в скорби этой бессмысленно жестокой ссылки.

В Ленинграде одна чуждая женщина рассказала мне: она мечтает истратить свой отпуск на то, чтобы поехать в "тот город" и ходить, ходить там по улицам в надежде его встретить и сказать ему о нашем глубоком сочувствии, о нашей благоговейной любви. Я отговорил ее -- ради ребенка... Но пусть узнает дорогой Андрей Дмитриевич об этом случае -- как ему преданы, как его любят свободные души.

С глубоким уважением к Вам, дорогие составители,

священник *Сергий Желудков*

В День Победы, 1981

Ленинград-Москва

Все честные люди земли думают в эти дни об этом человеке.

Его пламенные протесты против термоядерной катастрофы, против гегемонизма и авантюризма в политике звучали и продолжают звучать в нашем мире, наполненном страхом, подозрениями, насилием. Депортированный в город Горький, лишенный радости общения с друзьями и единомышленниками, Сахаров стал всем нам -- и тем, кто знал его лично, и тем, кто никогда не имел счастья видеть и говорить с ним, -- еще ближе, еще понятнее. Наивны попытки сломить его духовно, так же как наивно думать, что таким приемом можно стереть имя Сахарова в умах и душах современников.

Много пророков на Руси звало к топору, к насилию, но вряд ли был в российской истории человек, с такой пронзительной силой призвавший к миру, к уважению человеческой личности и достоинства, к уважению прав любого народа -- большого и малого.

А.Д. Сахаров показал, что в любой стране можно и должно быть честным и принципиальным человеком, бороться за свои убеждения. Может быть, это его открытие значит в общечеловеческом плане больше, чем научное открытие любого ранга.

Имя Андрея Дмитриевича Сахарова стало для всех символом надежды. В день шестидесятилетия мы хотим напомнить Андрею Дмитриевичу о той любви, уважении и преклонении, которые он завоевал своим гражданским подвигом у нас и, мы не сомневаемся, у многих миллионов людей во всем мире.

Экс-чемпион СССР по шахматам *Анна Ахшарумова*, международный мастер, гроссмейстер *Борис Гулько*, профессор *Александр Лернер*, профессор *Валерий Сойфер*, врач *Нина Яковлева*

САХАРОВ — УЧЕНЫЙ

ФИЗИКИ О САХАРОВЕ

”У него (Сахарова) есть прекрасное свойство. К любому явлению он подходит заново, даже если оно было двадцать раз исследовано и природа его двадцать раз установлена. Сахаров рассматривает все, как если бы перед ним был чистый лист бумаги, и, благодаря этому, делает поразительные открытия”.

И.Е. Тамм

(М. Ромм. Чистота видения. ”Экран”, 1964, изд-во ”Искусство”, М. 1965, стр. 133)

* * *

”В 1950 году возникло еще одно гораздо более крупное направление в физике плазмы, которое также связано своими истоками с атомной физикой: И.Е. Тамм и А.Д. Сахаров высказали идею магнитной термоизоляции плазмы для получения управляемой термоядерной реакции. Предварительные расчеты показывали, что достижение условий для самоподдерживающейся реакции в тороидальной установке технически возможно.”

Академик М.А. Леонтович, чл.-корр. АН СССР Б.Б. Кадомцев (”Физика плазмы” в сб. ”Октябрь и научный прогресс”, М. 1967, т. 1, стр. 240.)

* * *

”В качестве третьего примера¹ возможностей нашей науки можно привести развитие работ по физике плазмы с целью осуществления термоядерной реакции в спокойных, регулируемых условиях. Эта проблема имеет особо важное значение в связи с тем, что ресурсы дейтерия в природе велики и это обещает практически навсегда снять с человечества заботу об энергоресурсах.

И.Е. Тамм и А.Д. Сахаров выдвинули идею о возможности термоизоляции дейтериевой горячей плазмы с помощью магнит-

¹ Первый пример — развитие в СССР техники в области физики высоких энергий; второй — создание экспериментальных реакторов.

ного поля. Заряженные частицы, из которых состоит плазма, не могут уходить поперек магнитного поля. Пользуясь этим, можно было представить конфигурации магнитных полей, со всех сторон окружающих горячую плазму, при которых плазма не могла бы покинуть отведенное для нее место. ...

И.В. Курчатов в последние годы жизни с необычайной энергией взялся за организацию работ в этом важном направлении. Кроме отдела плазменных исследований Института атомной энергии, в котором под руководством Л.А. Арцимовича работа по термоядерному синтезу развивалась как главное направление с помощью очень сильной группы теоретиков, руководимой М.А. Леонтовичем, И.В. Курчатов организовал работы по синтезу в других отделах института под руководством Е.К. Завойского и И.Н. Головина. Кроме того, в работу были включены крупные коллективы в Украинском физико-техническом институте, Ленинградском и Сухумском физико-технических институтах, Физическом институте им. Лебедева АН СССР.

Для создания крупных термоядерных установок был привлечен Ленинградский электрофизический институт. И.В. Курчатов проявил инициативу создания международного сотрудничества в этой области, и оно успешно развивается."

Академик А.П. Александров

("Ядерная физика и развитие атомной техники в СССР", сб. "Октябрь и научный прогресс", М. 1967, т. 1, стр. 209-210.)

От редакции. В наши дни важность исследований И. Тамма и А. Сахарова в области управляемых термоядерных реакций, их основополагающий характер становятся все более очевидными. Не упоминать их работ нельзя, но и появление фамилии А. Сахарова в положительном контексте даже в советской научной печати совершенно недопустимо. И вот используется промежуточный вариант: статьи появляются без фамилий авторов, они как бы выполнены всем советским народом.

Создание установки основывалось на развитии идей, сформулированных в 1951 году в работах (2,3). В этих работах, положивших начало исследованиям по управляемым термоядерным реакциям в Советском Союзе, был предложен проект магнитного термоядерного реактора. ...

(2) Теория магнитного термоядерного реактора (часть 1). Тр. Женевской конференции, т. 1, стр. 3-19.

(3) (часть 2) там же, стр. 20-30.²

² Итоги науки и техники. Серия: Физика плазмы. Т. 1, ч. 1, редактор В.Д. Шафранов. М. 1980. Токамаки. В.С. Муховатов.

Часть 1 была опубликована под фамилией И. Тамма, часть 2 — А. Сахарова.

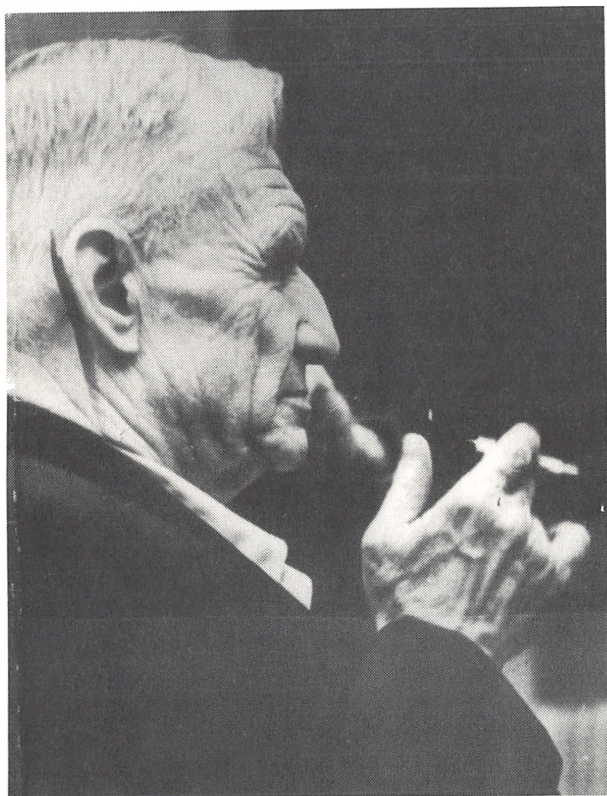
Не является ли придание этим работам анонимного, фольклорного характера наивысшей формой признания заслуг Андрея Дмитриевича Сахарова в советской науке?!

* * *

”В области управляемых термоядерных реакций А.Д. Сахаровым не только была выдвинута основная идея метода, на основе которого можно надеяться осуществить такие реакции, но были проведены обширные теоретические исследования свойств высокотемпературной плазмы, ее устойчивости и т.д. Это обеспечило успех соответствующих экспериментальных и технических исследований, завоевавших всеобщее мировое признание.”

Академик И.Е. Тамм

(”Теоретическая физика”, ”Наука и жизнь”, 1967, № 10, стр. 110-115.)

Игорь Евгеньевич Тамм (1899-1971)
Академик, лауреат Нобелевской премии по физике,
научный руководитель и старший друг А.Д. Сахарова

КРАТКИЙ ОБЗОР НАУЧНЫХ РАБОТ А.Д. САХАРОВА

ЧАСТЬ I

Б. Альшулер

Управляемая термоядерная реакция Взрывомагнитные генераторы

1. Управляемая термоядерная реакция

В 1950 году А.Д. Сахаров вместе с И.Е. Таммом выдвинул идею, которая, вероятно, является его главным научным и изобретательским достижением. Это — предложение осуществления управляемой термоядерной реакции для энергетических целей с использованием принципа магнитной термоизоляции плазмы (см. Большая Советская Энциклопедия, статьи о Сахарове и Тамме). Управляемая термоядерная реакция так же, как реакция, происходящая в водородной бомбе, представляет собой слияние ядер изотопов водорода — дейтерия и трития — с образованием (синтезом) ядер гелия и выделением энергии, но не при взрыве, а в условиях промышленного устройства — термоядерного реактора. В отличие от цепной реакции деления ядер урана и плутония в атомной бомбе и в реакторах атомных электростанций, термоядерная реакция возможна лишь при температуре в десятки или даже сотни миллионов градусов.

Сахаров и Тамм показали, что при движении заряженных частиц — ядер и электронов — в магнитном поле специальной конфигурации отвод тепла уменьшается настолько, что становится в принципе возможным нагрев плазмы до необходимой температуры и поддержание ее в течение времени, достаточного для термоядерной реакции. Об этих работах доложил И.В. Курчатов 25 апреля 1956 года в своей знаменитой лекции в английском атомном центре в Харуэлле (1) во время визита в Англию с Хрущевым и Булганиным; они были опубликованы в трудах Женевской конференции по мирному использованию атомной энергии, а также в сборнике (2) под общим заглавием "Теория магнитного термоядерного реактора" (МТР). Части 1, 3 — статьи

И.Е. Тамма; часть 2 — статья А.Д. Сахарова. В кратком введении Сахаров пишет: "В работе И.Е. Тамма изложены свойства высокотемпературной плазмы в магнитном поле, дающие надежду на осуществимость МТР. Ниже излагаются другие вопросы теории МТР, а именно: § 1. Термоядерные реакции. Тормозное излучение. § 2. Расчет большой модели. Критический радиус. Краевые явления. § 3. Мощность подмагничивания. Оптимальная конструкция. Производительность по активным веществам. § 4. Дрейф в неоднородном магнитном поле. Подвешенный ток. Индукционная стабилизация. § 5. Проблема плазменной неустойчивости".

Эти работы Сахарова и Тамма признаются пионерскими. Дальнейшие исследования продолжались под руководством Л.А. Арцимовича. Вот какими словами писали об этом в СССР около десяти лет назад (в более поздних изданиях фамилия "Сахаров" отсутствует): "Курчатов рассказал английским слушателям об оригинальнейшей идее, выдвинутой в 1950 году советскими академиками А.Д. Сахаровым и И.Е. Таммом, — использовать для теплоизоляции плазмы магнитное поле..." (из книги П.А. Астащенко "И.В. Курчатов", М. 1967).

А вот отрывок из книги И.Н. Головина "И.В. Курчатов" (М., издания 1967 и 1972 гг., стр. 81-82). Разговор И.В. Курчатова со своим заместителем (фамилия заместителя в книге не названа) в новогодний вечер 31 декабря 1950 года:

Заместитель: "Игорь Васильевич! МТР — ведь это величайшая проблема по освобождению внутриядерной энергии! Первую проблему Вы успешно решили. Никто уже не сомневается, что атомная электростанция будет работать за счет деления урана. Сахаров поднял нас на решение второй, не менее величественной атомной проблемы двадцатого века — получения неисчерпаемой энергии путем сжигания океанской воды! Эта задача, решению которой не жаль отдать всю свою жизнь".

Курчатов остановился. Лучистая улыбка осветила его лицо. "Вы увлекающийся, молодой человек! Говорите — великая проблема!.. " Лицо его стало серьезным: "Да... Проблема великая... Проблема человеческая". Курчатов вновь зашагал, поглаживая бороду. — "Проблема величайшая! А как вы будете создавать горячую плазму?"

— Не ясно.

- Очень не ясно! Да-с, молодой человек, очень не ясно.
- Но в этом и состоит основная задача.

Курчатов с присущей ему настойчивостью начал детально обсуждать, как можно получить плазму и нагреть ее. С увлечением рассказал, как Сахаров предложил создавать плазму индукционным способом, надев на тороидальную камеру железный сердечник с первичной обмоткой... Уже через несколько месяцев во главе с Арцимовичем работала созданная Курчатовым лаборатория, насчитывающая до ста сотрудников. Возглавлял теоретические исследования М.А. Леонтович.

Одним из результатов многолетних усилий большого коллектива советских ученых была система, известная под названием "токамак". Эта система наиболее близка к первоначальным идеям Сахарова и Тамма, рассмотревших, в частности, тороидальную конфигурацию в стационарном и нестационарном вариантах. Сегодня она считается одной из наиболее перспективных.

"В настоящее время перспективы представляются лучшими, чем когда-либо прежде; несколько лет назад русские экспериментаторы изобрели установку, называемую "токамак"... Эта установка сравнительно успешно была воспроизведена в США", — писал в 1976 году Ганс А. Бете (3).

"Наиболее остроумным и многообещающим способом был так называемый "токамак", предложенный в СССР", — П.Л. Капица, Нобелевская лекция 1978 года (4).

Весьма полная картина современного состояния проблемы управляемого термоядерного синтеза дана заместителем директора отдела термоядерных исследований Департамента энергии США Дж. Ф. Кларком в обзоре, написанном в декабре 1979 года для журнала "Физика плазмы" (5). Приведу некоторые выдержки из этого обзора:

"Последние результаты экспериментов, выполненных в США, СССР, Европе и Японии, показывают, что "токамак", один из возможных подходов в синтезе, может удерживать термоядерную плазму, необходимую для создания энергии, достаточно хорошо."

"Не существует фундаментальных технических препятствий для практического производства энергии управляемого термоядерного синтеза на основе научного успеха "токамаков".

”Мы одобряем совместное планирование исследований на крупнейших ”токамаках” мира, строящихся в настоящее время: Т-15 в СССР, JT-60 в Японии, JET в Европе и TFTR в США. Эти усилия должны подготовить фундамент для следующего шага — перевода термоядерной программы на стадию инженерных разработок. Возможно, это произойдет в начале 1981 года.”

Сахаров занимался также принципиально иным, альтернативным методом магнитной изоляции и удержания плазмы, направлением исследований, связанных с использованием лазера. В своей краткой автобиографии А.Д. Сахаров пишет: ”В 1961 году я предложил для тех же целей (получения управляемой термоядерной реакции — Б.А.) нагрев дейтерия лучом импульсного лазера”. (”Сахаров о себе”, Нью-Йорк, 1974). Эта идея возникла независимо в разных странах и сейчас интенсивно разрабатывается как в СССР, так и за рубежом.

Поясним несколько подробнее физическую сущность и значение управляемого термоядерного синтеза.

При слиянии двух ядер дейтерия или ядер дейтерия и трития образуются изотопы гелия и быстрые нейтроны. Положительный выход энергии обусловлен уменьшением общей массы покоя реагирующих частиц — в соответствии со знаменитым соотношением Эйнштейна $E=mc^2$. Для слияния ядер необходимо, чтобы они сблизилась до расстояния действия ядерных сил, но этому препятствует электростатическое отталкивание, для преодоления которого требуется достаточно большая кинетическая энергия теплового движения ядер. Таким образом, для осуществления термоядерной реакции нужна начальная температура зажигания. В водородной бомбе в качестве запала применяется атомная бомба. В случае управляемого термоядерного синтеза необходимый начальный разогрев можно в принципе получить путем создания в дейтериевой или дейтерий-тритиевой плазме мощных электрических разрядов. При этом главная проблема — удержать эту ”молнию” в течение времени (несколько секунд), необходимого для разогрева плазмы до температуры зажигания термоядерной реакции. Необходимо также, чтобы энергия, выделяемая при синтезе ядер, была больше энергии, затрачиваемой на нагревание плазмы: только в этом случае можно сказать, что ”дрова разгорелись”.

Никакие стенки из вещества для удержания плазмы не годятся, так как при столь высокой температуре они сразу же пре-

вратятся в пар. Единственно возможным является метод удержания горячей плазмы в ограниченном объеме с помощью очень сильных магнитных полей. Плазма — это газ электрически заряженных частиц, траектория движения которых под действием магнитного поля искривляется. Выбором определенной конфигурации внешнего магнитного поля, с учетом "Пинча" (самосжатия плазменного шнура собственным магнитным полем), можно надеяться предотвратить разлет плазмы на стенки. Главная возникающая трудность — неустойчивость плазменного шнура. Есть и другие трудности, как, например, разрушение стенок реактора нейтральными атомами, которые всегда в небольшом количестве присутствуют в плазме и которые, очевидно, магнитным полем не удерживаются. Вместе с тем возникающие проблемы скорее технологического, а не принципиального характера.

В качестве долговременных можно использовать три источника энергии: солнечную, атомную и термоядерную. Недостаток Солнца — низкая плотность энергии. Проблемы АЭС — необходимость захоронения радиоактивных отходов, а главное — опасность неконтролируемого распространения в мире атомного оружия. Термоядерный синтез значительно безопаснее и в отношении "шлаков", и в отношении "атомных террористов". Миллионы тонн дейтерия содержатся в водах Мирового океана. Свободного трития в природе практически нет, но его можно воспроизводить в самих термоядерных реакторах из лития (при взаимодействии нейтронов с ядрами лития образуются гелий и тритий). Таким образом, единственный недостаток управляемой термоядерной реакции в том, что она до сих пор не осуществлена.

В настоящее время в научных лабораториях многих стран ведутся широкие исследования различных вариантов решения проблемы управляемой термоядерной реакции. После лекции И.В. Курчатова в Харуэлле, которая произвела огромное впечатление во всем мире, исследования по управляемой термоядерной реакции велись открыто и в тесном международном сотрудничестве. Они явились образцом всей системы международного сотрудничества, сложившейся в 50-70-х годах и поставленной под удар известными событиями последних лет, в их числе осуждением Ю.Ф. Орлова и высылкой А.Д. Сахарова.

14 сентября 1981 года в Москве откроется X-я Европейская конференция по физике плазмы и управляемому термоядерно-

му синтезу. Возможна ли такая конференция без участия основоположника всего направления — академика Сахарова? Беззаконное задержание Сахарова придает этому вопросу исключительную остроту. Кроме того, должно быть известно, что председатель советского оргкомитета конференции академик Велихов неоднократно за последний год игнорировал просьбы Сахарова о помощи.

2. Взрывомагнитные генераторы

В 1951-52 годах А.Д. Сахаров предложил принцип использования энергии взрыва для получения сверхсильных магнитных полей и сверхсильных токов. Этот принцип основан на сохранении магнитного потока и увеличении энергии магнитного поля при быстром взрывном деформировании металлических контуров с током, в частности, при кумулятивном схлопывании полых металлических цилиндров (отсюда название — магнитная кумуляция, МК). Эти предложения Сахарова и результаты осуществленных по его инициативе исследований были опубликованы в 1965-66 годах (6,7). В этих публикациях сообщается о получении рекордного магнитного поля 25 млн. гаусс (т.е. плотность энергии в миллион раз больше, чем в хорошем постоянном магните). В 60-е годы появились также многочисленные зарубежные публикации на ту же тему. Сахаров пишет: "Областью применения генераторов МК является решение таких проблем физики и техники, как, например, создание сравнительно малогабаритных ускорителей заряженных частиц однократного действия на высокие энергии (100-1000 Бэв), получение и изучение плотной высокотемпературной плазмы, ускорение плотных образований до скоростей в сотни и тысячи километров в секунду, что необходимо для решения некоторых задач астрофизики (достижения в лабораторных условиях звездных температур и давлений), физики ударных волн, исследования уравнений состояний и свойств веществ при сверхвысоких температурах и давлениях, изучения действия на обшивку космических кораблей метеоритов и т.д.

Открываются перспективы исследований электрических, оптических и упругих свойств различных веществ в таких магнитных полях, которые были раньше практически недостижимы."

В работах Сахарова и соавторов дается описание двух наиболее характерных взрывных генераторов: МК-1 (сжатие аксиаль-

ного магнитного поля) и МК-2 (вытеснение магнитного поля из соленоида и последующее его сжатие стенками коаксиала).

Наипростейшей, с теоретической точки зрения, является система МК-1. — Внутри полого металлического цилиндра за счет импульса тока в соленоидальной обмотке создается магнитное поле. Снаружи цилиндра коаксиальный слой заряда взрывчатого вещества (ВВ). В этом заряде возбуждается сходящаяся цилиндрическая ударная волна. Момент взрыва выбирается так, чтобы сжатие цилиндра началось в момент максимального тока в соленоидальной обмотке, т.е. в момент максимального начального магнитного поля. Скорость сжатия стенок цилиндра свыше 1 км/сек; остановка движения происходит из-за противодействия магнитного поля. Величина магнитного поля обратно пропорциональна площади поперечного сечения цилиндра, поскольку магнитный поток в цилиндре остается постоянным. Это основано на явлении электромагнитной индукции: при движении цилиндра в радиальном направлении в его стенках возникают индукционные токи, которые, подчиняясь известному "правилу Ленца", стремятся не выпустить поле из внутренней области. При начальном поле в 30 тысяч гаусс уже в первых опытах было достигнуто поле в 1 млн гаусс, что соответствует уменьшению радиуса цилиндра примерно в шесть раз.

"Генератор МК-2 представляет особый интерес для получения сильных токов и очень больших энергий магнитного поля (с превращением в энергию магнитного поля до 20% энергии ВВ, при относительно высоких значениях магнитного поля до 2 млн. гаусс)."

"Практическое осуществление систем МК-2 с высокими характеристиками потребовало длительных исследований большого коллектива, которые в основном были закончены в 1956 году (первая конструкция генератора МК-2 создана в 1952 году, в 1953 году получены токи в 100 млн. ампер)."

Применение генераторов МК-2 для создания очень высоких начальных полей в генераторе МК-1 позволило получить сверхсильное магнитное поле в 25 млн. гаусс.

Магнитное поле оказывает давление на любую преграду, за которую не может проникнуть. Это давление магнитного поля можно использовать для всестороннего обжатия образца и изучения свойств различных веществ при сверхвысоких давлениях в условиях адиабатического сжатия, т.е. без ударного разогрева до

десятков тысяч градусов. В некоторых новейших советских и американских публикациях сообщается о достижении методом МК давлений в несколько миллионов атмосфер при температуре образца не более 300 градусов Цельсия. Таким образом были изучены свойства кварца, корунда, а также водорода в попытке получить его в металлическом состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академик И.В. Курчатов. "О возможности создания термоядерных реакций в газовом разряде", Москва, 1956 год.
2. А.Д. Сахаров, И.Е. Тамм. "Теория магнитного термоядерного реактора", в сб. "Физика плазмы и проблема управляемых термоядерных реакций", под ред. М.А. Леонтовича, Москва, 1958 год, т. 1. (Примечание: работа выполнена в 1951 году.)
3. Г. Бете. "Необходимость ядерной энергетики", "Успехи физических наук", 1976 год, т. 120, выпуск 3. (Перевод из журнала "Сайентифик Америкен", том 234(1), 1976 год.)
4. П.Л. Капица. "Плазма и управляемые термоядерные реакции", "Успехи физических наук", 1979 год, т. 129, вып. 4.
5. Дж. Ф. Кларк. "Следующий шаг в термоядерном синтезе: что это такое и как его делать", "Физика плазмы", 1980 год, т. 6, вып. 6.
6. Акад. А.Д. Сахаров, Р.З. Людаев, Е.Н. Смирнов, Ю.Н. Плющев, А.И. Павловский, В.К. Чернышев, Е.А. Феоктистова, Е.И. Жаринов, Ю.А. Зысин. "Магнитная кумуляция", "Доклады Академии наук (ДАН) СССР", 1965 год, т. 165, № 1.
7. А.Д. Сахаров. "Взрывомагнитные генераторы", "Успехи физических наук", 1965 год, том 88, вып. 4.

ЧАСТЬ II

Ю. Гольфанд

О работах по фундаментальным проблемам физики

1. Теории элементарных частиц, из которых построена вся материя, а также вопросам космологии — проблемам возник-

новения и эволюции мира посвящен ряд работ А.Д. Сахарова. В этих работах Андрей Дмитриевич высказал несколько замечательных идей, касающихся наиболее общих физических принципов. Я попытаюсь дать общий обзор этих работ, не углубляясь в технические подробности, доступные лишь специалистам.

Теория элементарных частиц и космология переживают сейчас период бурного развития. По образному выражению И.Е. Тамма, они находятся на переднем крае современной физики. Гигантский прогресс экспериментальной техники позволил за сравнительно короткий отрезок времени (условно -- двадцать лет) накопить множество новых опытных фактов. Некоторые из них несомненно должны рассматриваться как крупные открытия, заставляющие существенно пересматривать научные представления, казалось бы -- весьма прочно установленные. Укажем некоторые примеры. В космофизике: реликтовые излучения, представляющие собой след процессов, происходивших в первые мгновения существования мира; открытие пульсаров -- нейтронных звезд и, возможно, наблюдение черных дыр в двойных системах звезд (правда, по вопросу о черных дырах, насколько мне известно, мнения ученых несколько расходятся). В физике частиц: несохранение CP -четности, "очарованные" частицы, ипсилон -- частицы, тяжелые лептоны. Список этих примеров далеко не полный и приведен лишь для иллюстрации.

Такой поток открытий весьма стимулирует теоретическую мысль, заставляя ее заново пересмысливать фундаментальные научные проблемы. При этом развитие теории отнюдь не подчинено прогрессу в эксперименте. Если бы теория лишь следовала за экспериментом, пытаясь объяснить новые данные, думаю, что никакое развитие науки было бы невозможно. Теория развивается по своим внутренним законам. При этом теоретическая картина мира часто оказывается неподтвержденной (а иногда и противоречащей) существующими в данное время экспериментальными данными. (Таких примеров было много. Один из наиболее ярких -- общая теория относительности.) Тем не менее "хорошая" теория выживает и сама оказывает влияние на последующее направление экспериментальных работ. В дальнейшем теория и эксперимент в большей или меньшей степени приходят в согласие друг с другом.

В результате такого развития науки возникает весьма своеобразная картина. С одной стороны, формулируются весьма об-

щие принципы, управляющие колоссальным множеством физических явлений. С другой стороны, возникают фундаментальные проблемы, решение которых в значительной степени меняет картину науки. Как правило, такие проблемы возникают там, где фундаментальные принципы вступают в противоречие друг с другом.

В физике частиц наиболее общие принципы имеют форму законов сохранения тех или иных физических величин. Решение некоторых весьма трудных задач иногда состоит в отказе от абсолютно точного выполнения закона сохранения.

В основе современной космологии лежит общая теория относительности Эйнштейна, то есть теория гравитационного поля. Структура гравитационного поля выражается в терминах геометрии четырехмерного пространства — времени или, как говорят, Мира. Такой геометрический подход отражает весьма глубокие свойства гравитационного поля. Хорошо известно, что все тела в поле тяжести Земли движутся по одинаковым траекториям, независимо от их массы. Отсюда видно, что движение в поле тяжести имеет геометрический характер. Теория относительности является далеко идущим обобщением этого факта. Из этой теории следует, что, пока гравитационное поле слабое (например, поле Земли в этом смысле весьма слабое), геометрия пространства мало отличается от геометрии Евклида. Когда же поле становится сильным, геометрия пространства-времени кардинально меняется. Одним из выводов теории относительности является то, что весь мир как целое возник в результате "Большого взрыва" примерно 10 миллиардов лет тому назад. В момент "Большого взрыва" и сразу после него геометрия пространства была весьма непохожа на то, что мы сегодня видим вокруг. Физические условия в то время тоже весьма отличались от земных — плотность вещества и температура были огромными (теоретически — бесконечными). Могли идти такие физические процессы, которые абсолютно невозможны в земных условиях и даже в недрах Солнца или обычных звезд.

Весьма примечательной особенностью современной картины мира является то, что проблема микромира (теории элементарных частиц) и проблема космологии (теории Мира как целого) пересекаются друг с другом. Как раз в моменты сразу за "Большим взрывом" физические процессы, управляющие эволюцией

вселенной, существенно определяются законами, установленными в физике элементарных частиц. На стыке этих двух полюсов науки возникают исключительно интересные научные проблемы и результаты.

Некоторые из этих проблем интересовали Андрея Дмитриевича Сахарова. Решая их, Андрей Дмитриевич старался опираться на самые общие принципы в данной области науки. Такой метод чрезвычайно труден, но зато результаты являются несравненно более важными. Подход Андрея Дмитриевича Сахарова весьма физичен. Андрей Дмитриевич всегда пытается увязать между собой несколько разнообразных (иногда, казалось бы, далеких) физических аспектов рассматриваемого круга явлений и получать максимальное число результатов, проверяемых на опыте.

2. Барионная асимметрия Вселенной. Барионы образуют большое семейство "элементарных частиц, обладающих некоторым характеристическим свойством — наличием барионного заряда". Наиболее известными представителями барионов являются протон и нейтрон, из которых строятся все атомные ядра. Протону и нейтрону приписываются значения барионного заряда равные единице. При взаимодействии барионы могут превращаться друг в друга, однако эти превращения ограничены тем условием, что барионный заряд начальных продуктов реакции равняется барионному заряду конечных продуктов. Это условие можно сформулировать как закон сохранения барионного заряда. До сих пор ни в одном эксперименте не было наблюдеено нарушение этого закона. Для каждого бариона существует свой антибарион. Антибарион также принадлежит барионному семейству. Свойства антибариона аналогичны свойствам бариона, но в то же время в некотором смысле им противоположны. Барионный заряд антибариона противоположен по знаку барионному заряду соответствующего бариона.

Следует особо подчеркнуть, что нет какого-либо внутреннего свойства, позволяющего отличить частицу от античастицы. Отношение частица — античастица взаимно. Так, например, протон и антипротон являются античастицами друг относительно друга. Если бы все частицы мира заменить на античастицы, то возникший в результате мир мало бы отличался от того, в котором мы живем. Иными словами, антимир, состоящий из "антивещества", был бы устроен точно так же, как и наш мир, построенный из "вещества".

Однако если частица взаимодействует с античастицей (например, реакция протон-антипротон, хорошо изученная в лабораторных условиях), то возникает совершенно другая картина. Поскольку барионные заряды этих двух частиц противоположны по знаку, и, следовательно, суммарный барионный заряд равен нулю, нет никаких причин, запрещающих превращению пары барион-антибарион в легкие частицы — электроны, нейтрино и кванты света. Как говорят, происходит аннигиляция, в результате которой пара барион-антибарион исчезает. Если бы в нашем мире существовали тела, построенные из антивещества, то при соприкосновении с телами из вещества происходила бы их аннигиляция с выделением большого количества энергии. Никаких астрономических указаний на существование подобных явлений обнаружено не было. Таким образом, опытом с большой точностью установлено, что в нашей Вселенной нет скоплений антивещества. Конечно, всегда можно возразить, что антивещество сосредоточено где-то в отдаленных уголках Вселенной и пространственно разделено с веществом. Однако даже если это и так в современную эпоху, то в эпоху сразу после "Большого взрыва", когда материя была в сверхплотном состоянии, такое разделение вещества и антивещества весьма трудно себе представить. Остается предположить, что во Вселенной нет островов антивещества или, иначе говоря, барионный заряд Вселенной отличен от нуля. В этом состоит барионная асимметрия Вселенной: несмотря на то, что законы физики допускают замену вещества на антивещество, Вселенная состоит из частиц с барионным зарядом одного знака. Проблема барионной асимметрии Вселенной ставит вопрос: как это могло произойти в процессе эволюции? Как мы видим, в этой проблеме скрещиваются фундаментальные законы физики. С одной стороны, закон сохранения барионного заряда, с другой — представления Общей теории относительности, из которой следует модель расширяющейся Вселенной, возникшей в результате "Большого взрыва". Конечно, один из возможных ответов состоит в том, что "так было всегда", что уже сверхплотная материя во времена "Большого взрыва" имела в точности такой же барионный заряд, какой имеет Вселенная в нашу эпоху. Однако такой ответ является пустым.

Значительно более интересной является гипотеза о том, что начальное состояние Вселенной имело барионный заряд равный

нулю, а имеющаяся сейчас барионная асимметрия возникла в результате некоторых физических процессов в ходе эволюции Вселенной. С этой точки зрения рассматриваются различные аспекты барионной асимметрии Вселенной в работах А.Д. Сахарова (1,2,3,4). Андрей Дмитриевич исследует две различные гипотезы. Первая (3) состоит в том, что барионный заряд в природе строго сохраняется, однако в результате нестационарных процессов в сверхплотном веществе, возникшем в "Большом взрыве", возможно разделение барионного заряда, при котором положительный заряд сосредоточен в нуклонах, а равный ему отрицательный заряд — в некоторых гипотетических частицах, нейтральных антикварках (с барионным зарядом — $1/3$). Эти антикварки по предположению не захватываются ядрами. Все окружающее пространство заполнено антикварками. Их средняя плотность втрое больше средней плотности нуклонов (суммарный барионный заряд нуклонов и антикварков равен нулю). Легко сформулировать свойства антикварков, которые не приводят к противоречию с имеющимися данными. В работе обсуждаются возможные эксперименты по наблюдению антикварков. Такие эксперименты являются наиболее прямой проверкой гипотезы.

Вторая гипотеза, рассмотренная в работах (1,4), существенно отличается от предыдущей. Предполагается, что закон сохранения барионного заряда выполняется лишь приближенно. Вводится конкретная модель взаимодействия, не сохраняющего барионный заряд. Это взаимодействие приводит к распаду протона в легкие частицы (в конкретном варианте в μ -мезоны). В работе показано, что при нестационарном процессе расширения сверхплотной материи введенный механизм может дать наблюдаемое значение барионной асимметрии. В современную эпоху видимые эффекты нового взаимодействия весьма малы. Например, хотя это взаимодействие приводит к распаду протона, тем самым делая протон нестабильным, однако время жизни протона оказывается столь большим, что наблюдение распада протона в эксперименте находится далеко за пределами современных возможностей. В последующей работе (2) Андрей Дмитриевич развивает свою гипотезу, увязывая ее с эффектом несохранения CP-четности — весьма важным явлением, экспериментально обнаруженным при распаде долгоживущих K^0 -мезонов.

Проблема барионной асимметрии Вселенной сейчас является одной из центральных проблем, объединяющей две важнейшие области физики — теорию элементарных частиц и космологию.

3. *Космологические модели.* Закон всемирного тяготения, утверждающий, что все тела в мире притягиваются друг к другу, — один из наиболее универсальных законов природы. Тот факт, что в малых масштабах свойства системы определяются не гравитационными взаимодействиями, объясняется тем, что это взаимодействие (в известном смысле) весьма слабое. Так, например, электростатическое взаимодействие между протоном и электроном в атоме водорода на много порядков сильнее их гравитационного взаимодействия. Однако ни одно взаимодействие в мире, помимо гравитационного, не носит характера всеобщего притяжения. Поэтому, когда мы переходим от рассмотрения явлений малых масштабов ко все более крупным масштабам, относительная роль гравитации возрастает. Если же рассматривать весь мир как физическую систему, то для такой системы роль гравитации становится доминирующей, а все остальные взаимодействия отходят на задний план. Можно сказать, что гравитация полностью определяет структуру мира как целого.

Общая теория относительности Эйнштейна выражает гравитационное поле в терминах геометрии четырехмерного Мира. Эта геометрия такова, что для небольших пространственно-временных областей она может весьма мало отличаться от геометрии Евклида. Однако все пространство в целом отличается кардинальным образом от Евклидова пространства. Таким образом, космологическая модель, описывающая строение всей Вселенной, по существу сводится к рассмотрению неевклидова пространства, обладающего определенными свойствами. Через геометрические характеристики этого пространства выражаются физические свойства Мира как целого.

Наиболее широко используется в настоящее время в исследованиях по космологии модель расширяющейся Вселенной Фридмана. В этой модели существует особая точка — "Большой взрыв". Эта точка соответствует моменту времени $t=0$. При значениях $t < 0$ (в рамках этой модели) пространства не существует.

В работе (5) Андрей Дмитриевич выдвигает идею космологических моделей, для которых тоже существует особая точка при

$t = 0$, аналогичная "Большому взрыву", но в отличие от модели Фридмана возможно определить физические величины и для значений $t < 0$. Такие модели А.Д. Сахаров назвал космологическими моделями с поворотом стрелы времени.

Основная идея моделей с поворотом стрелы времени связана с разрешением "Глобального парадокса обратимости", сформулированного в прошлом веке. Этот парадокс состоит в том, что все динамические законы физики инвариантны относительно изменения направления времени (замена $t \rightarrow -t$), тогда как уравнения статистической физики такой инвариантностью не обладают. Необратимость законов статистической физики составляет существо второго начала термодинамики, утверждающего рост энтропии со временем. В космологических моделях с поворотом стрелы времени удастся снять "Глобальный парадокс обратимости" и так сформулировать законы динамики и статистической физики, чтобы они были инвариантны при изменении направления времени. (Заметим, что это было бы совершенно невозможно в модели Фридмана, поскольку в рамках этой модели имеет смысл говорить только о значениях времени $t > 0$.) Тем самым закон обратимости выступает в качестве фундаментального закона Природы. В действительности этот закон необходимо несколько усложнить: одновременно с изменением направления времени (Т-преобразование) нужно произвести зеркальное отражение пространства (Р-преобразование) и замену всех частиц на античастицы (С-преобразование). В результате формулируется закон ТРС инвариантности как фундаментальный закон природы.

Из ТРС-инвариантности вытекает, что в момент "Большого взрыва" ($t = 0$) мир был нейтрален относительно всех сохраняющихся зарядов. Тем самым весьма остро ставится проблема объяснения барионной асимметрии Вселенной.

Чрезвычайно интересную идею о топологической природе зарядов высказал А.Д. Сахаров в работе (6). Согласно этой идее, материя состоит из "элементарных зарядов", которые представляют собой довольно хитрые топологические пространственно-временные структуры. При этом ТРС-инвариантность связывает топологию Мира при $t > 0$ и $t < 0$. Эти новые и весьма радикальные идеи, к сожалению, еще недостаточно разработаны. Если развитие этих идей будет успешным, то в какой-то мере реализуется мечта Эйнштейна о сведении физики к геометрии (правда, довольно хитрой!).

4. *Идея нулевого лагранжиана.* В работах (7,8,9) Андрей Дмитриевич развивает идею нулевого лагранжиана, согласно которой функция действия физических полей возникает в результате взаимодействия этих полей с физическим вакуумом. Вакуум здесь трактуется не как "пустое пространство", а как некая универсальная физическая система. При отсутствии внешних полей вакуум находится в основном состоянии. Внешнее поле вызывает поляризацию вакуума, в результате которой величина действия вакуума изменяется. Это изменение можно считать действием данного физического поля. Исходя из некоторых общих принципов, развивается метод вычисления эффективного действия различных физических полей, таких как гравитационные, электромагнитное или электронно-позитронные поля. Помимо общего принципиального подхода эти работы интересны тем, что в них развивается новый метод вычисления квантово-полевых эффектов.

В работе (9) рассматривается вопрос об обобщении Эйнштейновской теории гравитации путем введения в теорию некоторого скалярного поля. (Различные варианты такой скалярно-тензорной теории гравитации неоднократно обсуждались в литературе.) Введение в теорию нового поля, вообще говоря, нарушает основной принцип, лежащий в основе теории Эйнштейна, -- принцип эквивалентности инертной и гравитационной масс. А.Д. Сахаров показывает, что если выводить скалярно-тензорную теорию гравитации из принципа нулевого лагранжиана, то возникает специальный вариант теории, в котором принцип эквивалентности не нарушается, и тем самым новое скалярное поле становится принципиально не наблюдаемым. Полученная таким образом теория оказывается физически эквивалентной теории Эйнштейна.

5. *Проблема масс элементарных частиц.* Масса элементарных частиц является одним из немногих фундаментальных свойств таких частиц, и поэтому установление закономерностей, описывающих массы частиц, -- это одна из основных проблем теории. Правда, нужно сказать, что само понятие элементарных частиц, то есть таких частиц, из которых "строится" вся материя, оказалось весьма обманчивым. Как только какой-либо тип частиц, которые можно было бы считать элементарными, начинали пристально изучать, очень быстро число таких "элементарных" частиц обнаруживало тенденцию к увеличению -- ученые открыва-

ли много новых "элементарных" частиц. Так было с атомами. Затем после открытия протона и нейтрона эти частицы были признаны элементарными, и была построена картина атомных ядер, состоящих из различного числа протонов и нейтронов. Однако с развитием экспериментальной техники были открыты многочисленные представители барионного семейства частиц (к которому принадлежат протон и нейтрон), а также множество частиц с барионным зарядом равным нулю -- мезонов. Сейчас всех этих частиц известно несколько сотен, и если для них и сохраняется название "элементарных", то все понимают, насколько оно является условным. Для того, чтобы навести порядок в "хозяйстве" элементарных частиц, были выдвинуты различные гипотезы. Одной из самых успешных гипотез (она жива и в настоящее время) было предположение, что все эти частицы состоят из еще более элементарных частиц -- кварков. Первоначально было предположено существование трех сортов кварков (что вполне соответствовало Д. Джойсу). Предполагалось, что все барионы состоят из трех кварков, а мезоны -- из кварка и антикварка. Ваяруя различные комбинации из трех сортов кварков, удалось привести в систему известные в то время "элементарные" частицы. Правда, довольно скоро трех сортов кварков оказалось мало для объяснения свойств новых частиц. Пришлось предположить существование сначала четвертого, а затем и пятого кварка. К этому набору (из чисто теоретических соображений) был добавлен еще и шестой кварк. Сейчас физики надеются, что таким набором можно будет обойтись.

В цикле работ (10,11,12,13) А.Д. Сахаров, исходя из кварковой гипотезы, строит формулы, описывающие массы наблюдаемых частиц. Эти формулы не вытекают из первых принципов Науки, а скорее носят полуэмпирический характер. Но замечательно то, что из весьма простых физических соображений, привлекая минимум информации о кварках и вводя минимальное число неизвестных (подгоночных) параметров, удается получить массовые формулы, дающие хорошее согласие с очень большим числом опытных данных.

Андрей Дмитриевич уточняет и совершенствует массовые формулы, приводя их в соответствие с уровнем быстро развивающейся физики частиц. Когда были открыты новые, "очарованные" частицы, для объяснения которых потребовалось предположить существование четвертого ("очарованного") кварка,

Андрей Дмитриевич учел этот кварк в своих массовых формулах (11). При этом удалось не только хорошо объяснить значения масс вновь открытых частиц, но и предсказать с хорошей точностью массы еще не известных частиц, которые тоже были вскоре обнаружены на опыте. Следующие уточнения формулы (12,13) были стимулированы прогрессом теории (квантовая хромодинамика). Андрей Дмитриевич придал своим массовым формулам более простой вид, уменьшив число параметров. Согласие с опытом оказалось вполне хорошим.

6. Я считаю, что в работах Андрея Дмитриевича Сахарова высказаны замечательные по глубине и оригинальности идеи. Лишь небольшая их часть получила некоторое развитие (это в основном касается проблемы барионной асимметрии).

Я уверен, что развитие этих идей будет крайне важным для Науки. Надеюсь, что это произойдет в достаточно близком будущем.

РАБОТЫ А.Д. САХАРОВА ПО ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ

1. Нарушение СР-инвариантности, С-асимметрия и барионная асимметрия Вселенной.
Письма в ЖЭТФ 5, 32 (1967).
2. Кварк-мюонные токи и нарушение СР-инвариантности.
Письма в ЖЭТФ 5, 36 (1967).
3. Антикварки во Вселенной.
Проблемы теоретической физики. (Сборник, посвященный Н.Н. Боголюбову в связи с его шестидесятилетием.) "Наука", 1969, стр. 35.
4. Барионная асимметрия Вселенной.
ЖЭТФ 76, 1172 (1979).
5. Космологическая модель Вселенной с поворотом стрелы времени.
ЖЭТФ 79, 698 (1980).
6. Топологическая структура элементарных зарядов и СРТ-симметрия.
Проблемы теоретической физики. (Сборник памяти И.Е. Тамма.) "Наука", 1972, стр. 242.
7. Вакуумные квантовые флуктуации в искривленном пространстве и теория гравитации.
ДАН СССР 177, 70 (1967).

8. Спектральная плотность собственных значений волнового уравнения и поляризация вакуума.
ТМФ 23, 178 (1975).
9. О скалярно-тензорной теории гравитации.
Письма в ЖЭТФ 20, 189 (1974).
10. Кварковая структура и масса сильно взаимодействующих частиц. (Совместно с Я.Б. Зельдовичем.)
Ядерная физика, 4, 395 (1966).
11. Массовая формула для мезонов и барионов с учетом шарма.
Письма в ЖЭТФ 21, 554 (1975).
12. Массовая формула для мезонов и барионов.
ЖЭТФ 78, 2112 (1980).
13. Оценка постоянной взаимодействия кварков с глюонным полем.
ЖЭТФ 79, 350 (1980).

ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ ЗАДАЧИ УЧЕБНЫЕ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ РАБОТЫ

В разные годы А.Д. Сахаровым были решены некоторые частные физические и математические задачи. Приведем их краткое изложение в соответствии с авторефератом его научных работ.

Любительские задачи

1. Облачко разреженного газа с данным уравнением состояния находится в поле излучения в температурном равновесии с излучением, пробег излучения много больше размера облачка, температура излучения — функция времени. Найдено автомодельное решение разлета.

2. Струя вязкой жидкости вытекает из круглого отверстия и растягивается под действием силы тяжести. Найдена форма струи на расстоянии от отверстия много большем его радиуса. (Поверхностным натяжением и инерцией пренебрегаем.)

3. На плоской границе двух прозрачных сред находится поглощающий свет пигмент. В начальный момент на границу падает пучок света, ограниченный в виде кружочка. Найден закон возрастания температуры в центре кружочка.

4. Найдена сила электростатического притяжения двух выпуклых проводящих тел, минимальное расстояние между которыми много меньше радиусов кривизны, например, двух цилиндров, оси которых расположены под углом. Задана разность потенциалов между телами. Задача возникла в связи с аналогичной проблемой теории магнетизма. А.Д. Сахаров, работая на заводе во время войны, предложил простой способ определения толщины немагнитных покрытий пуль в геометрии, аналогичной той, для которой решена электростатическая задача.

5. При рубке капусты сечкой получают многоугольники с разным числом вершин и разного размера и формы. Найдено среднее число вершин и отношение квадрата среднего периметра многоугольника к его средней площади. (Примечание А.Д. Сахарова: "Задача возникла как результат того, что я рубил капусту, помогая жене делать пироги".)

6. Дано конечное множество точек на плоскости. Каждая точка соединяется прямой линией с каждой из остальных точек, используется данное число цветов. Сформулированы (и частично доказаны) две теоремы относительно возможности нахождения таких способов окраски соединяющих линий, при которых среди точек нет никакого подмножества из n -точек (n — заданное число), в котором все точки соединены линиями одного цвета.

7. В круглый сосуд, стоящий на столе, налита жидкость. На поверхность жидкости чернилами нанесено несколько пятен. Сосуд поворачивается рукою на некоторый угол. Доказано, что после остановки движения восстанавливается конфигурация пятен, повернутая на тот же самый угол.

8. Сформулированы два семейства теорем, относящихся к теории чисел. В частности: 1. Последовательность $(n! + 1)$ содержит бесконечное число простых чисел. 2. Последовательность $((n^2)! + 1)$ содержит конечное число простых чисел.

9. Построены быстро сходящийся алгоритм вычисления корней квадратных из всех целых и рациональных чисел и алгоритм вычисления членов ряда Фиббоначи.

10. Придуманы простые приближенные построения для задачи трисекции угла.

11. Предложен простой пример гидродинамического движения, приводящего к эффекту "магнито-гидродинамического динамо".

Учебные и научно-популярные работы

1. Совместно с М.И. Блудовым работал над подготовкой к новым изданиям учебника для техникумов по физике, написанного отцом А.Д. Сахарова — Д.И. Сахаровым при участии М.И. Блудова. В 1963 году вышло первое переработанное посмертное издание. В 1974 году должно было выйти новое переработанное издание, однако разрешение на издание было отменено после газетной кампании против А.Д. Сахарова в 1974 году.

2. Подготавливал к переизданиям составленный Д.И. Сахаровым "Задачник по физике" (последнее издание 1973 года).

3. Статья в сборнике "Будущее науки" под редакцией В.А. Кириллина, 1967 год. Сборник в продажу не поступал. Ста-

тя содержит прогноз развития науки и техники. Некоторые мысли из статьи вошли в работу "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе".

4. Статья в сборнике "Будущее науки", изд. "Знание", 1967 год: "Симметрия Вселенной".

5. Статья в журнале "Физика в школе", 1969 год: "Существует ли элементарная длина?". Попытка популярно рассказать о некоторых идеях локальной и нелокальной теории поля.

4-

1. "Государственный завод" (НКТФ, 1947, Редизонизация и изобретения)
Государственный завод, который был создан в процессе организации

2. Взаимодействие ионов и молекул в процессе образования

3. Космологическая гипотеза (Ф. А. 1947) "Теория эволюции Вселенной" $\alpha \rightarrow \alpha''$

4. Тэорыя μ -аўтаматаў

1) Прислать ФИАН 1948

1) Издатель ФИАИ 1948
2) АКТФ, 1957, совместно с Л.Б. Зензиной

5. Управління, упродовж 1950-1951 років, в 5204998

1) В августе 1950 - 51 г. в Прогноз Мех. Космо. 1958. Нас. оптика. ...

6. Монашеская келья
1951-52 гг

4) Определение 1951-52 гг.

2) D.H. CCP, mon 195 (1), 65, 1965

2) Д.А.Н СССР, пат. 185 (1), 65, 1965
Совместно с Р.З. Родасевичем, Ю.Н. Писаревым, А.И. Павловским,
Е.Н. Смирновым, Е.А. Писаревым, Чернышом, Хариничевым
Ю.А. Зыковичем.

УФН том 88, № 4, 725, август 1966

3) Обзор УФН, Том 88, № 4, 725; апрель 1966
Ученый Рязань

7. Любительские задачи

7 $\frac{1}{2}$ Последние задачи.

2) Третья, непосредственно на поверхности сосуда, восстанавливается, свое расхождение. При повреждении сосуда - Третья, непосредственно на поверхности сосуда - и др. единицами -

3) Пример Простой пример макрото- и микродинами-
ческого динам.

д. Космологические работы.

8. Космологические работы.
1) Начальная стадия расширения Вселенной
и возникновения космологических возмущений
визуализация ЭКЗТФ 47, 1(7), 345, 1965

2) Парушкин П. и другие, С-асим.

а. метры и барриотная асимметрия Вселенной
Письма в ЖЭТФ, 5, 32, (1967 год)

3) "Космологические модели с поворотом стрелы
времени" ЖЭТФ, ~~48~~ 79, 3(9), стр 689, (1980 год)

9 Теория поля и элементарные частицы

1) "Вакуумные квантовые флуктуации в искрив-
ленном пространстве-времени и теория гравитации"
Доклады Академии Наук, 177, 70, (1967)
^{Полемизация вакуума и}

2) Препринт ОИИ АН СССР (1967) — ^{Теория квантового гравита-}
ционного поля

3) "Спонтанная нарушение симметрии законов волнового
уравнения и полимеризация вакуума" Теоретическая
и математическая физика, 23, 2, 5, 178, (1975 год)

4) "Кварковая структура и массы сильно-взаимодей-
ствующих частиц". Избранные физика 4, 395 (1966 год)
^{совместно с Л.Б. Захаровым.}

5) "Массовая формула для мезонов и бариев с учетом
шарма" Письма в ЖЭТФ, 21, 9, (1975 год)

6) "Массовая формула для мезонов и бариев"
ЖЭТФ, 78; 6, 2112 (1980 год)

7) "Постоянная взаимодействия кварков с нейтральными
каонами" ЖЭТФ, 79, 2(8), 350 (1980 год)

10. Учебные и научные работы

1) Подготовка ^{совместно с М.И. Блудовым} к ^{новому изданию} учебника для
техникумов по физике В.И. Сахарова и М.И. Блудова,

2) Подготовка к переизданию "Задачник по физике"
Л.И. Векслера

11 Статьи в ^{физико-математическом} сборнике "будущее науки" под ред.
В.А. Кирпичникова.

А.Д. САХАРОВ И СУДЬБЫ БИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В СССР

Сейчас уже трудно вспомнить, когда я впервые услышал об А.Д. Сахарове.

Кажется, мне рассказал о нем в середине пятидесятых годов один мой приятель. И уже в этом, первом услышанном мною рассказе неподдельное уважение соседствовало с какой-то загадочностью личности Сахарова. Приятель присутствовал на важном и весьма представительном совещании физиков, где были ведущие ученые страны, много академиков, членов-корреспондентов, докторов наук. И вдруг в зал вошел худощавый молодой человек. Стоило ему появиться в проходе между рядами, как весь зал, все эти убежденные седины киты физического мира встали и, повернувшись к проходу, аплодисментами проводили молодого человека на его место — в президиум.¹

”Это был Сахаров”, — с некоторым придыханием в голосе сказал мне приятель, который, по-моему, был в те годы лишен чувства пиетета к авторитетам и был склонен скорее к нигилизму, чем к преувеличению чужих заслуг. Я так и не добился тогда от него вразумительного объяснения, за что же конкретно так зауважали молодого Сахарова его коллеги. Мы часто слышали в те годы имена И.Е. Тамма, Л.Д. Ландау, П.Л. Капицы и Г.С. Ландсберга, М.А. Леонтовича и В.А. Фока. Учебники и книги этих людей были в продаже, их имена неизменно упоминались по радио, в газетах. Можно было иногда увидеть в журналах фотографии сутуловатого Ландау или коренастого Тамма со слегка склоненной набок головой. Но о самом молодом академике, Сахарове, печать хранила полное молчание, даже сфера его научных интересов была скрыта от глаз и ушей.

Потом для меня настало время, когда я перешел из Тимирязевской сельскохозяйственной академии, где проучился три с

¹ Этот эпизод, по-видимому, относится к мифам, которые складывались вокруг молодого ученого. По свидетельству А.Д. Сахарова, он никогда не сидел в президиуме. —*Ред.*

половиной года, на первый курс физического факультета Московского университета им. М. Ломоносова. Там в 1957 году открылась кафедра биофизики, и мы с приятелем с радостью ухватились за предложение попробовать переквалифицироваться в специалистов, которых ранее у нас никто специально не готовил. Но и здесь, на физфаке, имя Сахарова не упоминалось, его работы студентам не преподносились.

И, пожалуй, впервые имя А.Д. Сахарова стало общеупотребительным среди биологов, а не физиков.

Это время -- 1957-1964 годы -- было годами ожесточенной борьбы с Лысенко и другими представителями мичуринской биологии, отбросившими нашу науку на десятилетия назад, разрушившими некогда славные традиции русских генетиков, внесших крупный вклад в мировую науку.

С момента воцарения Т. Лысенко как единственного и непрекаемого лидера в советской биологии всякая серьезная экспериментальная и теоретическая работа в области генетики прекратилась. Был нанесен серьезный ущерб, а с годами все возрастающий урон сельскому хозяйству. Банда лысенкоистов рвалась к тому, чтобы захватить все посты в научной и околонаучной жизни. Эта раковая опухоль разрасталась, метастазируя то в одно, то в другое место огромного тела биологических дисциплин.

Лысенко нацело отрицал значение генов как материальных хранителей наследственной информации, считая, что "всякая крупинка живого обладает наследственностью". Поэтому он голословно утверждал, что никаких специфических мутагенов, то есть веществ, избирательно поражающих наследственные структуры, нет и быть не может, что организмы изменяются целиком, параллельно с изменением внешней среды, и что любые приобретенные изменения тела наследуются. Вполне естественно, что, отрицая наследственные структуры и факторы, действующие на них, Лысенко препятствовал экспериментальному изучению этих проблем, заменяя генетику чистым знахарством.

Как это ни парадоксально, "лечение" советской биологии началось извне, со стороны, которая оказалась неподвластной Лысенко. Возрождению генетики, а затем и многих других биологических дисциплин помогли физики.

С развитием ядерной физики, с началом испытаний атомного и ядерного оружия стала вырисовываться страшная особен-

ность -- повреждение наследственных структур (генов) за счет облучения живых организмов. Первые физики-атомщики, не знавшие ничего об этом, пали жертвой демона, разбуженного их собственным умом. От лучевой болезни медленно (но неуклонно!) погибали все, кто соприкасался с расщепляющимися веществами. Мучительная смерть первых ядерщиков² была платой за незнание законов порчи наследственных структур излучением. Но, поняв первые закономерности влияния облучения на хромосомы, генетики вкупе с физиками начали срочную работу по доскональному изучению этих закономерностей. Радиационная генетика -- совместное детище биологов и физиков -- стала развиваться бешеными темпами. Срочного изучения генетических законов требовала сама жизнь.

И вот тут-то физики в СССР оказались той силой, которая помогла возродить эти исследования вопреки лысенковскому табу. В Институте биофизики Академии наук СССР была создана лаборатория радиационной генетики, в Институте атомной энергии по инициативе И.Е. Тамма, поддержанного И.В. Курчатовым, был организован радиобиологический отдел, соответствующие лаборатории возникли в ряде других физических институтов. Огромное значение имела организация научных семинаров, на которых рассматривалась биологическая проблематика, -- и прежде всего теорсеминар И.Е. Тамма в Физическом институте им. Лебедева АН СССР.

На этом этапе Андрей Дмитриевич включился в общую работу физиков по зарождению исследований в области радиационной генетики, а затем убежденно, со специфически сахаровской обстоятельностью, начал борьбу с Лысенко.

Многое из истории этой борьбы сегодня утеряно, многие важные вехи на пути к возрождению генетики в СССР остались неотмеченными, многое попросту делалось так, чтобы следов не оставалось. Нет стенограмм ряда важных выступлений, все меньше остается людей, лично участвовавших в борьбе с монополизмом в биологии в СССР. Тем важнее было бы сегодня же, не откладывая на завтра, начать собирать материалы и воспоминания, которые еще могут возродить историю этих, уже относительно далеких дней.

² Жертвами повышенной радиации стали в первые десятилетия XX века многие врачи -- рентгенологи и радиологи. Поэтому физики оказались более подготовленными к работе с большими дозами радиации. -- *Ред.*

Но тем не менее забыто далеко не все. В 1959 году в Атомиздате был выпущен маленький сборник "Советские ученые об опасности испытаний ядерного оружия" с предисловием И.В. Курчатова. Центральной статьей сборника стала статья А.Д. Сахарова "Радиоактивный углерод ядерных взрывов и непороговые биологические эффекты" (стр. 36-44). Вопросы, поставленные в этой статье, имели принципиальное значение.

Повреждение генов при сильном облучении (в том числе и в районах взрывов ядерных устройств) для большинства ученых было очевидным. Но вот вопрос о тех вроде бы ничтожных следах расщепляющихся веществ, которые разносились по атмосфере и гидросфере Земли и которые лишь незначительно повышали фон радиации, оставался не просто открытым -- многие ядерщики просто-напросто отрицали вредное влияние этих излучений. Известный физик Э. Теллер -- отец американской водородной бомбы -- даже цинично заявлял, что вред от испытаний "эквивалентен выкуриванию одной папиросы два раза в месяц" (стр. 124 книги Э. Теллера и А. Лэттера).

Андрей Дмитриевич решил тщательно проанализировать этот вопрос. Его исследование требовало ясного осознания различных сторон воздействия излучений на живую материю -- как на организмы в целом, так и на их наследственные структуры. Этот анализ камня на камне не оставил от легковесных выкладок Теллера и его последователей. Только учет нейтронного излучения с образованием радиоактивного длительно живущего изотопа углерода C^{14} дал совершенное ясное доказательство сильного повреждающего действия на наследственные структуры "остаточной радиации" и излучения в момент взрывов. Андрей Дмитриевич впервые дал строгий математический расчет нарушения наследственного аппарата клеток от нейтронного воздействия, рассмотрел разнообразные последствия от облучения. В краткой, почти тезисной форме он показал роль мутаций в появлении наследственных болезней, возможность увеличения раковых заболеваний и лейкозий от облучения, снижение иммунологической реактивности организмов, вред, наносимый человеку за счет увеличения изменчивости микробов и вирусов и связанной с этим периодически возникающей пандемии (вспышки) новых форм болезнетворных вирусов и бактерий. Именно эта широта рассмотрения биологических закономерностей в сочетании со строгим математическим расчетом доз и физиче-

ским анализом процесса повреждения генов при учете роста популяции людей на земле была уникальной и важнейшей частью работы Сахарова.

В то время еще не было открыто свойство живых клеток устранять часть поражений, восстанавливая, насколько можно, первичную генную структуру, способности "самоизлечиваться" или, как говорят биологи, репарировать свои гены, поэтому Андрей Дмитриевич не мог внести в свои расчеты поправки на репарацию, но и сегодня, с учетом этих коэффициентов, его расчеты полностью сохраняют силу.

Итак, ценность этого исследования А.Д. Сахарова заключалась в том, что он впервые строго объединил данные чисто физического излучения с разнообразными биологическими данными. Этот синтез привел к безупречно доказанному выводу о вреде испытаний ядерного оружия, того оружия, которое в значительной мере было его же собственным детищем.

Поднять руку на свое же изобретение, повести борьбу за его запрещение -- это и был гуманизм на деле. Это была высокоморальная позиция истинно честного ученого, едва ли не самого преуспевающего среди советской научной элиты, трижды Героя Социалистического Труда Андрея Дмитриевича Сахарова.

Полемизируя с теми, кто, подобно Э. Теллеру и А. Лэттеру, считал, что "мутации (наследственные болезни) следует приветствовать как необходимую жертву биологическому прогрессу человеческого рода", Андрей Дмитриевич, выражая озабоченность будущим Земли, уже тогда, в противовес некоторым его коллегам, заявлял:

Неконтролируемые мутации мы склонны рассматривать как зло, как дополнительную к другим причинам гибель десятков и сотен тысяч людей в результате экспериментов с ядерным оружием...

Один из аргументов сторонников "безобидности" испытаний заключается в том, что космические лучи приводят к большим дозам облучения, чем дозы от испытаний. Но этот аргумент не отменяет того факта, что к уже имеющимся в мире страданиям и гибели людей дополнительно добавляются страдания и гибель сотен тысяч жертв, в том числе и в нейтральных странах, а также в будущих поколениях. Две мировые войны тоже добавили менее

10% к смертности в XX веке, но это не делает войны нормальным явлением.

Другой распространенный в литературе ряда стран аргумент сводится к тому, что прогресс цивилизации и развитие новой техники и во многих других случаях приводит к человеческим жертвам. Часто приводят пример с жертвами автомобилизма. Но аналогия здесь не точна и не правомерна. Автотранспорт улучшает условия жизни людей, а к несчастьям приводит лишь в отдельных случаях в результате небрежности конкретных людей, несущих за это уголовную ответственность. Несчастья же, вызываемые испытаниями, есть неизбежное следствие каждого взрыва. По мнению автора, единственная специфика в моральном аспекте данной проблемы -- это полная безнаказанность преступления, поскольку в каждом конкретном случае гибели человека нельзя доказать, что причина лежит в радиации, а также в силу полной беззащитности потомков по отношению к нашим действиям.

Разобравшись в существе влияния излучений на наследственность, Андрей Дмитриевич смог отчетливо уяснить себе и вред лысенкоизма, препятствующего изучению генетических закономерностей. А уяснив это, он смело включился в борьбу с лысенкоизмом и лысенкоистами. Особенно это проявилось на выборах ближайших к Лысенко людей -- Н.И. Нуждина и Г.В. Никольского³ в академики АН СССР. Лысенко всеми силами стремился добиться их прохождения в академики, применяя все дозволенные и недозволенные приемы. Выборы проходили тайно и двухступенчато. Сначала кандидаты баллотировались по специализированным отделениям Академии -- физики в физических отделениях, химики -- в химических, биологи -- в биологических. В отделении биологии Лысенко, используя "машину голосования", то есть насажденное им в течение десятилетий послушное большинство, довольно легко добился своего: его кандидаты были рекомендованы, и теперь уже общему собранию всех академиков оставалось лишь автоматически утвердить (также тайным голосованием) прошедших через первое сито кандидатов.

³ А.Д. Сахаров выступал только один раз и только против Нуждина. -- *Ред.*

Как правило, камнем преткновения на выборах было голосование в отделении. Кто же лучше мог знать истинную цену ученого, как не его коллеги?

Но здесь получилось иначе. Мера ответственности за чистоту имени "действительный член Академии наук СССР" пала на плечи тех, кто имел на это большее моральное право.

И.Е. Тамм и А.Д. Сахаров включились в общую дискуссию на заседании Академии наук и сумели аргументированно и строго показать духовную и научную нищету лысенкоистов и убедить других членов Академии, что оба лысенковских кандидата не могут удовлетворять высоким критериям звания академика. Общее собрание забаллотировало и Нуждина, и Никольского.

В то время в биологических кругах Тамм и Сахаров стали легендарными фигурами. Они хорошо дополняли друг друга. Тамм тщательно готовился к своим выступлениям, обсуждая с рядом биологов важные моменты в характеристике лысенкоистов. Его страстная речь об антинаучности лысенкоистов дополнялась спокойными, но полными юмора высказываниями Сахарова.

Но на следующих выборах диктат стал более жестким. Н.Хрущев, покровительствовавший Лысенко, строго предупредил тогдашнего президента АН СССР М.В. Келдыша, что если Нуждин снова не будет выбран академиком, то он, Хрущев, отдаст распоряжение разогнать Академию наук.

Вопрос о Нуждине разбирался на заседании Политбюро ЦК партии, Нуждину было выделено специальное место (не надо забывать, что в СССР избрание в академики влечет за собой могучую финансовую поддержку в виде ежемесячного гонорара, права бесплатного пользования машиной, санаториями и т.д.), и Хрущев считал, что уж если ЦК утвердил кандидата, то Академия обязана этого кандидата избрать.

В этих условиях нужно было иметь известное мужество, чтобы выступить против личного протекции партийного вождя. Да и над всей Академией нависла реальная угроза.

Несмотря ни на что, Сахаров не поступился своими убеждениями. Нуждин после нескольких выступлений истинных ученых, и в том числе Сахарова, был провален. А разгром Академии наук был предотвращен лишь благодаря тому, что сразу после злополучной сессии Хрущев был смещен со своего поста, а вслед за ним потерпел личное крушение и сам Лысенко.

Трудно сказать, к какому результату привела бы соглашательская политика в этой истории и на сколько лет затормозилось бы дело подъема биологических наук в СССР после тридцатилетнего засилия в ней лысенкоистов.

Мне думается, что эта борьба Андрея Дмитриевича за интересы науки оказалась принципиально важной и для него самого. Благодаря этой борьбе в нем открылось нечто такое, что выделило его из среды многих коллег: способность к общественной деятельности, отсутствие страха перед давлением любого рода, принципиальность во всем. В годы, когда он выступил на общественном поприще в качестве оппонента лысенкоизму, он еще не проявил себя борцом за идеалы гуманизма, что принесло ему мировое признание. Это была, возможно, первая проба сил, но проба, четко продемонстрировавшая силу этого удивительного человека.

Заканчивая, я хотел бы рассказать об одной из своих встреч с Игорем Евгеньевичем Таммом, оказавшим мне в жизни огромную, неоценимую помощь тем, что привлек меня к работе в области биофизики в 1957 году. Начиная с этого времени, я частенько встречался с ним дома, обсуждая новости биологии. Однажды вечером, когда мы пошли перед сном прогуляться по набережной у дома Игоря Евгеньевича, он вдруг рассказал мне об одной своей ошибке. У Тамма была присущая только ему манера говорить. Слова из него летели быстро, как будто пулеметными очередями. Это была образная, яркая речь одного из выдающихся мыслителей современности, и его рассказы запали в душу навсегда. Вот так же запомнился и этот рассказ.

”Знаете, — начал он, — я довольно редко ошибался в людях, особенно в начинающих студентах. Когда я преподавал, через мои руки прошло немало талантливых ребят, и их можно было усмотреть довольно быстро. Но однажды Дау⁴ привел мне студента, кажется, третьего курса, Сахарова, предлагая мне заниматься с ним индивидуально.⁵ Мы сели поговорить и проговорили долго. ”Знаете, молодой человек, — сказал я тогда Сахарову, — из Вас вряд ли выйдет настоящий физик. У Вас какой-то

⁴ Так ласкательно звали между собой академика Л.Д. Ландау его коллеги и друзья. — *Примечание автора.*

⁵ А. Сахаров впервые встретился с И. Таммом в 1945 г., то есть после университета и работы на заводе, а с Ландау познакомился много позже. — *Ред.*

гуманитарный склад ума”. Но прошло три года — и я делал с Сахаровым водородную бомбу. Вот как я ошибся”, — заключил Тамм.

Тамм был убежден, что он тогда ошибся, но, как видим, даже в этом вопросе великий Тамм оказался на высоте. Несомненно, Сахаров стал выдающимся физиком, но время подтвердило и то, насколько прав был в первоначальной оценке внутренней природы Андрея Дмитриевича один из его учителей — И.Е. Тамм. Талант Сахарова оказался неоднозначным — он стал выдающимся физиком-теоретиком и одновременно с этим крупнейшим гуманистом нашего времени.

Андрей Дмитриевич Сахаров 5 декабря 1976 года
на демонстрации у памятника Пушкину

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ САХАРОВ...

Это не только глубокий ум ученого, это не только чуткая совесть гражданина, это не только мужество борца за справедливость. Это — большое доброе сердце, отзывчивое на чужую боль. Это стремление помочь не только людям, но и каждому отдельному человеку, попавшему в беду.

Недавно на обыске у меня дома изъяли целую грудку писем, адресованных Андрею Дмитриевичу Сахарову, и копий ответов на эти письма. Писали интеллигенты и рабочие, крестьяне и пенсионеры, писали старики, юноши, девушки и даже дети. Писали порой по фантастическим адресам: Москва, защитнику прав А.Д. Сахарову; Москва, Комитет защиты прав человека и т.д. И письма тогда еще доходили. Письма шли со всех концов страны, из больших городов и маленьких деревень. И каждый листок — как последний крик отчаявшегося человека о помощи, о защите. Несправедливо осудили, и никто не хочет разобраться в деле — отвечают отписками. Отказывают больному старику в пенсии. Незаконно отобрали дом, выстроенный на сбережения целой семьи. Не помещают в больницу. Не предоставляют жилья. И сотни других вопросов. Автор письма перечисляет десятки официальных ответов — формальных отписок на десятки поданных в советские инстанции жалоб. И каждый просит: "Помогите добиться правды, справедливости". Андрей Дмитриевич находил время и силы читать все и всем отвечать. По многим письмам он от своего имени обращался в Прокуратуру, в Министерство социального обеспечения и в Министерство здравоохранения, в райисполкомы и т.д. Увы, как правило, он не получал ответов из "инстанций". Зато как искренне благодарили его в повторных письмах люди, получившие от него советы, разъяснения и просто сочувствие, человеческие отклики.

Незаконная ссылка Андрея Дмитриевича пресекла поток писем. Наверное, люди еще пишут. Но письма уже не доставляются адресату. И вот эта переписка — изъята КГБ как "крамольная", "преступная". И будут лежать письма, полные человеческой боли, и ответы, полные душевного сочувствия, пока их не сожгут

”как не имеющие ценности”. И вряд ли кто-либо теперь прочтет эту переписку. А жаль! Не только материал для интересных социологических исследований дает эта переписка. Много практических выводов на модную сейчас тему ” Жалобы и письма трудящихся” можно извлечь из этой переписки.

Изолированный от друзей, лишенный всякой возможности общаться с людьми, подвергающийся моральному (а порой и физическому!) насилию со стороны властей, Андрей Дмитриевич был, есть и будет правозащитником в самом высоком смысле этого слова.

В день 60-летия мне хочется сказать Андрею Дмитриевичу: ”Вы очень нужны нам, Вашим друзьям, Вы очень нужны нашему больному обществу!”.

Как-то к нам попало письмо, совершенно необычное по своему содержанию и исполнению. Оно было таким простым и так наполнено было бедой и каким-то одиноким отчаянием, что невольно вошло в память со всей орфографией, все, как есть.

Я сознательно не привожу адрес человека, написавшего его, чтобы как-то не повредить ему.

Письмо было адресовано А.Д. Сахарову. А в нем значилось:

г. Москва
В Министерство прав в Защиту
человека
от гражданина Гущина Ивана
Максимовича, 1915 года рож-
дения проживающего в деревне
Слобода ...

Заявление

Прошу вашей помощ рассмотреть мое заявление и помочь мне о ниже вказаном. Я гражданин Советцкого союза учасник Отечественной войны имею награды и прошу вашей помощи добиться как либо пенсии уже год прошол а я никак не могу стать на пенсию имею тяжелое раннение в грудную клетку ношу сейчас в себе осколки что и светит справка о ронении И вот мне не хватает стажа 2 года и заточь не могу стать на пенсию а почому что я после войны попал в заключение и пробыл я там 17 лет в чом прошу вас помочь мне и выслать разъяснение ниже стоящим органам и так же мне чтобы я мог как либо существовать на севонешний день потому что я работать физически не могу после ранений И вообще по старости И вот летнее время пасу коров не много зарабатую а зимнее время ничем не занимаюс. И притом вышел из заключения не имею ни кола и ни двора и за время войны потерял не токо здорове но потерял и семью и все скитаюсь сам собою как волк где придется и как придется Так моя жизнь и проходит.

Прошу в моей прозбе не отказать

3.7.76

проситель Гущин И.М.

Так и сейчас пастухом сижу на пенку и пишу.

То, что в мыслях, в сердце этого простого человека, пастуха живет сознание, что есть в нашей стране Правда, есть "Министерство прав в Защиту человека", и надежда, что оно поможет, — не награда ли это жизни?

Так значителен для всех нас Андрей Дмитриевич Сахаров, что невозможно пастуху деревни Слобода Ивану Максимовичу, прослышавшему об Андрее Дмитриевиче Сахарове как о великом заступнике людей, представить его иначе, как Министром Прав в Защиту человека.

Академик Сахаров сослан в Горький, против него ведется активная кампания всеми средствами официальной массовой пропаганды, но авторитет А.Д. Сахарова, уважение к нему не становятся меньше. Можно устрашить людей, можно заставить их замолчать, но обмануть — трудно. И люди все равно тянутся к Сахарову, узнают его адрес, спрашивают о нем, передают теплые слова. А самое удивительное, что, несмотря на государственную опалу, надеются на него.

Караул у дверей бессилен против Совести, Чести, Достоинства, которые в наши дни в нашей стране именуются Мужеством.

В людях обиженных, ищущих поддержки и помощи, живет образ сильного и могучего — это Сахаров.

В людях, отстаивающих свои права человека, живет образ мужественности — это Сахаров.

И выше этой премии, человеческой премии Доверия ничего не может быть.

В ЛЮБЛИНО

И вновь "открытые" суды,
Депо, железная дорога,
Судьба высокая от Бога
И крылья черные беды.

На горле сомкнуты клыки.
Час за год в муке ожидания.
Пред скучным двухэтажным зданием
Снуют жуками "воронки".

И вновь — за все моя вина.
Куется мужество любовью.
Но волк не захлебнется кровью —
Нас только горсточка одна

В пустых зрачках отражена
Назойливых как мух гэбистов.
Речь иноземных журналистов
Порхающе отстранена.

Гремят разлуки поезда
И привкус крови в ломте хлеба.
Над всем пронзительное небо
Предвестьем Высшего Суда.

ЧЕЛОВЕК ИЗ БУДУЩЕГО

Человек будущего живет сегодня, здесь, вместе с нами. Не удивительно ли это? Но мы, в своей повседневности и заботах (тысячелетия "довлеет дневи забота его"), мы как бы и не замечаем, что это личность, не укладывающаяся в рамки своего времени.

Вопиющая дисгармония эпохи, стократно усиленная здесь, где мы живем и сейчас, когда горло стянуто удавкой репрессий и вооруженный кулак занесен над Польшей... Остро ощущаемое противоречие между необходимым и возможным — ощущаемое до степени задыхания без необходимого, до необходимости требовать невозможного, до невозможности, кажется, жить, не преодолев этого противоречия хотя бы мысленно, внутри себя, — до понимания невозможности разрешить это противоречие даже для себя иначе, чем собственным поступком...

Кто из тех, чья собственная судьба не ограничена житейским благополучием, кто и будучи благополучен — несчастлив несчастьями других, кто из мучающихся отсутствием свободы и справедливости, хотя бы в тех границах, в которых они уже существуют в других странах земли, — кто из готовых если не на поступок, то на мысль, свободную от ограничений страха и сознания невозможности необходимого, может, положи руку на сердце, сказать, что достиг тем самым внутреннего равновесия?

Я думаю, этого не скажет о себе и Андрей Дмитриевич, хотя не страх, конечно (разве что страх за близких), но сознание глубины разрыва между необходимым и возможным присуще ему в большей степени, чем другим. Потому что он видит наше сегодняшнее из будущего.

Это не то будущее, каким его представляли утописты разных времен, полагавшие, что знают, чего человеку не нужно, и из этого негативного знания выводившие нормативные утверждения того, что же ему нужно. Это не некогда обещанное нам отцами Октябрьской революции конечное "светлое будущее". Это будущее бесконечное, суть которого в самом себе, в своей способности каждодневно выходить за собственные пределы, отвергая

те формы несвободы человека и общества, которые создает человечество на своем пути. Недаром же любимая идея Андрея Дмитриевича — преодоление разобщенности человечества как решающее условие на пути к миру и свободе. Неделимость мира, как и неотделимость его сохранения от сохранения прав человека — это не просто кредо, проповедуемое А.Д. Сахаровым, это предмет его повседневной заботы, содержание его жизни.

Если целостность мира и целостность человека со всеми его потребностями и правами столь взаимозависимы, то как можно жить этим, зная, как говорит Андрей Дмитриевич, что "сделать, по-моему, почти ничего нельзя"? Что тот "факт, что мы выступаем, еще не означает, что мы на что-то надеемся"? Как можно постоянно обращаться к властям с различного рода конкретными предложениями (например, об отмене смертной казни или о политической амнистии) и даже целыми программами (например, программой решения афганской проблемы) и знать, что не встретишь ни ответа, ни понимания, ибо "у них другой образ мыслей"? Как понять, что, утверждая это, Андрей Дмитриевич при всех условиях (даже сейчас, в Горьком, сосланный, вернее — заключенный под домашним арестом без права свиданий и переписки, под постоянной угрозой самому физическому своему существованию) неуклонно продолжает выработанную им линию поведения, сохраняя то высокое состояние духа, которое просто невозможно без равновесия в самих его глубинах? Я нахожу один лишь ответ на это: то глубинное равновесие, без которого не могла бы состояться такая жизнь, какой он живет, дается ему видением будущего из свойственной ему — будущему — способности преодолевать настоящее.

Процесс преодоления разобщенности рода человеческого и отчуждения человека составляет суть истории человечества, но о реализации его — всегда частичной! — люди узнают лишь пост фактум, рассматривая свой вчерашний день в свете сегодняшнего. Андрей Дмитриевич Сахаров из тех, кому "завтра" дано как "сегодня".

Андрей Дмитриевич Сахаров не супермен. Конечно, он большой ученый, человек большой души... Но истинные масштабы его личности определяются прежде всего тем редчайшим совпадением потенциальных возможностей и их реализации, той редчайшей гармонией слова и дела, которые тоже дают нам право назвать его человеком будущего: актуально существующим по-

тенциальным человеком. И -- повторяю это еще раз -- не нормативно, не навсегда ставшего, а всегда и постоянно становящегося, преодолевающего себя, как настоящее -- будущим.

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я отношусь к той редкой категории людей, которые не любят, даже побаиваются знаменитостей. То ли робею перед ними, то ли боюсь показаться глупее, чем я есть на самом деле, или ляпнуть что-нибудь, из-за чего век потом будешь краснеть. Короче — избегаю их. И кусаю теперь локти, так и не познакомился — а ведь мог, мог же — ни с Борисом Пастернаком, ни с Анной Ахматовой (в первый и последний раз встретился с ней в Никольском соборе в Ленинграде, навеки успокоившейся). И к Михаилу Зощенко тоже не подошел, хотя и присутствовал в тот памятный вечер в Союзе писателей, на улице Воинова, когда он, волнуясь и запинаясь, читал свои рассказы ленинградским писателям, не менее его вслывавшимся — это было за год-полтора до его смерти.

Короче — не тянет меня к великим людям, боюсь я их.

Но когда, совершенно неожиданно (хотя и с предварительным, конечно, звонком из Москвы), за нашим обеденным столом в Киеве оказался застенчивый, немногословный и, главное, ни грамма не приемлющий академик (стол к этому, признаюсь, не привык), я сам себе не верил. К тому же несколько озадачен был, почему два крохотных кусочка с таким трудом раздобытой и с таким старанием приготовленной моей женой селедки непременно надо было разогревать.

”Андрей Дмитриевич не любит ничего холодного, — развела руками Люся, его жена. — Ученых без странностей не бывает... И кисель разогреть придется. И балкон прикрыть.”

Прикрыл, что поделаешь.

Да, у Андрея Дмитриевича много странностей. Не только селедка, кисель или полная растерянность у железнодорожной кассы, где книжечка Героя Социалистического Труда (трижды!) в момент решает все транспортные проблемы. Вероятно, есть десятка два или три других еще странностей, но есть одна, к которой никак не могут привыкнуть, просто понять люди, считающие себя руководителями нашей страны. Этот человек ничего не боится... Ничего! И никого!

Отвага, доблесть, бесстрашие, храбрость, героизм? Нет, все эти прекрасные, возвышенные понятия к Сахарову не применимы. Думаю, у него начисто атрофировано это чувство — чувство страха. Может, просто не думает об этом? И на другие дела, поважнее, не хватает времени. Лкди, люди, люди. Судьбы...

Я хотел бы, но не имею права причислить себя к числу ближайших друзей Сахарова — редко виделись и склада мы разного (мое обычное "без ста грамм не разберешься" ему, увы, чуждо), к тому же особым честолюбием или тщеславием я не отличаюсь, и все же... Я бесконечно горд (подчеркиваю эти два слова), что самый благородный, самый чистый, самый бесстрашный, добрый и, вероятно, самый ученый (в этом я, правда, не разбираюсь, в школьные годы у меня по физике был репетитор) человек относится ко мне с благосклонностью и даже прощает кое-какие грехи.

И еще горжусь тем, что только у меня, единственного на всем земном шаре, есть фотография Андрея Дмитриевича, сделанная лично мною в Москве, в больнице, фотография, которой нет ни в одном "Лайфе", ни в одном "Пари матче" или "Штерне". И не будет. Она есть только у меня. Стоит на книжной полке. Она посахаровски чуть смущенно улыбается мне. Когда я утром просыпаюсь, это первое, что я вижу. И мне становится как-то теплее... Потому что этого великого странного человека я не только люблю, но и не боюсь.

СМЕРТЬ ИВАНА ИВАНОВИЧА

И у меня был край родной:
Прекрасен он!
Там ель качалась надо мной:
Но то был сон!

А.Н. Плещеев

Иван Иванович был не просто ответственным работником -- *он был ответственным работником, нащупавшим мудрую линию поведения*. В чем же она заключалась? Сейчас поясню. Скажем, входит к нему в кабинет начальник подведомственного отдела и подает затребованную бумагу. Но Иван Иванович смотрит не на бумагу, как делают большинство руководителей, а на лицо вошедшего. И по выражению лица он сразу видит, чего тот ждет -- разноса или похвалы. Это самое ему и дается. Но преподносится это так, будто лишь глубокая осведомленность в существе дела позволила принять правильное решение. В результате, даже когда аудиенция оборачивается нагоняем, посетитель покидает кабинет с чувством уважения, а то и восхищения.

Овладев этими высшими тонкостями своей работы, Иван Иванович дослужился бы в конце концов и до совсем большого поста -- такого, о каком в молодые годы не мечтал и во сне. Следующий должностной уровень был уже тот, когда о вас упоминают в отчетах о приемах или встречах в аэропорту -- правда, не по фамилии, а во фразе "...и другие", но ведь на фотографии все равно видно, кто был среди этих "других". Да, вполне возможным и даже очень реальным было это повышение. О нем уже и наверху поговаривали, как доверительно сообщали Ивану Ивановичу его друзья. Но все повернулось иначе.

Он как-то не думал об этом, а годы шли себе и шли. А в последнее время вообще стали лететь. И вот, незаметно, потихоньку, он добрался до какого-то рубежа и почувствовал, что он уже не тот. Раздался первый звонок.

В чем он состоял? Если сказать совсем кратко -- в появлении *безразличия*. Настало безразличие ко всему -- к деньгам, еде, ку-

портам, туристическим поездкам за границу и даже к благополучию начальства. Оставались, пожалуй, только две вещи, которые все еще радовали, — спортивные передачи по телевидению, особенно футбол, и прогулки вдоль реки с собакой.

Физическое здоровье было у него все еще хорошим, даже завидным. Редко давало знать о себе сердце, не болели ни печень, ни почки, ни желудок. Сохранялась сила в мышцах и редкая для этого возраста выносливость. И сон был достаточно крепким, не тревожным. Но внутри что-то изменилось, стало неживым, холодным. Жизнь сделалась неинтересной, даже тягостной. Как-то вечером Иван Иванович поймал себя на дикой мысли: хорошо бы так сейчас заснуть, чтобы никогда больше не просыпаться...

А началось все с одной случайной встречи — между прочим, как раз во время прогулки с собакой. Старый рыбак, не спеша смоливший свою плоскодонку, рассказал Ивану Ивановичу о том, как два раза был в германском плену — в восемнадцатом и в сорок четвертом. Первый плен он вспоминал с удовольствием — жил тогда в батраках у богатого крестьянина, колбасы — ешь, не хочу, молоко пил вместо воды. Второй плен был ужасен. Спасся он лишь чудом: когда их перевозили из одного концлагеря в другой, попросил товарищей просунуть себя в маленькое окошко под потолком теплушки. Был он тогда страшно тощим, ребята поднажали, и он вывалился наружу. Дело было ночью, поезд шел полным ходом. Кое-какие кости, конечно, поломал, но жив остался. По ночам крался, днем прятался в лесу, в кустах. Когда добрался до Украины, скрывался у своих. Ну, и так далее — дело понятное. Иван Иванович и раньше слышал о подобных вещах.

Но на этот раз он воспринял все не как обычно и долго не мог забыть рассказа. Не то поразило его, что люди такое пережили, а что-то другое. Спокойная, добрая речь старика, в которой не было ни малейшей обиды и жалобы, никакого призыва к мести, заставила его по-новому взглянуть на народную жизнь и увидеть в ней такой пласт, которого он прежде не замечал. С этой поры он часто думал о нем и думал не умственно, не логически, а как бы сердцем, инстинктом. И этот пласт начинал казаться ему все более значительным и серьезным.

Это создавало в нем беспокойство. Всю жизнь он ставил на первое место партийные установки, и вдруг обнаруживалось, что есть что-то еще более значительное. Он спрашивал себя: "Но что же это такое?" И не мог найти вразумительного ответа. Он чув-

ствовал только, что это — какая-то подлинная, корневая, народная жизнь, в которой жестокость и доброта являются не противоборствующими разными началами, а двумя сторонами чего-то одного, более фундаментального, что смягчает жестокость, а доброте делает неизбежной. Эта — та жизнь, о которой говорят "не поле перейти" — нешуточная жизнь, всегда тяжелая, но которую невозможно раз и навсегда облегчить, потому что тогда она перестанет быть нешуточной. Это -- вроде песни, которую надо бы петь рыдая, а Ковалева поет ее лишь с протяжной задумчивостью:

На последний мой денечек
Я дарю тебе платочек.
На платочке — сини коймы,
Возьмешь в руки, меня вспомни...

Эта трудно уловимая, но очень важная реальность неожиданно появилась и в каких-то далеких его воспоминаниях, связанных с витебским дедом, с приезжавшей из Михнева тетей Марфой, с полуфантастической крестьянской избой, с русской печью, на которой набросаны тулупы и валенки. И хотя он не мог понять, где это видел и когда, оно порой становилось самым главным — будто, если бы этого не было, то не было бы и вообще ничего.

Где-то совсем близко от поля ясного сознания в нем жила теперь глухая тоска, которая давала о себе знать в самый неподходящий момент, и тогда возникали конфузы.

Один из подобных конфузов случился в жаркий июльский день, когда Иван Иванович с секретарем райкома, областным архитектором и двумя референтами по промышленности посетил совхоз, где планировалось построить маслозавод. Осмотрели площадку, сверили местность с чертежами, обсудили детали проекта, и на этом работа закончилась. А машины еще не было — шофера отпустили на три часа, а управились за два. В правлении — духота, мухи, поэтому вышли наружу, сели в палисадничке на скамейку. Вдруг Иван Иванович с вождением подумал о холодном молоке из погреба и решил пойти поискать избу с коровой. Около разрушенной церкви с шатровым верхом увидел колодец. Бабуся крутит ручку, вытаскивает ведро. Взялся ей помочь, донес воду до дому. Изба ее оказалась недалеко. Вошел за ней во двор, поставил ведра, попросил кружечку — водицы испить.

— Иди в горницу, отдохни, сейчас налью.

— А молока у вас тут нет нигде?

— Какое, милоч, молоко: на всю деревню одна корова.

Он вошел в просторную чистую избу с бревенчатыми стенами, и его взор прямо-таки притянула огромная, в метр высотой икона в широкой деревянной раме и под стеклом. Если он и видел нечто похожее, то разве в Третьяковской галерее или в Новгородском кремле. Богородица, изображенная во весь рост, в профиль, идущая быстрым шагом, так, что одежда на ней развевается. По византийскому лику и темным краскам видно, что икона — очень старого письма.

— Откуда у вас этот образ?

— А вот из той самой церкви, где мы воду брали. "Боголюбимая". И церковь называлась "Боголюбимая". Это — храмовая икона, она висела у входа. В тридцать шестом году церковь закрыли, я тогда ее и спрятала. А теперь, видишь, не стала бояться, повесила в горнице. Чай, нынче не тронут.

— Но ведь это большая ценность. Я думаю, музей купил бы ее с удовольствием. Вы не обращались?

— Как не купил бы! Только не продам я музею. Тут из Петровской церкви, действующей, священники приходили: дай, говорят, в наш храм, пусть люди молятся. Даже и деньги предлагали.

— Так почему же не отдали?

— Эх, сынок, нельзя из села отдавать — захиреет тогда село, расстроится. А может, и нашу церковь когда откроют, как же тогда без храмовой иконы? Пусть у нас будет.

Иван Иванович еще раз взглянул на икону. Идет себе Матерь Божья по нашей земле и благославляет ее... Да...

Поблагодарив хозяйку за гостеприимство, он вышел из дома. К правлению ближе было пройти задями. За калиткой заросли таволги, пустырника, медовый запах. Некошенная трава! Некому косить, да и незачем — нет коров. Бабуся говорит — захиреет село... О, Господи, да разве уже не захирело? Где все бывшее — крепкие хозяйства, покосы, кони в ночном, деревенские хороводы? Снова в его памяти всплыли дедушка с теткой Марфой, на сердце легла тяжесть. Ведь он — один из тех, кто яростно уничтожал все это. Агрогорода, блочное строительство на селе... Но не это гнетет душу, не надо притворяться, будто крестьян жалко. Жалко себя. Никогда не будет в моей жизни тихой речки с кувшинками и ряской, стука вальков на мостках, прелого запаха

сена. Прошло это мимо меня, и прошло безвозвратно. А был в моей жизни вечный сигаретный дым совещаний, были вечные интриги и подсиживания, неофициальные телефонные звонки сверху и наверх. И еще — псевдодемократический жаргон, на котором говорят друг с другом партийцы и который есть сплошное лицемерие, так как имеется масса интонаций и нюансов, сразу же указывающих посвященному точное место всякого в иерархии. Все вроде бы на "ты" и все запанибрата, но всякий сверчок знает свой шесток. В общем, вместо красоты и приволья были даны мне судьбой пошлость и кабала. Но все дело в том, что свою судьбу я выбрал сам.

Он подошел к ожидавшим его коллегам, и тут как раз и случилась неловкость. Румяный референт с толстыми влажными губами и рыжей кудрявой шевелюрой, желая, видимо, его порадовать, сказал с весельем в голосе: "Думаю, вы были последним гостем в этой избе. Как только начнется строительство маслобойни, так сразу же все это снесут". И он круговым движением руки обвел ту площадь, где все будет снесено. В этот круг попадала бывшая церковь, а в самом его центре, как показалось Ивану Ивановичу, находилась благославляющая нашу землю "Боголюбимая". И тут, ничего не ответив, он быстро отвернулся и стал изо всех сил кашлять, а потом пошел к забору, будто бы высматривать машину.

Конечно, его сослуживцы не были способны понять причину появившихся в его поведении странностей. Если бы он даже с полной откровенностью объяснил им, что на него неожиданно-негаданно навалилась неудовлетворенность прожитой жизнью, они только рассмеялись бы и ответили: "Ну хорошо, Ван Ваньч, пошутили, а теперь скажите правду, поведайте нам истинную причину". Ведь каждый из них отца родного бы продал, только бы достигнуть того, чего он достиг. Тем не менее все почувствовали, что с ним происходит что-то неладное, и разговоры о повышении как-то сами собой прекратились.

Кончилось это тем, чем должно было кончиться. Однажды его вызвали по каким-то выдуманым делам в центр, и когда с ними было улажено, перешли к главному. Партийный шеф — тот самый, который поддержал его последнее назначение, — закурил, дал и ему сигарету, похлопал его по колену и прочувственно произнес: "Устал ты, Ван Ваньч, ох, устал. Много, много сил отдал работе. И столько ведь ты сделал, что просто позавидуешь... А помнишь..."

И тут он начал говорить об их совместной работе в области, а затем и в центре, стал вспоминать случаи, когда Иван Иванович необычайно остроумно выходил из трудных ситуаций. Приподнятый тон, каким это говорилось, похожий на тот, который принят на поминках, подействовал на обоих, и они вместе прослезились. Но в глубине души Иван Иванович уже твердо знал, что все сделанное ими — чистая фикция, что все трудности, из которых он научился ловко выпутываться, возникали только от несоответствия между партийными установками и реальной жизнью, что все они крутились в искусственном, ими же созданном пространстве, и их усилия не только не оказывали пользы корневой народной жизни, но и постоянно наносили ей вред. Он знал, что если пласт настоящей жизни еще сохранился, то не *благодаря* этой их деятельности, а *вопреки* ей.

Ему дали отставку на максимально льготных условиях — с персональной пенсией союзного значения и с правом пожизненного пользования государственной дачей. И именно эта дача постепенно успокоила его и излечила от апатии. В первое лето на его участке росло все, что хотело, — и раскидистая недотрога с маленькими желтыми цветками, и громадный, в рост человека, дягиль, и золотистый донник. Но на следующий год он произвел основательную расчистку земли под полезные культуры. На два сезона он увлекся клубникой, и тогда варилось много варенья, которым угощали даже соседей. Но затем расчеты привели его к мысли, что более выгодным является разведение цветов, и он с головой окунулся в новое занятие. Пришлось читать специальную литературу, ездить к опытным людям за консультацией, но все это вознаграждалось с лихвой. Весной шли тюльпаны, в начале лета — пионы, затем гвоздики, а к осени расцветали георгины и хризантемы. Надо было все это продавать. И тут у него начал появляться вкус к денежной выручке. Сначала он отдавал все по оптовым ценам знакомой женщине, которая возила цветы на городские рынки, но со временем, преодолев смущение, сам стал за прилавок. Участие перекупщицы было слишком накладным, и допустить его он уже не мог. Он делался все более скупым и наконец стал подумывать об использовании каждого квадратного сантиметра участка. Некоторые из растущих на нем деревьев, которые давали особенно вредную для цветов тень, он систематически поливал кислотой и, когда они засохли, добился у лесничества разрешения их спилить.

К чему привела бы его эта новая фаза внутренней эволюции, осталось до конца невыясненным, ибо однажды среди бела дня его хватил инфаркт. В ожидании "Скорой помощи" родные уложили его на диване, засуетились, заохали. А последняя фраза, услышанная им, была такая: "Надо получить по дядиному пропуску продукты в спецраспределителе, пока там не знают, что он умер".

.....

Но эти слова никак не обидели его, не задели его душу. Он даже не понял их смысла. Он был уже далеко от того места, где содрогалось в агонии его тело.

.....

Он вышел из холодной тени лесной опушки на ярко освещенное косым утренним солнцем большое поле, поблескивающее тысячами еще не оттаявших после ночного мороза лужиц, и пошел к другому концу поля, но пошел не по прямой, а все время меняя направление, чтобы всей тяжестью наступить на самую середину ближайшей остекленевшей лужицы. И когда он делал это, от ее краев начинал бежать к центру звук как бы гавайской гитары, который быстро нарастал и заканчивался приятным хрустом, а нога его в этот момент проваливалась на несколько сантиметров вниз.

Что ждало его на другом конце поля, никому из нас знать не дано. Судьба его души -- великая тайна, которую здесь, на земле никто приоткрыть не может. А о судьбе его праха рассказала в своих стихах Инна Лиснянская:

А поодаль, за оградой, спят, разжавши кулаки,
Ряд за рядом, ряд за рядом, старые большевики.
И над ними -- ни осины, ни березы, ни ольхи, --
Лишь посмертные кручины да бессмертные грехи.
Да казенные надгробья, как сплоченные ряды..
Господи, Твои ль подобья дождались такой беды!

К Р У Г
(Поэма)

1

Над городом стеклянные туманы.
Окраина, застройка пустыря.
Пейзаж мне сон напоминает рваный —
Кусок пруда, осколок фонаря,
Отчетливее — башенные краны.
Здесь окна в сетках, видимо, не зря.
А в процедурной дух стоит дурманный,
Смесь валерьяны и нашатыря.
Там движет время часовая стрелка,
Как будто бы слепого поводыр, —
И в книжке записной трясется мелко
Густая телефонная цифирь.
Ах, мамочка, ищу твой номер дачный,
Он, как в Москве, такой же семизначный.

2

Как битое стекло, мерцает лед,
И жаль душе не то, что я отрину,
А то, чего душа не обретет.
Себе я перегрызла пуповину
Молочною десной, — случайный плод
Студентки, слепо верящей в доктрину,
Внушаемую нам. Но кто-то в спину
Меня толкает, на меня орет
За книжку записную санитарка.
Ее глаза, как два свечных огарка.
Лет через семь, как кончилась война,
Лечили здесь ее от алкоголя,
И не ушла на волю, — что ей воля? !
Там ей велят, а здесь велит она!

3

Опять в свои ударив барабаны,
 Судьба берет за шиворот меня,
 Сует мне мыло — день сегодня банный.
 Но ванна — это тоже западня,
 Немеет рот, язык, как деревянный,
 Едва воды касается ступня,
 Я ледяные вспоминаю ванны!
 В подвале, где молчала я три дня:
 "Ты видела, сознайся — одноклассник
 Соскреб с портрета бритвою усы
 В спортивном зале. Был ли соучастник?.." —
 Но я молчала, тикали часы
 За стенкой, и колечки перманента
 Разламывались в ванне из цемента.

4

Судьба меня за шиворот берет,
 Бросает в ночь сорок второго года.
 Перевернет мне душу этот год:
 Стоит брезентом крытая подвода
 У госпиталя, там, где черный ход,
 Грузу я трупы за мензурку меда,
 За черный с красным джемом бутерброд.
 Мне лед мертвецкой руки ест, как сода.
 Я — школьница, подросток, худоба,
 Впервые вижу я мужское тело,
 Но мертвое. Опричища-судьба,
 О как ты далеко вперед глядела, —
 Как эта смерть, что здесь, во льду, лежит,
 Передо мною обнажится быт.

5

Весь быт мой, умещенный в чемоданы,
 Он, право же, не стоит ни гроша:
 Подарок мужа — коврик домотканый,
 Шубейка, туфли цвета камьша,
 Тетрадь, кофейник, перстень пятигранный

И два из моря взятых голыща,—
И ни крупиночки небесной манны.
Не к ней ли продирается душа
Сквозь кожу барабана и сквозь платье,
Залитое непраздничным вином?!
Как хочется немного благодати,
Как хочется не помнить о былом!
И я средь ночи так беспечно плачу,
Как будто все еще переиначу.

6

Из-под кровати под кровать бредет
Квадратик солнца, сквозь тугую сетку
Струится предвесенний небосвод,
На всем сегодня оставляет метку,
Рябые соты на стену кладет,
Пятнистый зайчик влез на табуретку,
И луч, увидев сонную соседку,
Перекрестил ее раскрытый рот
И тут же подошел ко мне вплотную,
По лбу погладил, как сестру родную,
И это милосердное родство
Меня как будто вынесло из склепа.
А я-то думала, что солнце слепо
И дарит свет, не видя ничего.

7

Вокзалы... Общежития... Балаганы...
И вот больница — любопытный дом.
Пугающий, хотя и постоянный,
Вопрос: "Вы переносите с трудом
Несправедливость, ханжество, обманы?"
Я не спешу с ответом. Дело в том,
Что правдолюбье (им больны смутьяны) —
Шизофрении явственный симптом.
И я молчу, как там три дня молчала,
А врач глядит с улыбкой, без вражды.
Что ж, мне и от улыбки полегчало,
А он себе в стакан налил воды,—

Предвидел ли, участь психиатрии,
Что предстоят ему дела такие?

8

Где дни одеты задом наперед,
Там балаган, там в недрах зазеркальных
Все то, что именуется н а р о д.
В личинах шелушащихся и сальных
Он водит повседневный хоровод,
Не помня черт своих первоначальных,
Он за лицо личину выдает.
В подземных переходах привокзальных,
Как лед, мерцает неподвижный свет,
У выходов — теней собачьих свора,
Хохочут все личины мне вослед,
Поскольку я без маски: вот умора!
Сейчас за столб фонарный ухвачусь,
Я улицы переходить боюсь.

9

И вновь я там же, где была когда-то,
И мама, как тогда, придет сюда:
По-детски простодушна, франтовата,
Подчеркнуто седа, но молода,
И передаст от отчима и брата
Привет: "Ты можешь жить у нас всегда,
Хотя с людьми ты ладишь трудновато,
С пеленок и ранима и горда,
Но все еще, надеюсь, обмнется,
Боюсь я отрицательных эмоций,
Не обижайся, детка, я пошла".
Уйдет, а я вздохну: в трамвае давка,
Но вспомню: ждет ее машина главка
И ужин в доме чешского посла.

10

В железной сетке небо и палата,
А здесь простор, а здесь такой простор,
Что кажется — земля и та крылата,

Вот-вот перенесет через забор!
И поддевает снег моя лопата,
Как будто расчищаю я не двор,
А жизнь мою. Но корочку заката
Уже клюют вороны, и надзор
В тупом лице запойной санитарки
Нас в корпус загоняет: "Кончен бал!"
И отсверкал свободы призрак яркий,
Час трудотерапии отсверкал.
О призрак мой, о вымысел мой нищий,
Стал чище двор, да жизнь не стала чище.

11

Стучат часы за голою стеной,
Как стрелка, жизнь моя бежит, вращаясь
По замкнутому кругу предо мной.
Была я трудной дочерью, покаюсь,
Была я и неверною женой,
Любовницей чудной, но возвращаюсь
Я постоянно памятью больной
В мертвецкую, где жизни ужасаюсь
Впервые, где и трупы не равны:
Лед выдается сс образно званью!
Где до поры понятие вины
Открылось несозревшему сознанию.
А что такое первородный грех,
Я, кажется, узнала позже всех.

12

И чудится: шагают пионеры,
Бьет барабан. Куда идет отряд?
А в балаган, в котором изуверы
Взахлеб и всласть о вере говорят.
Костры, как в первобытности пещеры,
Там, в пионерском лагере, горят.
И я была одной из дикарят,
Плясала вокруг костра, покуда серый
Пещерный дым не выел мне глаза.
Но я не вдруг оттуда убежала,

И дымом замутненная слеза
Еще мне долго видеть свет мешала.
О детство, перестань, не барабань,
Дай мне взглянуть в утреннюю рань.

13

По тумбочке из крашеной фанеры
К стене поспешно движется паук,
Он озабочен, он исполнен веры,
Что паутина — дело чистых рук,
Что муха есть разносчица холеры,
Ее он втянет в свой девятый круг,
А после съест, хваля ее размеры.
А вдруг ему и мыслить недосуг,
Работает и пищу добывает,
И это я, бездельница, сию
И мыслью за него... Вовсю зевает
Соседка: "Ну и крик по этажу!
А вот паук — хорошая примета,
Весть добрая, не к выписке ли это?"

14

Я барабаню книжкой записной
По полочке стальной в холодной будке.
Как вышла из больничной проходной,
На воле я уже вторые сутки.
Где бытовать мне нынешней весной,
Куда звонить, кому под видом шутки
Признаться в бесприютности ночной?
Ну, что мне стоит в здравом жить рассудке?
Попробую с людьми наладить связь!
И набираю номер я, смеясь,
Разъятый смехом рот — моя личина,
Мне совесть надоела, как нарыв!
Подходит к будке пожилой мужчина,
Газетою лицо полуприкрыв.

15

Над городом стеклянные туманы,
Как битое стекло, мерцает лед.

Опять, в свои ударив барабаны,
Судьба меня за шиворот берет,
Весь быт мой, уместенный в чемоданы,
Из-под кровати под кровать бредет —
Вокзалы, общежитья, балаганы,
Где дни одеты задом наперед,
И вновь я там же, где была когда-то,
В железной сетке небо и палата,
Стучат часы за голою стеной,
И чудится: шагают пионеры, —
По тумбочке из крашеной фанеры
Я барабаню книжкой записной.

1974 г.

ИСТОКИ ЧУДА

Явление Андрея Сахарова — чудо.

Был самый молодой член советской Академии наук, поглощенный сложнейшими проблемами физики, почитаемый коллегами и властями, трижды награжденный высшим орденом страны — Золотой звездой Героя Социалистического Труда и государственными премиями. Его будущее представлялось таким же безмятежным, как и прошлое...

А он внезапно — для стороннего взгляда внезапно — свернул с накатанного пути, начал защищать несправедливо осужденных и преследуемых — крымских татар, которым не позволяют вернуться в Крым; немцев, которых не отпускают в Германию; евреев, которых не отпускают в Израиль; православных и католиков, баптистов и пятидесятников, гонимых за свои верования; рабочих, утесняемых начальством; добивался политической амнистии и отмены смертной казни.

Он пришел в Союз писателей, когда исключали Лидию Чуковскую; когда позвонили, что у кого-то идет очередной незаконный обыск, он, не найдя машины, приехал на попутном автокране. В Омске судили Мустафу Джемилева. Милиционеры силой вытолкали из коридора суда академика Сахарова и его жену Елену Боннэр. В Вильнюсе судили Сергея Ковалева — и опять Сахаров стоял у дверей. И в Калуге, когда судили Александра Гинзбурга. И в Москве, когда судили Анатолия Щаранского. И так множество раз... И уже перенеся инфаркт, он ездил в Якутию навещать сосланного друга, они с женой двадцать километров прошли пешком по тайге.

Его вызывали прокуроры и руководители Академии. Предостерегали. Уговаривали. Угрожали. К нему в квартиру вламывались пьяные хулиганы, палестинские террористы, некие "родственники" погибших в метро во время взрыва, оравшие, что он защищает убийц. По телефону и в подметных письмах ему обещали убить его детей, внуков. Из его стола выкрадывали рукописи. И наконец, его бессудно выслали в Горький, под домаш-

ний арест, под надзор целого подразделения мундирных и штатских охранников.

Но он не сдается. Снова и снова продолжает отстаивать права человека, призывать к справедливости и к политическому здравому смыслу.

Восхищаясь подвигом Сахарова, многие забывают о глубочайшем трагизме его жизни. И — о смертельной угрозе, которой он подвергается. Трагична судьба Сахарова, потому что душа его разрывается между страстью к науке ("... больше всего на свете я люблю реликтовое излучение...") и любовью к людям, не к абстрактному человечеству, а именно вот к этому страдающему, обиженному человеку.

Он тяжело болен. Он живет в постоянном нервном напряжении. И с каждым днем нарастает опасность для его физического существования.

Противники не могут его понять, называют блаженным чудачком, безумцем. Гораздо больше тех, кто видит в нем святого подвижника.

И нередко можно услышать голоса: "Откуда в нашей стране в наше время это непостижимое, необъяснимое чудо?"

Еще до того, как о Сахарове узнал мир, он, возражая министрам, маршалам и самому Хрущеву, настаивал на прекращении ядерных испытаний. Он выступал против шарлатана Лысенко, когда тот еще был всесилен.

Он отдал все полученные им государственные премии, больше ста тысяч рублей, на строительство онкологических больниц.

Откуда же он такой?

Андрей Сахаров единственен в своем роде и, как истинное чудо, не может быть объяснен полностью. Гений ученого — Божий дар. Однако, можно попытаться проследить истоки его мировосприятия, истоки тех нравственных сил, которые сделали его духовным вождем, олицетворением лучших надежд современной России.

С детства Андрей Сахаров дышал воздухом русской интеллигентности. Род Сахаровых с конца 18-го века — несколько поколений сельских священников. Прадед, Николай Сахаров, был протоиереем в Арзамасе, которого прихожане чтили за доброту и за просвещенность. Дед, Иван Николаевич, первым ушел из духовного сословия, стал адвокатом, переехал в Москву. В начале века был редактором сборника "Против смертной казни";

был знаком и сотрудничал с В.Г. Короленко; друг толстовской семьи, музыкант А. Гольденвейзер был крестным отцом Андрея Дмитриевича. Отец — Дмитрий Иванович — стал физиком. Наши ровесники учили физику по его учебнику. Д.И. Сахаров был не только физиком, но и талантливым пианистом.

С первыми сказками бабушки, со звуками пианино, на котором играл отец, со стихами и книгами воспринимал Андрей ту духовную культуру, из которой выросли его представления о добре и зле, о красоте и справедливости.

Мы несколько раз слышали, как он читал наизусть Пушкина, тихо, почти про себя: "Когда для смертного умолкнет шумный день...". Он сказал однажды: "Хочется следовать Пушкину... Подражать гениальности нельзя. Но можно следовать в чем-то ином, быть может, вышем..."

Говорили о том, как Пастернак восхищался Нобелевской речью Камю, и Андрей Дмитриевич заметил: "Это по-пушкински, это — пушкинский кодекс чести..."

Вдвоем с братом Юрием они по-юношески азартно, перебивая друг друга, читали вслух "Перчатку" Шиллера и вспоминали свою детскую игру: один "мычал" ритм, а другой должен был угадать, какое стихотворение Пушкина тот задумал.

С Еленой Боннэр и Андреем Сахаровым мы познакомились в 1971 году на поэтическом вечере Давида Самойлова в Доме писателей. С тех пор мы нередко вместе читали стихи Пушкина, Тютчева, Ал. Конст. Толстого, Ахматовой, Арсения Тарковского, Самойлова, слушали песни Окуджавы и Галича.

Не только духовные традиции прошлого, не только литература воспитывали мироощущение Сахарова. Он был сыном своего времени. Школьником, студентом, молодым ученым, участвуя в разработке атомного оружия, он верил в идеалы социализма, верил в праведное величие своей страны. Но именно потому, что он верил глубоко, искренне и чисто, он тем острее воспринимал пропасти между идеалом и действительностью и, созревая, тем мучительнее пережил крушение юношеской веры.

В 1978 году в интервью газете "Монд" о десятилетии Пражской весны он сказал, что в то время начался решающий перелом в его судьбе. В июле 1968 года он впервые опубликовал меморандум о мирном сосуществовании двух общественных систем.

Сто лет тому назад Достоевский в речи о Пушкине сказал: "Быть настоящим русским значит быть всечеловеком". Сегодня это вновь подтверждает Андрей Сахаров.

О САХАРОВЕ

О Сахарове я слышал с детства. Помню глупую частушку, которую спел по радио новогодний конферансье (трансляция из Колонного зала Дома союзов, 31 декабря 1953 года): "Кто-то там с большим старанием каблуками стук да стук? / Это молодой избранник Академии наук". (Сахаров никогда не танцевал, а академиком действительно стал очень рано — в 32 года.) Таким образом он был упомянут среди прочих знатных людей страны. Секретная фамилия при этом, разумеется, названа не была, и тогда я запомнил эту частушку чисто механически. Впоследствии мне объяснили, кто имелся в виду.

Познакомился я с Андреем Дмитриевичем в 1968 году, когда он согласился быть оппонентом моей кандидатской диссертации по общей теории относительности. Мне тогда было 29 лет.

В августе 1969 года мы оказались в одном самолете, направляясь на международную гравитационную конференцию в Тбилиси. Из-за грозы над Главным Кавказским хребтом самолет до Тбилиси не долетел, и мы провели ночь на стульях на аэродроме в Минеральных Водах. Это было очень давно, во всяком случае в моем масштабе времени. Защита диссертация состоялась в том самом Физическом институте Академии наук СССР (ФИАН), в котором после отстранения от секретных работ стал работать Сахаров. С тех пор почти каждый вторник мы встречались на "таммовском" теоретическом семинаре (Игорь Евгеньевич умер в 1971 году, но название семинара сохранилось). И вот уже больше года не встречаемся. Смириться с этим невозможно.

В этих юбилейных заметках я не претендую на полноту и последовательность изложения фактов биографии Сахарова и ограничусь некоторыми субъективными замечаниями.

Когда началась Великая Отечественная война, Сахаров учился на физическом факультете МГУ. Решением правительства весь его курс был осенью 1941 года эвакуирован в Ашхабад, закончил обучение по ускоренной программе, и в 1942 году молодые инженеры поступили в распоряжение Министерства оборонной

промышленности. На заводе боеприпасов в городе Ульяновске Сахаров стал автором нескольких изобретений в области методов контроля продукции, которые тогда же, во время войны, были внедрены в производство.

После войны Сахаров учился в аспирантуре под руководством Е.И. Тамма. В 1948 году включен в научно-исследовательскую группу по выполнению особо важного правительственного задания. (После научного семинара Тамм попросил задержаться Сахарова и еще одного молодого теоретика и сказал им: "Собирайтесь, скоро уезжаем". — "Куда и зачем?" — "Этого я не знаю сам", — ответил Игорь Евгеньевич.)

29 августа 1949 года была взорвана первая советская атомная бомба, 12 августа 1953 года — водородная. В книге И.Н. Головина "И.В. Курчатов" (Москва, Атомиздат, 1967) кое-что об этом периоде сказано. Есть там и такие слова: "Сахаров поднял нас на решение второй, не менее величественной атомной проблемы двадцатого века — получения неисчерпаемой энергии путем сжигания океанской воды!" (подробнее об этом см. в данном сборнике "Обзор научных работ А.Д. Сахарова. Управляемые термоядерные реакции").

Книга Головина весьма правдоподобно передает состояние подъема, радостного возбуждения, характерного для той (как теперь мы знаем — очень страшной) эпохи. Я помню это "вдохновение" и помню свое и всеобщее горе, чувство потерянности, когда умер Сталин. Почти все в стране, в той или иной степени, испытали действие этого идеологического наркотика (по свидетельству очевидцев, в концлагерях люди думали иначе). Впрочем, известная независимость мышления Сахарова проявлялась и тогда. Именно в этот период он неоднократно отклонял предложения вступить в партию. (Ученым специальной группы "прощалось" то, что не могло проститься другим.)

После 1953 года начался постепенный мучительный процесс пробуждения. Отличие Сахарова от многих других в том, что для него никогда не существовало дистанции между убеждением и действием, между словами и главной стратегией жизни. Каждое очередное испытание, вследствие повышения общего уровня радиации в атмосфере Земли, влечет за собой в долгосрочном плане тысячи безвестных жертв. По свидетельству самого Сахарова, именно из этих соображений он начал выступать за запре-

шение испытаний. В стране, где людей "не считали", мысль об этих никому не известных людях была достаточно "странной", а тем более конкретные действия, этой идеей порожденные. Сахаров же чувствует личную ответственность за трагедию этих людей. В результате ему удалось способствовать заключению Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах. 1962 год — переговоры с США о запрещении испытаний уже давно застопорились из-за спорного вопроса о контроле подземных ядерных взрывов. Сахаров обращается к министру среднего машиностроения Е.П. Славскому с идеей исключить эту спорную "четвертую" среду из проекта договора, мотивирует тем, что такая советская инициатива улучшит позиции СССР в ООН. Славский передал это тогдашнему представителю СССР в ООН Малику. Дальнейшая траектория идеи неизвестна, но, судя по результатам, понравилась она и Хрущеву, который, как известно, придавал большое значение улучшению позиций СССР в ООН. Так, летом 1963 года возник Московский договор.

Тезис "людей жалко" лежит в основе всех общественных выступлений Сахарова. Когда стали известны масштабы массовых убийств прошлых лет, он пережил это как личную драму. Такое не должно повториться. Сахаров никогда не ощущал себя "маленьким человеком", знающим, что "все равно ничего не изменишь", и в полной мере возлагал на себя ответственность за происходящее. Есть ситуации, когда нельзя быть пассивным. Бездействие — тоже вид деяния и порою весьма опасный. Для Андрея Дмитриевича, насколько я могу судить после многих лет знакомства, такая внутренняя позиция — часть его личности.

Лето 1964 года. Выборы новых членов Академии наук. Один из кандидатов Нуждин — ставленник Лысенко, бывшего тогда фаворитом Хрущева. Просит слова академик Сахаров: "Пусть за Нуждина голосуют те, кто хочет разделить ответственность за самую позорную страницу в истории советской науки". (Текст примерный, по рассказам очевидцев. Детали всей этой эпопеи в свое время широко обсуждались в академических кругах. Кое-что я узнал от самого Андрея Дмитриевича.) Сахарова поддержали и Нуждина забаллотировали. Это микропроявление академической независимости имело макроскопические последствия. Лысенко в качестве компенсации "за причиненный моральный ущерб" потребовал у Хрущева, чтобы его выбрали вице-президентом Академии наук. Когда же президент Академии наук

М.В. Келдыш разъяснил Хрущеву, что это невозможно, так как голосование в Академии тайное, то последний очень рассердился и заявил, что Академия наук — выдумка царей, и распорядился подготовить постановление о передаче всех академических институтов министерствам и ведомствам. Известно, что про Сахарова Никита Сергеевич сказал: "Сахаров лезет не в свое дело, возражал против испытаний, теперь вмешался в выборы академии"; говорят, что при этом он топал ногами и предложил тогдашнему председателю КГБ Семичастному подобрать на Сахарова компрометирующий материал.

Хрущева сняли в октябре. В списке обвинений среди прочего было сказано, что он потерял взаимопонимание с учеными, что, получив от Сахарова важное принципиальное письмо о положении в биологической науке, не показывал его долгое время членам Политбюро.

Хрущев не прислушался к голосу академика Сахарова. Может быть, нынешние (или будущие) руководители СССР прислушаются к нему?

Почему-то так получается, что идеи, выдвигаемые Сахаровым, приобретают, как правило, фундаментальное значение.

В науке — магнитное удержание плазмы для получения термоядерной управляемой реакции; идея о нестабильности протона для объяснения барионной асимметрии Вселенной. Есть и другие идеи, значение которых, возможно, еще проявится в будущем. (Научная деятельность Сахарова — особая тема, и я ее здесь касаться не буду, хотя я и видел его регулярно именно на научных семинарах. Однако свидетельствую, что наукой он занимался все время и вопреки всему.)

В общественной сфере. — В опубликованных в 1968 году "Размышлениях..." Сахаров выдвинул идею об опасности любой тотальной идеологии — социальной, националистической, великодержавной и др. В Нобелевской лекции он с предельной ясностью сформулировал концепцию приоритета необходимости соблюдения прав человека и глубинной связи этой проблемы с проблемой сохранения мира на Земле. Сегодня эти идеи Сахарова общепризнаны всеми — от еврокоммунистов до консерваторов — и, может быть, даже сдвинули некоторые советские идеологические стереотипы. Это случилось не сразу и не само собой. Назову некоторые вехи (выбор, может быть, субъективен и неполон; кроме того, я сознаю сложность такого явления как ис-

торический процесс и ни в коей мере не хочу умалить героические усилия других людей). Интервью 21 августа 1973 года, в котором Сахаров с полной ответственностью за каждое произнесенное слово сказал о невозможности истинной разрядки без большей открытости советского общества. В качестве меры в этом направлении поддержка известной поправки Джексона, создавшей реальные стимулы к соблюдению одного из основных прав человека — права свободного выбора страны проживания. Книга "О стране и мире" (1975 год), где сказано много важного и которую на Западе, к счастью, прочли (а в СССР, к сожалению, нет).

О Сахарове как ученом прекрасно сказал И.Е. Тамм (см. данный сборник). Добавлю, что отмеченные Таммом качества Андрея Дмитриевича проявляются во всей его деятельности. — Он умеет находить "болевые точки" проблемы, выходит за рамки существующего и создает новое.

Публикация на Западе "Размышлений..." и последующие действия сделали имя Сахарова легендой и многими в СССР воспринимались как безумие. Впрочем, не всеми. Весной 1970 года И.Е. Тамм попросил Сахарова представлять его на состоявшейся в Университете торжественной церемонии вручения медали им. М.В. Ломоносова, которой Тамм был награжден, и зачитать его лауреатскую лекцию. (Сам Игорь Евгеньевич в это время был уже тяжело болен и не мог выходить из дома.) Это выражение доверия имело большое значение для Андрея Дмитриевича, так как тогда он был уже "неприкасаемым".

В 1969 году Сахаров передал почти все свои сбережения (134 000 рублей) Красному Кресту и на строительство онкологического центра в Москве. (Из Красного Креста Сахарова официально поблагодарили, тогда как директор онко-центра академик Н. Блохин такой вежливости не проявил. Спустя 11 лет, в феврале 1980 года на международной встрече ученых в ФРГ Блохин произнес немало плохого в адрес высланного из Москвы Сахарова.)

Убедившись, что его предложения и обращения к правительству никуда дальше архивов КГБ не попадают (так же, как сегодня оседают в КГБ идущие с Запада петиции в защиту Сахарова), еще недавно сверхсекретный Сахаров совершает "невозможное". С осени 1972 года Елена Георгиевна и Андрей Дмитриевич принимают у себя дома иностранных корреспондентов.

”Существование Сахарова и Солженицына -- это нарушение закона сохранения энергии”, — говорили тогда московские физики. Я хочу верить, что это суждение ошибочно и закон сохранения энергии более фундаментален, чем закон сохранения страха.

Июль 1978 года. Последний день суда над Анатолием Шаранским. В маленьком переулке в центре Москвы — толпа людей. Среди них Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна, уставшие, только что приехавшие из Калуги с процесса над Александром Гинзбургом. Никого не допускают даже во двор здания суда. Много агентов в штатском. У охраняемого милицией заграждения пожилая женщина — мать Толи. Стоим очень долго, собственное бессилие томительно, требует какой-то разрядки, но сделать ничего нельзя. Скоро суд кончится, и разойдемся. И тут голос Сахарова: ”Пустите мать. Хотя бы на чтение приговора”. Толпа сгрудилась у заграждения. Андрей Дмитриевич произносит слова единственно возможные и необходимые в этой трагической ситуации. Потом отходит, бледный, принимает что-то сердечное. (Дело Шаранского было попыткой перевести борьбу с диссидентами и евреями в привычное русло шпиономании. Тогда эту опасную тенденцию удалось приостановить. Но Толю осудили, и его срок кончается в 1990 году. Страшно смотреть на эти цифры.)

Таких эпизодов за последние годы было очень много. Идею, что в борьбе за права человека самое главное -- это помощь конкретным людям, Сахаров не устает демонстрировать с какой-то педагогической настойчивостью. В сущности такова моральная основа всего правозащитного движения. Татьяна Осипова, которую судили в Москве в начале апреля, в своем кратком последнем слове сказала: ”Я считаю защиту прав человека делом своей жизни, потому что нарушение этих прав ведет к человеческим трагедиям”. Ее осудили на пять лет лагерей и пять лет ссылки. Такие приговоры потрясают, особенно, если осознать, что ни Осипова, ни другие правозащитники никогда не призывали и не прибегали к насилию и единственным своим оружием считали гласность.

Нет людей более важных и менее важных, жизнь каждого человека содержит в себе бесконечность, Вселенную и не измеряется количественно. Эти идеи придумал не Сахаров, но они для него чрезвычайно органичны. Его Нобелевская лекция и многие другие заявления содержат весьма длинные списки репрессиро-

ванных, и он мучительно трудно обрывает перечисление имен, с чувством вины перед теми, кого не сумел назвать. Кому-то это может показаться утомительным. Два года назад "Голос Америки" при передаче очередного обращения Сахарова упомянул из приведенного им списка лишь несколько первых фамилий, заменив остальные на "и другие". Это вызвало резкий протест Андрея Дмитриевича, глубокое личное возмущение. Если бы такая позиция Сахарова была воспринята достаточно широко, то, может быть, человечество было бы спасено. И напротив — пренебрежение принципом абсолютной ценности каждой человеческой жизни чревато, как продемонстрировала история, миллионами человеческих трупов.

Деятельность правозащитного движения в СССР, в том числе и Сахарова, в течение длительного времени препятствовала попыткам ослабить ограничения, наложенные на КГБ после смерти Сталина. Это много раз подтверждалось на опыте. Каковы механизмы этого влияния — трудно сказать. Машина власти в СССР — это "черный ящик", над загадками которого, наверное, не следует ломать голову. "Что будет? Куда все идет?" — здесь все друг друга это спрашивают. Но ответ может зависеть и от собственного поведения в данный момент. Результативностью своих действий Сахаров это доказал неоднократно.

В последнее время в "черном ящике" что-то сдвинулось, и КГБ получил бо́льшую, чем раньше свободу действий. Это проявилось в ссылке Сахарова, широких репрессиях правозащитников, в том числе женщин, что содержит особый элемент жестокости (Татьяна Великанова, Татьяна Осипова, Ирина Гривнина, Мальва Ланда, Оксана Мешко, Ольга Матусевич), в провокационном аресте секретаря самодеятельного научного семинара еврея-отказника математика Виктора Браиловского, "профилактических" репрессиях (Анатолий Марченко, Генрих Алтушнян), глушении радиопередач. Что будет? "Важно то, что уже произошло", — ответил мне на такой вопрос Андрей Дмитриевич примерно четыре года назад, вскоре после ареста Орлова, Гинзбурга и Щаранского. Этот ответ справедлив и сегодня, и, наверное, всегда. Освобождение американских дипломатов-заложников явилось результатом известных принципиальных усилий. Что будет с Сахаровым, Орловым и другими правозащитниками, может зависеть от усилий мировой общественности. Необходимо найти способы разговаривать непосредственно с "выс-

шим эшелонем" власти в СССР, то есть с теми, кто только и полномочен "принимать решения", а это не просто. (О важности этого последнего обстоятельства неоднократно говорил и говорит академик Сахаров.)

"Что будет" может зависеть и от позиции советской общест-венности. Позиция Академии наук СССР в отношении ссылки Сахарова известна -- умолчание и бездействие. То беспринцип-ное бездействие, которое опасно. Ни один из академиков не потребовал элементарного -- предоставить Сахарову слово, выслушать его на заседании Академии. Не исключено, что обра-щение нескольких советских академиков к Л.И. Брежневу мог-ло бы вернуть Сахарова в Москву.

... Случилось так, что я увиделся с Андреем Дмитриевичем на семинаре в ФИАНе на следующий день после визита в квартиру Сахаровых людей, назвавших себя членами организации "Чер-ный сентябрь" (1973 год). (Вошли в квартиру, оборвали теле-фон, в течение полутора часов угрожали убить его и жену.) Он рассказывал об этом, как о каком-то досадном, нелепом собы-тии. "Сахарова в принципе нельзя испугать, -- сказала как-то Елена Георгиевна. -- Его можно убить, но добиться, чтобы он отказался от того, что думает, -- невозможно". Андрей Дми-триевич постоянно размышляет, и, как я понимаю, он всегда чувствует дистанцию между фундаментальным и случайными су-етными обстоятельствами, такими, к примеру, как визит "тер-рористов". Может быть, архимедовское "не трогай моих черте-жей" в какой-то мере соответствует этому мироощущению Са-харова. Его нельзя испугать, но ему можно сделать очень боль-но, если использовать для этого близких -- жену, детей. Сегодня таким объектом стала невеста сына -- Лиза Алексеева. "Сам факт заложничества, связанный со мной, для меня совершенно непереносим" (письмо А.П. Александрову, 20 октября 1980 г.). К этим словам Сахарова следует отнестись со всей серьезностью.

Поведение советских коллег Сахарова в связи с его ссылкой в Горький также очень тяжело переживается Андреем Дмитрие-вичем. В открытом письме американскому физику-теоретику Сиднею Дреллу (30 января 1981 года) он пишет: "Что касается моих коллег в СССР, то они, имея опыт жизни в нашей стране, прекрасно понимают мое положение, и их молчание фактически является соучастием; к сожалению, в данном случае ни один из них не отказался от этой роли, даже те из них, кого я считаю

лично порядочными людьми". И если Сахаров, по своему складу склонный думать о людях хорошо, может быть, даже идеализировать, произнес такие слова, то, значит, для этого были веские и весьма тягостные основания.

Один из главных факторов, формирующих здесь человеческие характеры, -- это лишение информации. Люди здесь крайне неосведомлены, в том числе и о Сахарове. Распространенность самиздата явно недостаточна для возникновения того "коллективного эффекта", который называется общественным самосознанием. В этих условиях возникают разные психологические гримасы. Многих раздражает активность Сахарова. Такая реакция похожа на обывательское: "Бездельники поляки бастуют, потому что работать не хотят. Мы живем хуже, а не бастуем. И чего наши ждут?" (Разумеется, есть мнения и другого рода, но этот стереотип распространен очень широко.) При всем при том смею утверждать, что общественная психология, очень быстро в историческом масштабе времени, меняется под влиянием условий. Сейчас здесь существуют экстремальные условия типа сурдокамеры; но если будет информация (хотя бы из космоса -- на экраны телевизоров, к чему неоднократно призывал академик Сахаров), то уже через 10-20 лет (а может быть, и раньше) в русском языке появится польское слово "солидарность".

На этой оптимистической ноте я и закончу. Что пожелать дорогому Андрею Дмитриевичу в день рождения?

-- Чтобы он, несмотря ни на что, долгие годы сохранял работоспособность и ясность мысли, необходимые для познания и формирования мира.

-- Здоровья ему и Елене Георгиевне, что в нынешней невыносимой ситуации особенно актуально.

-- Чтобы Лиза Алексеева получила разрешение на выезд из СССР и чтобы она, Алеша и все близкие имели возможность вернуться, когда захотят. Чтобы все люди могли пересекать государственные границы по своему желанию, в любом направлении.

-- Чтобы советские коллеги разогнулись.

-- Чтобы иностранные коллеги, чья помощь до сих пор была столь существенна, выступали в его защиту, как и в защиту других узников совести, с удесятеренной "сахаровской" энергией.

-- Чтобы он вернулся в Москву и чтобы отпустили из тюрем и лагерей всех его друзей.

— Чтобы в СССР была проведена амнистия всех политических заключенных, в стране воцарились законность и правопорядок, а гласность и критика стали ненаказуемыми нормами жизни.

— Чтобы никто не приносился в жертву идеологическому молуху.

— Чтобы человечество овладело термоядерной энергией и избежало одноименной катастрофы.

Но это уже пожелания нам всем.

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ "ДЕКАДА" (Летописная повесть)

Глава четвертая

Амирханов объяснял генералу правильно: аул Куруш действительно получил свое имя от древнего персидского царя, которого в русских учебниках ошибочно называют Киром, что у ученых персов, слушающих на симпозиумах русских историков, вызывает веселое недоумение, так как персидское "кир" соответствует и по звучанию, и по смыслу нашей самой краткой брани. Кто, однако, дал аулу это название? Территория нынешней Гушано-Тавларской АССР находилась в вассальной зависимости от царя Куруша. Но сам ли могущественный завоеватель побывал в этой горной глуши и, пораженный одиноко и венчечно возвышавшимся над вершинами селением, нарек его в свою честь? Или это сделали его потомки? Слуги? Пишущий эти строки всего лишь любитель чтения исторических книг, дилетант, и ответить на этот вопрос не в состоянии. Когда совсем недавно, в восемнадцатом веке, на землю тавларов нагрянул выскочка — шах Надир, человек, подобно Гитлеру, наглый и не шибко грамотный, он доказывал принадлежность Персии захваченного куска земли, основываясь на том, что здесь самый высокий аул носит персидское имя. Но это такая же чушь, как та, которую совсем уже недавно распространяли немцы, окружившие Ленинград: земля, мол, здесь немецкая, а доказательство — названия городов — Петербург, Петергоф, Ораниенбаум. Что мы знаем о прошлых веках? Что мы знаем о прошлых годах? Врут учебники, врут газеты, только миф — правда.

Могли бы назвать этот аул Курушем гушаны, родственники персов по языку, у которых были сложные отношения с ахеменидской династией, но точно известно, что гушаны в этих местах никогда не селились, так высоко в горы не забирались. А высота умопомрачительная. Сразу же за районным центром почти вертикально устремляется над бутристым колхозным пастби-

щем узкая тропа, шириною в метр, кое-где в полтора метра, вышиною в километр. Пишущий эти строки однажды, будучи молодым, взобрался по этой тропе в аул, и сердце у него тогда замирало от ужаса перед пропастями немыслимой глубины по обе стороны каменистой тропы. Пишущий эти строки снова приблизился по бутристому пастбищу к тропе через двадцать лет, но уже не решился подняться в аул, даже не верил себе, что когда-то осмелился на это решиться, и до чего стыдно стало ему, когда он увидел, как школьники, смеясь и подпрыгивая, сбежали по страшной тропе, к тому же и скользкой, ибо дело происходило поздней осенью.

Эта почти вертикальная узкая тропа посреди горной бездны связывала жителей Куруша с остальным миром, который они называли нижним. Земля у них была скудная, наделы, как говорится, буркой накроешь, мужчины на целых полгода уходили на заработки, одни — в ближние места, добирались до Дона, другие — подальше, шли в Турцию, Сирию и даже в Египет, где, есть слух, один курушанин стал везирем. Занимались курушане разными ремеслами: ремеслом кузнецов, ремеслом золотоковачей, ремеслом нищих, а некоторых очень боялись дети в окрестных селениях, — они боялись тех, кто занимался ремеслом мусульманского обрезания, издали угадывали их каким-то чутьем.

Кузнеца Исмаила увела судьба на север дальше, чем других: он строил канал Волга-Москва. Как-то, в 1932 году, он резко оборвал придиравшегося к нему фининспектора, тот, даром, что такой же тавлар, пришил ему политическое дело — злостный забой собственных овец, и Исмаилу дали пять лет: уже сама краткость срока показывала, что дело пустяковое. К тому времени, когда случилась великая беда с его народом, Исмаилу стукнуло шестьдесят. Он видел много, он знал много. Он читал по-русски и по-арабски, он исходил казацки станицы Дона и Кубани, он работал в кузнях Дамаска, где родилась лучшая в мире сталь. Но такого, как на строительстве канала, он не видел никогда. "Страшный суд! Даджжалъ (мусульманский антихрист) пришел!" — восклицали односельчане, когда, вернувшись домой, Исмаил рассказывал им о пливших между плотинами трупах. Вернулся Исмаил хромым, — ему камнем отдавило ногу, а срок ему скостили до трех лет, — не потому, что он охромел, он и хро-

мым оставался на каторжных работах, — а потому, что у него были зачеты, немало дней вырабатывал он по сто пятьдесят процентов нормы.

Ох, и пировали же в Куруше! В русской деревне, наверно, побоялись бы встретить так душевно, даже восторженно, бывшего зека, но все жители Куруша были одного рода, одной крови, а общность рода выше государства, важнее государства, прочнее государства, да и здешние скалы, облака над скалами, кустарники между скалами были с людьми одного рода-племени, и тоже принимали участие во всеобщем деревенском пире.

А как хорошо было на душе у Исмаила, когда, после канала, тяжелого, как кандальная заклепка, он вновь увидел свою постаревшую, исхудавшую Айшу, своего сына Мурада, помощника в кузнечном ремесле, стройного подростка, горбоносого, как коршун, увидел своих друзей, свои камни, свои облака, свои деревья, свои сакли с навесами — продолжениями плоских крыш, свой аул, со всех сторон окруженный головокружительной бездной и только тропой, тонкой, как сират, господень мост в рай, соединенный с остальной тавларской землей.

Исмаил опять стал колхозным кузнецом. Первые послекаторжные годы ему помогал Мурад, потом Мурада забрали в армию. Из близких родственников у него в живых осталась лишь одна сестра Фатима, некогда выданная замуж в нижний аул. Секретарь райкома Амирханов, конечно, знал о прошлом ее старшего брата, но другого выбора у него не было, мужчин взяла война, а Фатима из бедняков, в колхоз они вступили с мужем одними из первых, Исмаил обучил сестру русской грамоте, что в ту пору было большой редкостью среди горянок, а Фатима была женщина работающая, смышленная, передовик сельского хозяйства, исполнительная, правда, чего скрывать, отсталая: религиозная, но, с другой стороны, именно поэтому ее уважали колхозники, верили ей.

Когда накануне ленинского дня, Исмаил, пропахший дымом, с покрытой копотью аккуратно и округло подстриженной бородой, с покрасневшими от кузнечного огня веками, дохромал до своей сакли, его сердце налилось радостью: к нему в гости, чтобы в праздник быть вместе, поднялся из нижнего мира Алим, тринадцатилетний любимый племянник, сын Фатимы. Мальчик уже успел расставить вдоль стены, за очагом, на дощатом топчане, укрепленном на глиняных ножках, свои картины в грубо

сколоченных рамах. Старая Айша ухитрилась испечь для племянника в золе очага несколько пресных лепешек из остатков ячменя. Она припасла и орехи на зиму (ореховое дерево росло перед саклей), они золотились на маленьком трехногом круглом столике. Исмаил и Алим обнялись, но, как полагается правоверным, губами друг друга не коснулись. Большеглазое, породистое, удлиненное лицо мальчика еще не научилось по-восточному скрывать свое волнение, а волновался он потому, что его дядя, как мастер работу мастера, стал осматривать картины. Это были копии — портреты вождей и портреты более привлекательных лиц. Карл Маркс был похож на тавларского муллу, только чалмы не хватало. Понравился Исмаилу портрет Айши во весь рост. Племянник приукрасил жену кузнеца, изобразил ее в большой, богатой шали, которой у нее не было, а ноги обул в короткие чулочки из сафьяна и того же цвета туфли, которых у нее тоже не было. С одобрением взглянул Исмаил и на себя. Алим нарисовал карандашом его лицо и часть туловища, оборвав его на газырницах бешмета. Исмаил удивлялся сходству, не понимая, что юный живописец не уловил выражения его пронизательных голубых глаз.

— Зачем плохого человека рисуешь? — укоризненно спросил дядя, указывая опаловым, потемневшим от копоти пальцем на портрет Сталина. Мальчик раскрыл рот в священном ужасе. Айша, неодобрительно покачав головой в черной повязке, напомнила:

— Пророк запрещает рисовать.

— Пророк запрещает рисовать Аллаха, — уверенно возразил кузнец, — ибо от Аллаха никто не сокрыт и ничего не сокрыто, сам же он сокрыт ото всех и от всего. А хромого кузнеца Исмаила и его старуху Айшу ни одна сура, ни один аят Корана рисовать не запрещает.

В Куруше появление нового человека, поднявшегося из нижнего мира, даже будь этот человек ребенком, — всегда событие. В саклю кузнеца, одна за другой, приходили соседки, они выражали свое восхищение картинами Алима, щелкая пальцами и издавая языком и губами звук, каким понукают в России лошадей, и нехотя удалялись. Пришел и одноногий, однорукий Бабраков, с медалью и красной ленточкой раненого на гимнастерке, видная личность — завклубом. Он, как взрослого, обнял уцелевшей рукой Алима и, опираясь на костыль и на мальчика,

вздыхнул по-мусульмански, то есть, придавая вздоху определенный смысл, устроился на топчане и наставительно сказал:

— Никогда не забывай, Алим, что по матери ты родом из Куруша, здесь твоя родина. Так подари нашему клубу портреты вождей. И твоя мать обрадуется за своего сына, за свой род, когда весь Куруш, этот минарет горской земли, будет смотреть на твои картины.

Так сказав, Бабраков снова вздохнул со значением. Исмаил понял, что завклубом хочет ему сообщить нечто важное, но ждал, чтобы начал Бабраков. И Бабраков, как будто, начал:

— Языки наших женщин, как жернова. Но мельница шумит, а мелева нет. Ты ничего не слышал, Исмаил?

— А что услышишь в кузне? Межи надуваются, огонь скачет, железо гремит.

— Ты мудр, Исмаил. Но сегодня гром кузни тебе уже не помешает, и завтра не помешает, — выходной день, напряги свой слух, нужен твой совет. А что касается тебя, Алим, то я передумал. Картины твои не в подарок возьмем, а купим. Оформим, как следует, может, удастся, продуктами заплатим, не бумажками.

— Продуктами лучше, — ответил за племянника Исмаил. — Ты что-то сказал о всяких разговорах. Известно, что репейник растет на скале, а слух — на площади. Когда пойдем в клуб, услышим, узнаем.

Аульный клуб стоял посреди широко и неровно разбежавшейся площади на пологом склоне горы. Он прежде был мечетью, и ничего в постройке не изменилось, если не считать двух квадратных окошечек, прорубленных для показа фильмов. Эти окошечки разрушили замысловатый орнамент стен. Никто в Куруше не знал, даже читавший по-арабски Исмаил, что орнамент в действительности является сложенными в слова буквами старинного арабского алфавита, называемого куфическим, а слова складывались в изречения из Корана, и под русским лозунгом "Цело Ленина-Сталина победит!" ученые арабисты прочли бы вечные слова о Боге и о его посланнике и о том, что надо бояться огня, уготованного неверным, огня, чье топливо — люди и камни. Но хотя горские крестьяне не разумели ни старинной, ни поздней арабской азбуки, они твердо знали, что война пощадила клуб, беспощадно уничтожив соседние дома, потому что прежде клуб был святой мечетью.

На площади уже собирались жители. Им было известно, что после доклада покажут фильм "Ленин в Октябре", и хотя все его не раз видели, — приятно было ожидание развлечения в этой голодной, скудной, скучной жизни. Женщины постарше прятали волосы под повязкой, сверху были наброшены на них ветхие большие черные шали, сложенные треугольником, с закинутыми на спину концами, девушки и девочки были одеты более по-теперешнему, по-городскому, одежда была нищенская, но кое у кого сохранились цилиндрические высокие шапочки, украшенные вышивкой и посеребренным шариком. Инвалиды войны, несмотря на зиму, были в гимнастерках, без бурок, ноги — в изношенных чулках, но зато головы — в огромных папах, ибо горец может быть разут и в рваном бешмете, но обязательно в хорошей папаше (лучшее в человеке — голова) и при кинжале. Увы, кинжалы были запрещены... Мальчики тоже были в папах и в изодранных, не по росту куртках с капюшонами из войлока. Как седые орлы на горных скалах, восседали на корточках восьмидесятилетние старики.

Исмаил поздоровался за руку со всеми мужчинами. К нему — что не полагалось по обычаю — подошла Сарият Бабракова, колхозный чабан. Это была статная женщина лет за тридцать, брови ее над переносицей сседились полоской черной краски, высокоскулое лицо было обветрено. От нее пахло снегом и овечьей мочой. Первый муж ее погиб на фронте, оставив ее с двумя детьми, она вышла замуж во второй раз за однорукого, одногового завклубом Бабракова, вернувшегося с войны более полугода назад, но брак они оформили недавно, соседки, сначала не одобрявшие ее, теперь успокоились. Месяцев прошло как будто немного, но уже было заметно, что Сарият ждет третьего ребенка. Однажды на нее напал волк, когда она повела свою отару на пастбище повыше, где трава была гуще, волкодав не мог справиться с разбойником, и Сарият убила волка пастушьей ярлыгой, но серый перед смертью успел изорвать бурку ее покойного первого мужа, в которую была одета Сарият, и она кое-как залатала ее кусками войлока. До войны женщины никогда не были чабанами. Голос у Сарият стал хриплым, неженским:

— Хочу тебя спросить, Исмаил, хочу, чтобы ты дал мне правильный ответ, ты ведь горец грамотный, бывалый, около самой Москвы, хоть и не по своей воле, три года провел, знаешь

низины и вершины. Скажи нам, Исмаил, почему сегодня другой человек у нас о Ленине докладывать будет?

— Какой другой человек?

— Кто у нас все годы войны докладывает доклады? Фазилева, редактора районной газеты, к нам наверх посылают. А сегодня у председателя уже пьет и закусывает другой человек, сейчас и здесь появится. А знаешь, кто этот другой человек? Биев.

— Биев? Начальник районного НКВД? Надолучше?

— Начальник НКВД будет нам про Ильича и текущий момент рассказывать. Мальчишки видели, как он входил в дом председателя, живот здоровый, больше моего, на каждом боку — по револьверу.

Исмаил вспомнил тревожные, непонятные слова мужа Сарият, завклубом Бабракова. Да, надо своему уму дать отстояться. Начальнику районного НКВД не положено доклад об Ильиче докладывать, идеология — не его поле, другое поле у начальника НКВД.

Сарият, как будто прочла его мысли, добавила хрипло:

— Есть хабар, что нас хотят выгнать из Куруша в нижний аул. Исправят разрушенные дома и нас в них поселят. А то большому начальству трудно до нас добираться. Вот и прислали Биева, чтобы нас заранее подготовил к переселению, а заодно он и ленинский вечер проведет.

— Аллах Акбар, владыка миров, что же будет с Курушем? Что будет с могилами наших предков? Разве живые могут навсегда покинуть своих мертвых?

Так спрашивал Исмаил, у самого себя спрашивал, у собравшихся вокруг него односельчан спрашивал. В коляске подкатил, зло улыбаясь, красавец — истинный черкес, как бы прыгнувший со страниц кавказских поэм Пушкина или Лермонтова. Впрочем, прыгнуть он не мог даже со страниц, за сталинградскую медаль он заплатил обеими ногами.

— Салям алейкум, Исмаил.

— Ваалейкум салям, Ахмед. На коляску не жалуешься?

Коляска Ахмеда была сработана Исмаилом. Кузнец сделал и удобный руль — сам придумал его конструкцию.

— Спасибо тебе, танк в исправности. Значит, получим сегодня от Биева указание, в каком порядке спуститься вниз. Приготовь свой вещмешок, Исмаил. А наш Куруш...

Ахмед не договорил: появился Биев в сопровождении Бабра-

кова. Все мысленно отметили, что с ними нет председателя колхоза. Почему это? Ленина, что ли, не уважает? Две кобуры чернели на двух мягких боках Биева, два портрета — Ленина и Сталина, два портрета кисти мальчика Алима держал он под мышками.

Население втиснулось в клуб, уселось в помещении бывшей мечети. Биев, чтобы все видели, поставил портреты вождей прямо на сцене, перед столом, и присел к сидевшему за столом Бабракову, прислонившему к спинке стула костыль. Еще один портрет Сталина висел в михрабе, — в нише, когда-то указывавшей молящимся направление в сторону Мекки. По давно немытым деревянным ступенькам поднялась на сцену Кучиева, однофамилица Исмаила, секретарь парторганизации. Бабраков, после кратких вступительных слов, соответствующих печальному, но насыщенному оптимизмом событию, объявил, что доклад сделает наш уважаемый товарищ Биев.

Начальник НКВД Кагарского района был высок, мордаст, брюхат. Голова его устроилась на плечах, как бы не нуждаясь в шее. Узкие глаза заплыли плотным, светло-розовым мясом. В Куруше сохранилась очень чистая тюркская речь с большим, правда, количеством слов арабского происхождения, но приобретших тюркское звучание с ударением на последнем слоге, а Биев, хотя и читал по бумажке, говорил по-тавларски дурно, если же отрывался от бумажки, то соединял тавларские слова искаженными русскими, вроде "туда-суда", "так скажат", "в общем-целом". Он привык заканчивать свои выступления призывным выкриком: "Надо лучше!" Однажды он провозгласил: "Да здавствуют солдаты Дзержинского, наши органы безопасности, которые хорошо служат Советскому Союзу, надо лучше!" С тех пор его прозвали "Надолучше".

О Ленине он говорил мало, больше о Сталине, о близкой победе, требующей напряжения и жертв, бумажка привычно увязывала великие дела всей страны с колхозными заботами и задачами Куруша. Выкрикнув с неподдельным подъемом все необходимые, ставшие уже безъязыкими здравицы и дождавшись, пока смолкли все необходимые аплодисменты, Биев, окончательно оторвавшись от бумажки, объявил:

— Портреты величайших вождей всех народов нарисовал присутствующий здесь ученик пятого класса Алим Сафаров. Хорошо нарисовал, надо лучше!

Опять раздались аплодисменты, на этот раз — от всей души, действительно одобрительные. Алим застеснялся, все это заметили, аплодисменты усилились, но Биев воздетой рукой показал, что у него есть еще одно объявление. Жители усадились, стали слушать.

— Давно уже колхозники жалуются на трудности жизни в Куруше. Справедливо жалуются. У вас нет врача, — ни один медработник, так сказать, не хочет наверх подняться. У вас нет школы, — ни один педагог не хочет, туда-суда, жить в таких условиях. В общем и целом обком партии, правительство республики учли жалобы колхозников и решили, несмотря на военное время, улучшить вашу жизнь, предоставить вам благоустроенные дома в одном из нижних аулов. Теперь и детишкам будет хорошо, — там школа имеется, в Куруше немало инвалидов войны, больных стариков и старух, все нуждаются в медицинской помощи. Скоро Сарият нам подарит смелого джигита, и не надо будет ей с ее выюком спускаться по тропе: чуть что — больница рядом. Дорогие горцы и горянки, поздравляю вас, готовьтесь к новой жизни, надо лучше!

Шутливыми словами о беременной Сарият начальник районного НКВД хотел вызвать веселое оживление в зале, показать понимание обычных человеческих тревог и радостей, что всегда сближает с народом, но вызвал страх, смятение, негодование, брань. Случилось и непредвиденное: Алим поднялся на сцену, взял портреты Ленина и Сталина и, высоко держа их, спрыгнул, а не сошел по ступенькам. Население закричало:

— Никогда не покинем Куруш! Он лучше всех городов нижнего мира! Никогда не покинем город мертвых — могилы предков!

Ахмед, управляя рулем, выкатил свою коляску вперед. Опираясь на поручни, поднявшись на обрубках, безногий и красивый, он бросал в толстую морду Биева сильные и бессильные слова:

— Плохо говоришь, Биев, подлю говоришь! Разве ты горец? Ты — жирная свинья, пусть тебя съедят неверные!

Поднялась женщина Сарият, беременная будущим спецпереселенцем, поднялась, большая, как облако, в своей бурке чабана:

— Будь проклято чрево, в котором ты был зачат, свинорылый шайтан! Где председатель? Почему он прячется от нас?

Русская матерщина, смешанная с изысканной тавларской бранью и мусульманскими проклятиями, потрясала стены испоганенной мечети. Кино смотреть не стали, вышли на площадь. Биев и секретарь партийной организации незаметно, по-лисьи скрылись. Никто не знал, что секретарь партийной организации, как и честно предупрежденный Биевым председатель колхоза сейчас заняты укладкой вещей: им разрешили взять не по одной, а по три клади на каждого члена семьи. Биев беспокоился, нервничал, — успеют ли у него дома уложиться, как следует, ему было дано завидное право взять вещи и продукты без ограничения, да жена у него бестолковая, одна надежда — на мать и тещу, хозяйственные старухи. Увы, сам он должен был остаться до завтрашнего утра в Куруше.

А Куруш не спал. Долго шумели на площади. Пусть хорошо грамотные по-русски, Исмаил и другие, вместе с мудрейшими стариками составят письмо в обком и Совнарком, на имя Девяткина и Акбашева, который, хотя и не из Куруша, но тавлар, да еще из Кагарского ущелья, не могло же окаменеть на большом посту его тавларское сердце.

Крупно и низко горели звезды, заснули вершины гор, убаюканные музыкой их свечения, но в домах не спали. Как покинуть место, где жили испокон веков, жили еще тогда, когда московских хозяев не было, Москвы не было, как покинуть минарет горской земли? Алим где-то прочел, что Куруш — самое высокое из населенных мест Европы. А когда начнут переселять? Видно, не раньше лета — надо сперва отремонтировать внизу разрушенные дома. Исмаил мысленно сочинял письмо, но понимал, что пустая это затея, строитель канала Волга-Москва хорошо знал хозяев.

Заснули перед самым рассветом, а на рассвете их разбудили: гул "дугласов" задрожал над вершинами гор, на полуавтоматических парашютах "ПД-41" выбросили на неровную землю Куруша авиадесантников. Молодые чекисты врывались в дома, требовали, чтобы жители в течение одного часа уложили вещи, по одной клади на человека, включая детей. Биев и начальник десантного отряда разбили отряд на группы, в каждой — по два десантника, значит, рассчитали так, чтобы десантников было в два раза больше, чем домов: Семисотов умел считать. Среди десантников были и женщины, и не только потому, что мужчины

нужнее на фронте: гуманное правительство понимало, что операция необычная, среди высылаемых — большинство женщин, немало и дряхлых старух, немало больных, возможны и беременные, здесь хрупкая чекистка пригодится скорее, чем иной тяжелоатлет.

Ворвались десантники и в саклю Исмаила, парень и девушка, оба курносые, гладколицы, как бы безглазые, ибо в глазах не душа светилась, а тусклая, даже не звериная, а какая-то отчужденная от всего живого злоба.

Эти двое сперва кричали, матерились, потом поостыли, даже стали помогать, чтобы ускорить дело, собирать вещи, но торопили, торопили. Наконец, три клади были уложены. Алим приладил к плечам хурджин — горскую переметную суму, в одной руке у него были портреты Ленина и Сталина, в другой — Исмаила и Айши. Маркса, как видно, он решил оставить. Десантница возмутилась:

— Что ж ты, ёшь твою двадцать, взял пять кладей? Сказано ведь русским языком — по одной клади на человека. Глупый ты парень, чего взял — картинки. Тут, может, получше вещи есть, да оставить надо, приказ.

— Я сам нарисовал, не оставлю портреты, убейте меня, а не оставлю, — закричал Алим, и в его крике слышались и детский плач и недетский гнев.

Десантник сказал:

— Полина, хай хлопец визьме свои малюнки, а як дийдемо до машины, там и побачимо. А в машину малюнки покласты йому не буде дозволено.

Десантница смягчилась:

— Ладно, бери, ёшь твою двадцать.

Собрали жителей, всех до единого, как приказал Семисотов. Плач детей, проклятия женщин, жуткое молчание старцев и еще более жуткое, трагическое молчание красивоглазых мулов. Начали спускаться по тропе. Через каждые пять человек — по десантнику. Впереди — Биев, а замыкал высылаемых начальник отряда. На этой почти вертикально низвергнутой тропе чекисты утратили свою уверенность. Голова кружилась на тонкой нитке земли между безднами. Исмаил взял на свою долю самый тяжелый из трех хурджинов. Он, конечно, понял, уже перед рассветом понял, что речь идет не о переселении высокогорных аульчан вниз — иначе дождались бы весны, даже лета. Набрехал

Биев, районный кум: весь Куруш, а, может быть, весь народ, вся республика выселяется в дальние, уж не в сибирские ли края, поэтому и обманывал Биев, боялся сопротивления курушан, хотя чего бояться, всех давно, как подкову, согнули, поэтому и приказали взять всего по одной кладки на человека, поэтому и чекистов-десантников в Куруше выбросили.

И не только Исмаил понял огромность беды. Не потому ли, достигнув середины тропы, все, как будто по уговору, отдышась, оглянулись на мгновение наверх. Домов уже не было видно, только минарет сельского клуба, как одинокий, замечтавшийся паломник на пути к Мекке, застыл отрешенно и благоговейно. Заря свободно разгорелась, и глазам открылся двуглавый Эльбавенд. Одна голова горы, казалось, венчала туловище, распятое утренним солнцем, а на другой, повязанной снежной чалмою, были опущены тяжелые ледяные веки: не хотела гора, не могла видеть великое горе своих сородичей. Исход народа? Угон народа?

Долго еще продолжало жить это мгновение в сердцах людей там, на далекой чужбине. А здесь мгновение прошло, и снова спуск. Исмаилу показалось, что племяннику, шедшему перед ним, трудно тащить и хурджин, и по две картины в каждой руке. Он хотел облегчить ношу племянника, попытался взять у него хотя бы две картины, но его хромая нога подвернулась, Исмаил упал, дышавший ему в спину десантник не успел ему помочь, и старый кузнец Исмаил Кучиев сорвался и разбился на дне пропасти, упали в пропасть и Ленин и Сталин, упал и безногий Ахмед в коляске, сработанной Исмаилом. Свалился в пропасть со своей кладью и костью одноруким, одноногим Бабраков. Свалилось несколько старух и детей. Муторно стало на сердце у начальника отряда: число высылаемых не будет соответствовать числу, обозначенному в списке. К тому же и один из десантников не удержался, свалился в пропасть, и все из-за этих предателей-чучмек, чернозадых гитлеровских наймитов.

А горы стояли, смотрели, вспоминали и плакали, плакали никогда не замерзающими слезами родников. И никогда не замерзнут эти слезы. Умрут десантники, и дети десантников, и внуки десантников, а горы будут стоять, думать, вспоминать, плакать, и вовеки не высохнут на их морщинистых лицах родники слез.

Поезд вышел из Алма-Аты в конце марта. До Арыси он добрался по Турксибу в назначенное время. Там было тепло, уже начинала цвести джида. Потом поезд замедлил свое движение, видно, не торопился из Азии на север, в Москву. Почти всю ночь он провел в Кызыл-Орде, часами простаивал на станциях и полустанках и даже посреди бестравной степи, словно посреди улицы больной, страдавший грудной жабой. На седьмые сутки он дотянулся до Рузаевки, долго и, казалось, бессмысленно маневрировал на этой узловой станции и устроился наконец где-то в тупике на дальнем пути.

Сквозь холодные сумерки светились огни Рузаевки. К первому пути, к зданию станции, надо было пробираться по тамбурам других поездов, а то и под колесами, а длиннющий, наглухо закрытый госпитальный поезд пришлось обойти. Как водится, у многих пассажиров, военных и штатских, были в руках котелки и чайники. Состав был переполнен, пассажиров накопилось великое множество. В самой Алма-Ате во время посадки образовалась такая давка, что проводницы, своего спокойствия ради, закрыли двери вагонов перед пассажирами с билетами и без билетов, даже перед генералами и полковниками, но военные чинов поменьше оказались хитрее, многие запаслись сделанными фронтовыми умельцами впрок такими ручками, которыми легко отпирались задние двери вагонов.

В Рузаевке военные устремились к коменданту, чтобы получить какое уж будет продовольствие по продаттестату, и только один военный пошел разыскивать почту. Отстукали телеграмму: из-за большого опоздания поезда он задерживается. Командировка предписывала ему прибыть в часть как раз в тот день, когда поезд доплелся до Рузаевки, и военный, конечно, не знал, когда закончится его путешествие, тем более, что рассчитывал денька два-три прожить дома, в Москве. Из почтового отделения он направился к коменданту. Когда поезд приближался к станции, то чудилось, будто светится много огней, но оказалось, что станция погружена в темень, снег и грязь, всюду в почти безнадежном ожидании кучились люди, слышалась русская, украинская и даже польская речь. Военный стал в очередь и, когда минут через сорок приник к окошечку, он принялся убеждать помощника

коменданта, что продаттестата с собой не взял, а есть хочется, просит талон на буханку хлеба.

— Без аттестата не полагается, товарищ капитан, — скучно сказал помощник коменданта, но капитан, перенявший опыт у других, знал, как надо ответить:

— Виноват, товарищ старший лейтенант. Всего пять суток дали мне на свидание с семьей, не успел оформить, хотелось на фронт скорее попасть, а поезд еле тащится, живот подвело.

Он не мог получить продукты по аттестату, все — на месяц вперед — получил в Алма-Ате и оставил отцу. Помощник коменданта, сидя в своей тыловой глубине, сердито-обиженно выдал капитану талоны на хлеб и пачку концентрата. Капитан узнал, что идти за ними надо довольно далеко, в самый конец станции, потом, выйдя в город, пересечь площадь. А на станции уже развернулась натуральная форма торговли. Военные меняли добытые в Алма-Ате орехи и сушеный виноград, а также кое-что из одежды, рукавицы, например, на самогон, торговались с мордовскими бабами, ссорились с ними, требуя дегустации. Там, где обрывался разбитый, грязный асфальт и не горел последний фонарь, стоял скотский поезд. Трое солдат и сержант в полушубках и валенках, всаженных в галоши, указывали военным, имеющим талоны: после третьего вагона следует свернуть налево, там выход на площадь. Внезапно половина стенки второго вагона отодвинулась, возник лаз, и капитан увидел молодую женщину в белом халате. Сержант помог ей спрыгнуть на землю, спросил:

— Что там, Зинка?

— Погоди, воздуху наберу. Преждевременные роды. Нашла чучмечка время. Но ведь они здоровые, как суки. Даром что до восьми месяцев не дождалась, а мальчик в порядке. Не помрет, так жить будет.

— Кто эти люди? — спросил капитан, не надеясь получить ответ, понимая, какого рода войск эти солдаты. Но сержант, видимо, считал, что таинственность ни к чему:

— Не люди, товарищ капитан, а предатели, семьи власовцев. Можно сказать, оголтелые отщепенцы. С Кавказа вроде.

— Разрешите посмотреть?

— А чего, смотрите. Только недолго. Вам самому противно станет, дикие ведь, набздели, воши по ним бегают.

Капитан заглянул в лаз. Вагон, предназначенный для перевозки скота, был переоборудован для перевозки людей, но так, что

людям было хуже, чем скоту: по обе стороны от узкого прохода были сделаны нары. Ни внизу, ни наверху люди не могли выпрямиться. Они скорчились в этом гноище, в грязи и вони. Былые пастухи стали отарами, гуртами. Беззубый старик в папахе, сидя на заплеванном, загаженном, с застывшими испражнениями, полу скотского вагона, жадно дышал воздухом, сыро и мгlistо врывавшимся сквозь лаз. В углу слева кричал новорожденный. Женщины окружили роженицу. Давно не бритые мужчины молча, недвижно и грозно сидели на нарах. Их босые ноги были восковыми, как у мертвецов. "Подумать, на руках у матерей все это были розовые дети", — невпопад вспомнил капитан Анненского. Черты этих несчастных показались капитану странно знакомыми. Он сказал, наклоняясь к лазу:

— Саям алейкум. Хардан сиз? Ким сиз? Тавлар?

— Тавлар, тавлар, — подтвердили мужчины, обнажая белые десны, и то была улыбка.

Для дальнейшего разговора капитану не хватало тавларских слов. Он перешел на русский:

— Почему вы здесь? В скотском вагоне?

В ответ закричали женскими, мальчишечьими, старческими голосами:

— Мы и есть скот! Мы пища для русских! Нас высылают! В Сибирь высылают! Наш народ высылают! Сам ты кто, из наших мест?

— В своем ли вы уме? Разве целый народ высылают?

— Целый народ высылают! Гурджистанская собака Сталин высылает!

— И Мусаиб Кагарский среди вас? И даже Акбашев? И все, все? А гушаны?

— Гушанов оставили. Их и наших мертвых оставили. Здесь и Мусаиб, здесь и Акбашев, только они в хороших вагонах едут. А мы, сам видишь, хуже скота. Бывало, овечка в отаре ягненокка родит, так мы нежим и мать, и ребенка, а у нас женщина Сарият родила, дыхание Аллаха в ней и в ее мальчике, а воды нет для нее.

— Ведро найдется?

— Найдется. Нас не выпускают.

— Дайте, принесу воды.

Капитан подумал было, что сержант-чекист на него рассердится, но тот отвернулся. Может, нарочно отвернулся. В русском

человеке злоба вспыхивает, но доброте сжечь не в силах, доброта не дрова, не уголь, не керосин, а дух Божий. Капитан еще раньше приметил кран с кипятком. Он поспешил к нему, смешал горячую воду с холодной и вернулся к лазу. Какой-то мальчик — одни глаза на бескровном лице — принял у него ведро без благодарности. Капитан пошел получать продукты по талонам. Ему выдали буханку хлеба с довеском, концентрат — пшеничную кашу. Довесок капитан съел, хлеб оказался кислым. Когда он приблизился к вагону, лаз был уже задвинут. Капитан обратился к сержанту с просьбой отодвинуть стенку на минуточку, он только хлеб и крупу им даст, но сержант отказал:

— Не положено.

И тихо добавил:

— Приказ. И мне влетело.

Капитан в растерянности направился к своему составу, он был не уверен, что выбрал правильное направление, карабкался по тамбурам пассажирских и товарных вагонов, обходил молчащие паровозы. Звали капитана Станислав Юрьевич Бодорский. Он был поэтом-переводчиком, с начала войны служил в армейской газете "Сыны Отчизны". Когда фронт двинулся на запад, а их армию почему-то оставили в резерве под Проскуровым, для переформирования, что ли, Бодорский получил из Алматы, куда его родители были эвакуированы, телеграмму: скончалась мама. Редактор, подполковник Эммануил Абрамович Прилуцкий, отказал ему в просьбе выехать на похороны: солдат, сказал он, должен пересилить личную скорбь. Но член Военного Совета, хорошо к нему относившийся, вручивший ему недавно орден Красной Звезды, посочувствовал своему армейскому писателю, разрешил убыть в Алма-Ату на пять суток, а на дорогу дал десять суток.

Теперь Бодорский возвращался в редакцию. Он опаздывал из-за того, что поезд еле плелся, но надеялся, что его армия еще стоит под Проскуровым, а нет — найдет: добраться до передовой всегда нетрудно. Его поразила высылка тавларов. Как обычно в тяжелых случаях, он прежде всего подумал о себе. Даже когда узнал, что умерла мама, он прежде всего подумал о себе. Однако никого не надо поспешно судить. Тургенев, подробно описавший казнь Тропмана, в последний момент отворачивается. Прочтя статью Тургенева, Достоевский зло заметил: "Ужасная забота, до последней щепетильности, о себе, о своей

целости и о своем спокойствии, и это в виду отрубленной головы!" И все же пишущий эти строки считает Тургенева не только великим писателем, но и добрым человеком.

Имя Бодорского как бы слилось, по крайней мере, в глазах литературной администрации, с именем Мусаиба Кагарского. Отец Бодорского, невысокого роста, с низко посаженной на плечи атлета кудлатой головой, с ярко-синими глазами под пеплом нависших бровей, седоусый поляк, был в прошлом жандармским офицером. Наверно, именно это и толкнуло двух старших братьев Станислава записаться в коммунисты. Они участвовали в гражданской войне, один из них погиб в бою под Синельниковым, другой исчез в тридцать седьмом году. Станислав был в мать, елисаветградскую армянку, — высок, чернобров, строен, смугл, сухощав. В отличие от братьев он к власти не прикасался, даже в пионеры не определился.

Его стихи были далеки от всех направлений советской поэзии. Кумирами Станислава были символисты, в особенности, — Сологуб и Вячеслав Иванов. Они обладали, по его понятиям, всем, к чему он стремился: духовной огненной напряженностью, изяществом, небесной музыкой, тайной. Советские стихотворцы, пролетарские и формалисты, левые и правые, отверщали его от себя своей прагматичностью, зависимостью от текущих обстоятельств, словесным нищенством, исканием опоры вовне поэзии. Окончив в 1926 году среднюю школу в родном южном городе, он поехал в Москву, почти без денег, преследуя две цели: попытаться напечатать в столице свои стихи и устроиться где-нибудь на заводе рабочим, чтобы, заработав стаж и скрыв, разумеется, жандармское прошлое отца, попасть в университет. Стихи в редакциях не брали — мол, старомодно-унылые, посещай литкружок, учись у Демьяна Бедного, Жарова, Безыменского, Уткина, Молчанова, а на завод он поступил, несмотря на безработицу, на Дербеневский, химический, вредный для здоровья, гнал метаниловую кислоту для азокрасителей.

Станислав снял угол в деревянном доме в районе Малой Татарской, хозяйка двухкомнатной квартиры с низкими потолками (уборная и колонка водоразборная — на дворе) работала с ним на заводе, муж ее служил сторожем, сутки дежурил, двое суток отдыхал, и, когда мужа не было, Станислав спал с хозяйкой. Некрасивая, полногрудая, с толстой косой, она ненавидела

мужа и говорила Станиславу нараспев (она была из Пошехонья):

— Он мне свойственник, его первая жена доводилась мне двоюродной теткой, списалась я с ними, приехала, поступила на завод, а тетка возьми и помри, опухоль у нее в животе завелась. Справили поминки, а он поманил меня к себе в постель. А и то, куда мне деться? Расписались, не обманул. Противный он мне, лежу с ним, как колода, а от тебя вся горю, люблю тебя, черновенький мой черкесик.

Черкесик? Отец его хвастался своим старинным шляхетским родом, утверждал, что их семья — младшая ветвь князей Бодорский, владевших чуть ли не половиной Черкесии. Станислав обложился книгами (у него были два увлечения — музыка и история), узнал, что в долинах и предгорьях Эльбавенда живет племя гушанов, что один из их князей перешел при Гедимине в католичество, и так появились в Литве и Польше князья Бодорские: фамилия произошла от названия стольного места гушанских владетелей.

Станислав понимал, что он к этим Бодорским никакого отношения не имеет, отец врал, в его жилах текла шляхетская спесь, а не шляхетская кровь, дворянство он получил, дослужившись в жандармерии до офицерского чина: что же, слабость простительная, она и великим людям присуща — например, Бальзаку. Между тем Станислав, глядя на себя с насмешкой, так приветствовал по утрам свое отражение в зеркале:

— Дзень добры, ёго мосч, яшновельмужны пане Станиславе!

Получив на заводе положенный отпуск, Станислав поехал в Ленинград, чтобы увидеть пушкинскую, Достоевскую, блоковскую Северную Пальмиру. Он остановился у знакомых отца и в один прекрасный день осмелился явиться к Сологубу, еще не зная, что то был последний год жизни обожаемого поэта. Двери ему открыл сам Федор Кузьмич, лысый, лицо нездоровое, осунувшееся, на щеке большая бородавка, ноги босые. Станислав от страха не мог вымолвить ни слова. Так они и стояли друг перед другом, пока Сологуб не обратился к нему с вежливым вопросом:

— С кем имею честь молчать?

Квартира была большая, безлюдная, холодная. В полутемном кабинете висела икона Божьей матери. Станислав прочел с деся-

ток мысленно отобранных стихотворений. Сологуб во время чтения одобрительно кивал лысой головой, но когда заговорил, то едко, не повышая голоса, упрекнул юного стихотворца в южных оборотах ("люблю искажения северные, не терплю южных"), в эпигонстве, вялости, отметив некоторые отличные, — так и сказал: отличные, — строки.

Станислав всю жизнь помнил об этом свидании. Теперь ему уже тридцать пять, но он так и не опубликовал ни одного собственного стихотворения. Однако, не был же он, черт возьми, совсем уж неудачником. Он сумел, заработав рабочий стаж, поступить на исторический факультет Пединститута. Он ответил на вопрос анкеты о социальном положении отца: "Служащий", что не противоречило истине: его отец к тому времени занимал маленькую должность в горкомхозе.

В институте Станислав завязал студенческую дружбу с Даниелом Парвизовым: он впервые увидел гушана во плоти. Особенно они сблизились, когда Станислав выразил желание учиться у него гушанскому языку: это польстило Парвизову, расстрогало будущего секретаря обкома. Тот был профоргом курса, устроил так, что в общежитии на Стромынке, бывшем когда-то богадельней, Станислава перевели из комнаты, где почти впритык стояло шестнадцать узких кроватей и восемь тумбочек, в просторную комнату Парвизова, в которой жили всего четыре студента, все, кроме Станислава, парттысячники. Вот и пошло: Станислав приобщал способного гушана к русской речи, к русской литературе, к интеллигентной, так сказать, воспитанности, а Парвизов радовался тому, что этот русский студент интересуется языком, историей, народной поэзией гушанов. Оба они были неглупы, но оба, хотя и прожили в одной комнате четыре года, почти не разлучаясь, считали друг друга простодушными до чрезвычайности, наивными парнями. Оба ошибались.

Станислав как-то прочел Парвизову несколько своих стихотворений. Парвизов их плохо понял, странен был их язык, так русские теперь не говорили, но само занятие Станислава умилило гушана, с детства привыкшего уважать мужей науки и шаи-ров (поэтов). С этих пор Парвизов превратился как бы в опекуна Станислава, щедро снабжал его, в качестве профорга, ордерами на обувь, кальсоны и даже однажды — на пальто. Он чувствовал, что Станислав не относится к нему свысока, как, например, секретарь партийной ячейки курса, который, пусть благожелате-

льно, всегда подчеркивал нацменьство Парвизова. А Станислав дружил с ним, как с равным, без превосходства, и Парвизов, может быть, сам того не сознавая, был за это ему благодарен. Он рассказывал однокурснику о своем народе, о его древнем, загадочном происхождении, о его судьбе, и однажды пропел речитативом небольшое народное сказание и устно перевел его, пользуясь современным, безлично-газетным языком. Станислава удивило, что сказание гушанов напоминало греческое, — о том, как Одиссей (у гушанов герой носил другое имя) хитро обманул циклопа, ослепил его и выбрался из пещеры, облачившись в овечью шкуру и смешавшись с овцами. Чутким природным слухом Станислав уловил необычный ритм сказания, голос из глубины веков и гор, и понял, что способен воспроизвести по-русски этот ритм так, что ритм будет звучать ново, звонко. Станислав переложил русскими стихами это сказание, нашел, благодаря приблизительному знанию языка подлинника, такие синтаксические обороты, которые, будучи по-русски правильными, свежо воссоздавали гушанскую речь. По настоянию Парвизова, восхищенного и торжествующего, Станислав отнес гушанское сказание в толстый журнал, и через несколько месяцев перевод напечатали. Более того: Горький в одной из своих статей о необходимости учитывать многонациональный характер советской литературы, похвалил (правда, походя, в скобках, не называя фамилии русского стихотворца) перевод гушанского сказания.

Это был успех, небывалый успех! Даниял Парвизов сиял: Станислав в краткой вступительной заметке "От переводчика" упомянул Данияла Парвизова как автора подстрочного перевода. Имена двух друзей одновременно и впервые появились в печати. Студент Станислав Бодорский становился советским поэтом, хотя и низшего — переводческого — ранга. И когда возникло новое сказание — о Мусаибе Кагарском, неграмотном, но мудром, Горький вспомнил о Бодорском, и по рекомендации основоположника безвестному начинающему поэту поручили важное государственное дело — переводить сложенные изустно четверостишья Гомера двадцатого века, воспевающего родину, Сталина, бичующего врагов народа, которые сожгли колхозное сено.

В тот август, когда Станислав и Даниял, окончив институт, гуляли по Москве перед разлукой, Станислава пригласили в Гугирд, и оба друга поехали в столицу Гушано-Тавларской

АССР: Парвизов навсегда, Бодорский — в командировку. На станции Тепловской гугирдский вагон отцепляли от скорого, следовавшего в Баку, и ставили в конец рабочего поезда, упиравшегося, после проделанного пути, в тупик — в гугирдский вокзал. Отцепление и прицепление длилось, обыкновенно, часа два.

В Тепловской в их плацкартный вагон (другого прямого не было) вошел молодой гушан, стал кого-то разыскивать. Увидев Данияла, заговорил с ним на родном языке, и Даниял показал на Бодорского. Молодой гушан обеими руками пожал руку московского поэта, пригласил его в другой вагон, стал помогать смущенному Станиславу укладывать вещи. Станислав попросил, чтобы в этом другом вагоне (как странно, ведь другого не было) поехал и его товарищ по институту. Молодой гушан согласился, взял у сопротивлявшегося Станислава два его чемодана, один очень тяжелый, с книгами. Предназначенный им вагон стоял в конце рабочего поезда, плацкартный еще не успели прицепить. Даниял обомлел: то был салон-вагон Сулеймана Нажмудинова, первого секретаря гушано-тавларского обкома партии. Обомлел и Станислав, когда они втроем вошли в вагон: здесь была кухня, столовая-гостиная, где пожилая приветливая русская женщина накрывала на стол: сухое вино, коньяк "Двин", водка, нарзан, закуски — осетрина, икра, холодная курица. Станислав заглянул за тяжелую портьеру: там была спальня, два усталых парчой ложа.

В одну из бутылок была налита странная серая жидкость, наклейки на бутылке не было, Даниял объяснил: "Буза". Так впервые Станислав увидел дозволенный мусульманам напиток, упоминаемый Пушкиным, Лермонтовым, Толстым, Бестужевым-Марлинским. Встречавший его гушан пошел в уборную. Бодорский немедленно захотел испробовать бузу, Даниялу Парвизову понравилось влечение русского к национальному напитку, они выпили по стакану, некрепкий хмель мягко ударил Станислава в голову, поэт-переводчик предложил повторить, но друг остановил его:

-- Неудобно. Дождемся представителя обкома. Жаматов его фамилия. Сначала коньяк втроем выпьем. Тебя потому так здорово встречают, что слух дошел -- сам Горький тебя рекомендовал, беспартийный член Политбюро.

В Гугирде друзья расстались: Бодорского в машине (он впервые ехал в автомобиле) отвезли в гостиницу. Жаматов, инструктор обкома по культуре, извинился перед Станиславом за скромность номера, но тот возражал -- и совершенно искренне: давно, с детских лет, у него не было такого обиталища. Номер состоял из двух комнат, спальни и кабинета, с тяжелым -- чуть ли не гранитным -- многопредметным чернильным прибором на письменном столе, рядом -- телефон. На обеденном столе, на глиняном блюде, круглился огромный арбуз, обвитый увесистыми кистями винограда, стояли три бутылки -- опять же коньяк, водка и нарзан. В углу, как в детстве, в их южном доме, желтел деревом и белел мрамором дореволюционный умывальник. Уборная и душ, пояснил Жаматов, -- в конце коридора. Окна смотрели на густой, видимо, длинный парк, посаженный когда-то князем Измаил-Беем, прототипом, как говорят, лермонтовского героя.

Жаматов попросил позволения позвонить, заговорил. Станислав его понял: он кому-то докладывал о прибытии гостя, услышал ответ, положил трубку и сказал:

-- Станислав Юрьевич, вас приглашает к себе Сулейман Нажмуддинович. Отдохните, через час я за вами заеду.

Станислав умылся, -- воды в умывальнике не хватило, -- разложил вещи и книги, надел новые брюки и единственную хорошую шелковую рубашку, спустился с третьего этажа на улицу, решил, что дождется Жаматова у входа в гостиницу. Эльбавенда не было видно, позднее Станислав узнал, что двуглавая вершина горы открывается глазам только рано утром, если нет тумана.

Влево уныло уходили вдаль одноэтажные дома и мазанки, справа был пустырь. Несмотря на жару, дышать было легко, -- от парка исходило пахучее дуновение. Задом к входу в гостиницу сидели каменные Ленин и Сталин, -- мраморный вариант известной сомнительной фотографии. Описав мимо изваяния полукруг, машины изредка подъезжали к гостинице. Подъехал и Жаматов, вышел, широко улыбаясь, пригласил Станислава в машину. Путь их продолжался бы, как потом оказалось, всего лишь несколько минут пешком, Станислав не понимал, зачем нужна была машина, потом понял, как понял и многое другое в повадках руководства маленькой республики с маленькой столицей: надо было создать у приезжего впечатление, что город большой. Обком партии помещался в трехэтажном здании по-

стройки девятнадцатого века, принадлежавшем до советской власти местному богачу-каракулеводу. В коридоре против дверей, у столика с телефоном, стоял красноармеец. Жаматов сказал ему:

— К товарищу Нажмуддинову.

Красноармеец кивнул головой в фуражке, мол, поставлен в известность. Они медленно и молча поднимались на третий этаж. Боже мой, он, Станислав Бодорский, еще вчера студент, рифмач без имени, без надежды на имя, чуждый всему новому, как бы застрявший на задворках серебряного века, разъезжает в салонах и автомобилях, занимает в гостиницах двухкомнатные номера, а сейчас будет принят кандидатом в члены ЦК, первым секретарем обкома партии!

Жаматов привычно постучал в белые двери кабинета, гостя пропустил вперед. Сулейман Нажмуддинов, легендарный герой гражданской войны, поднялся к нему навстречу. Он был непомерно высокого роста, синие брюки-галифе топырились над длинными сапогами, защитного цвета френч был отменного сукна. Лысая голова казалась как бы не лысой, а по-мусульмански бритой, нуждающейся в тюбике. Острый желто-красный глаз хищника высматривал гостя, как добычу. И даже когда Нажмуддинов, по обычаю, спросил Станислава о том, как поживают его жена и дети (которых у Станислава еще не было), он оставался похожим на гигантскую хищную птицу, ласкающую своего птенца. Исполинская фигура Нажмуддинова, черные, петровские усики, орден на френче, редкий в ту пору, ошеломили Бодорского и тревожно приобщили к власти. Позвонил телефон, Нажмуддинов приложил трубку к большому, слишком толстому для его лица уху, стал слушать. Собеседник ему явно не нравился:

— Товарищ профессор, кто вам сказал, что в высокогорных условиях нельзя вывести в массовом масштабе тонкорунную овцу, в среднем по два ягненка от каждой овцематки? Что, наука утверждает? Когда вы в ваши семилетки ходили, я пошел в чабаны, с восьмью лет ярлыгу в руках держал, пас чужую отару, под самыми облаками пас, меня не проведешь! Какие там единичные случаи! Слушай, профессор, ты у меня завтра, днём, будешь бывший профессор!

Нажмуддинов, как видно, очень довольный своей телефонной отповедью, повернулся к Станиславу. Так, наверно, был бы доволен актер, удачно сыгравший краткую сцену. Он сказал:

— Еще остались у нас предельщики. Мы против мелочной опеки, но что с ними поделаешь... Вы, слышал, по-гушански говорить умеете?

Станислав ответил по-гушански:

— У меня произношение плохое. Никак не научусь выговаривать ваше "ц", три ваших "к". И запас слов у меня невелик.

Жаматов восторженно вмешался в беседу господ:

— Как чисто произносит! Настоящий гушанский джигит!

Нажмуддинов одобрил:

— Постоянное внимание к культуре малых национальностей — этому нас учит отец. Вы: замечательно перевели наше народное сказание. Когда читал, детство вспомнил, бабушка пела. У нас много таких сказаний. Считаются греческими, а они наши, мы древнее греков, заставим и буржуазную науку это признать. Заставим. Отец любит народные сказания. Я читал "Давида Сасунского", "Манас" киргизов. Откровенно говоря, наши сказания лучше, доходчивей. Вы по-тавларски тоже знаете?

— Нет, не знаю, переводил Мусаиба по подстрочнику.

— Тавларский язык другой, тюркский. Наш, гушанский, древнее, самобытнее. Надо, чтобы вы перевели все гушанские сказания полностью, большая книга получится. У нас в Москве есть кое-какой авторитет, с вами издательство заключит договор.

— Я буду счастлив.

Станислав действительно был счастлив. Он мечтал о такой работе. Она была для него почти как собственные стихи. Он уже видел себя вторым Гнедичем, — нет, больше, чем Гнедичем: первооткрывателем. "Тем старательнее, — думал он, — буду переводить муру Мусаиба, она в "Правде" печатается, надо заслужить благоволение, даже любовь руководства республики". Он оглядел быстрым, профессиональным взглядом кабинет: мебель сборная, прекрасный книжный шкаф, гнутые стулья, удобные кресла могли бы, скажем, стоять в доме Чехова, а вот письменный стол — уродливый, нынешний, внушительный.

Нажмуддинову пришлось по душе этот молодой русский поэт, рекомендованный Горьким и знавший, хотя и плохо, по-гушански. Он сказал:

— Мы договорились с Союзом писателей, со Щербаковым. Вам поручается переводить поэму, которую сложил по нашему заданию Мусаиб. Название — "Моя Гушано-Тавлария". Хотим ко

дню принятия сталинской конституции в "Правде" опубликовать. Это поэма о счастливой жизни трудящихся республики под сталинским солнцем, но сначала идут картины далекого и недавнего прошлого, наши битвы против иноземных захватчиков, наше добровольное присоединение к России.

— Добровольное? А как же долгие, жестокие сражения? Маркс о Шамиле писал, что народы Европы должны с него брать пример, как воевать с деспотизмом...

Станислав еще не научился вести себя, как советский придворный. Научится. А пока Нажмудинов резко его оборвал:

— Марксизм, дрён-матыр, не догма. Гушаны с царем воевали, а не с Россией. Тавлары были отсталые, не воевали с царем. Старший брат, великий русский народ, спас нашу землю от алчных персов и турков. Вы член партии? Ну что же, беспартийный большевик. Местные историки, наши люди, помогли Мусаибу, но он не все понял, вы должны довести поэму до кондиции. Вы будете жить у старика, сколько понадобится, условия создадим. Там, в Кагаре, воздух хороший, красиво. Правда, не очень чисто, не так, как в гушанских селениях, но мы обо всем позаботимся. Мусаиб -- интересный человек, необыкновенный человек. Я как-то поехал его навестить, я не кабинетный руководитель, я, откровенно говоря, всегда с народом. Старика предупредили о моем приезде. Это была ошибка. Он спрятал свою одежду в сундук, надел рваный бешмет, рваные чуваки, рваную папаху. Приезжаем, а нас, дрён-матыр, дивана встречает, -- юродивый, значит, нищий. Я вскипел, но сдерживаю себя. Темное царство. Я в Добролюбова влюблен. Уселся на дырявый палас, старуха Мусаиба выносит яичницу, мацони с чесноком, -- и все. Ни хинкала, ни вина. Стал я кричать на референтов, что со мной приехали, на секретаря кагарского райкома партии. Поэт, которого знает весь мир, знает товарищ Сталин, живет в такой бедности. Я приказал одеть его, как следует, давать ему продуктов столько, сколько пожелает, мне через две недели доложить. Вернулся я в Гугирд, а мне сообщают: все исполнили, как вы приказали, только у Мусаиба -- полный сундук хорошей одежды и обуви, он и обновку туда спрятал. Увидели мои референты: крышка сундука снизу оклеена картинками, старыми, какие были до Великого Октября: реклама чая Высоцкого, цыганка с папиросной коробки. Крестьянская психология. А поэт, конечно, гениальный. У гушанов тоже есть

неплохой классик, не хуже Мусаиба, только очень скромный. Хаким Азадаев, я вас познакомлю с ним.

Сулейман Нажмуддинов дал знать Жаматову, чтобы он оставил кабинет. Секретарь обкома обошел стол, сел на гнутый стул напротив Станислава и вонзил в него хищный, с красноватыми прожилками взгляд хищной птицы:

— Скажите мне, кто такой Гóмер?

Ударение сперва обмануло Станислава, он решил было, что Нажмуддинов спрашивает его о каком-то московском еврее, но быстро сообразил, что речь идет о слепом азде, с которым Горький сравнил Мусаиба, ответил. Нажмуддинов рассердился, — не на него:

— Проклятые референты! Говорят, дрён-матыр, что Гомер -- классик марксизма-ленинизма. Я им возражаю: четыре! --и он растопырил большие пальцы чабана и абрека. -- Четыре! Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин! Четыре!

Все существо Нажмуддинова возмутилось в огромном теле. Его высокие сапоги топтали длинный ахтынский ковер. Он тяжело дышал и, как заклятие, повторял, растопырив пальцы правой руки:

— Четыре! Четыре! Проклятые референты, дармоеды, дренаматыр! Четыре классика марксизма-ленинизма, четыре, говорю я им! Откуда пятый -- Гóмер? Четыре!

Он долго не мог успокоиться. Станислав заметил сквозь стекло книжного шкафа разрозненные тома энциклопедии "Грант", видимо, принадлежавшие прежнему владельцу дома -- каракулеводу. Тома стояли вразброс, и среди них -- один как раз на букву "Г". Указывая рукой на шкаф, Станислав пояснил:

— Здесь есть о Гомере более подробно, чем я вам рассказал.

— Руки не доходят, дорогой, руки не доходят. Да, тавларский народ нам дал гениального поэта. А вам за перевод нашего сказания -- горское спасибо. Читал, вспоминал, как бабушка мне пела, того одноглазого великана вспоминал.

Станиславу не надо было быть гениальным, чтобы сразу понять, что гушану Нажмуддинову не по душе слава тавлара, что он вынужден ее признать и склониться перед ней. Вот и поехал Станислав в Кагар, он еще, Бог даст, расскажет сдержанной пушкинской прозой, непременно после войны расскажет о том, как прожил два месяца у действительно талантливого самоучки, как превратил в чудную игрушку его поэму, где прелестные

идиомы и поговорки были как бы задвинуты трюизмами, как "Правда" напечатала перевод, и сам Сталин выразил одобрение, а его, Станислава Бодорского, приняли в Союз писателей. Потом он перевел и другую поэму великого Мусаиба -- "Песнь о вожде", и все то, что Мусаиба заставляли воспевать: юбилей Пушкина, бойцов интернациональных бригад в Испании. Но была и радость: в переложении Станислава была издана книга старинных гушанских сказаний, можно сказать, частичка сердца, блеск версификации, археологические словесные раскопки, подарившие золото украшений. Книга имела успех, и не только государственный, но и у читателей, о ней много писали, даже университетские ученые за рубежом. У Станислава завелись деньги.

Поэмы и стихи Мусаиба в переводе Станислава Бодорского изучались в школах, их декламировали дети на праздничных вечерах, о них сочинялись кандидатские диссертации, о них на съезде партии говорил Шолохов, как о крупнейшем достижении советской гражданской лирики, и вот теперь Мусаиб, и все его односельчане, и весь его народ высылаются в скотском поезде в Сибирь. Нет, так нельзя, падо сделать еще одну попытку. С коричневой буханкой и пачкой концентрата Станислав начал снова пробираться по тамбурам и под колесами, вот и первый путь, но скотского поезда уже не было. Отправили его дальше или загнали на другой путь? Среди всеобщей сырой мглы мирно мерцали тыловые огни Рузаевки, едва поблескивали рельсы, чтобы скоро исчезнуть во мгле. Все молчало: станция, паровозы, вагоны, люди. Как эта мглистая, сырая ночь, была темна и тяжело набухла печаль Станислава. Он влез на узкий тамбур товарного вагона, состав неожиданно тронулся, Станислав спрыгнул на ходу.

СОВЕРШЕННО ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК

(Размышления)

Книге Э. Фромма "Анализ человеческой деструктивности" предшествует в качестве эпиграфа отрывок из греческого мифа (о железном веке) :

Каждое последующее поколение хуже предыдущего. Придет время, когда наши потомки станут настолько отвратительными, что будут поклоняться силе -- власти; могущество будет для них правом, а почитание добра исчезнет. Наконец, уже ни один человек не возмутится, видя совершение несправедливого дела, не почувствует стыда в присутствии несчастного. Зевс уничтожит их тоже...

Есть другая древняя легенда: среди живущих имеется тридцать шесть праведников (не меньше), если их не станет -- погибнет человечество...

Даже в наиболее порочных обществах, -- пишет Э. Фромм, -- всегда были выдающиеся личности, воплощающие высшие формы человеческого существования. Некоторые из них были ораторы -- проповедники гуманности, "спасители", без которых человек мог бы потерять видение своей цели; другие остались неизвестными. Это те, кого еврейская легенда относит к тридцати шести справедливым -- праведникам...

Образы таких праведников дала человечеству мировая -- в том числе русская -- художественная литература.

... Совершенно прекрасный человек -- князь Мышкин, созданный гением Достоевского: человек, проникновенно понимающий людей, сочувствующий страдающим, оскорбленным и униженным; человек, способный любить другого, других больше себя, забывая о себе.

... Дон Кихот, вызывающий восхищение своим страстным, непосредственно реализуемым стремлением к справедливости, своим мужественным самоотвержением. Его, конечно, тоже следовало бы причислить к праведникам... Если бы только он не присваивал себе так часто миссию суда и расправы...

Праведниками бывают (но не всегда, разумеется) не только герои художественных произведений, но и создавшие их авторы. Прототипом булгаковского Мастера ("Мастер и Маргарита") был сам Булгаков. Проповедник добра — не только созданный воображением Сент-Экзюпери Маленький Принц, но и сам Сент-Экзюпери.

* * *

Я надеюсь, что придет время и художники напишут — может быть, уже написали? — о нынешних праведниках, наших современниках. Мы, не наделенные писательским даром, можем только свидетельствовать о них. Можем и должны. С полной ответственностью я могу назвать имена. Их гораздо больше тридцати шести...

В последние годы этих людей нередко называют "диссидентами" (Точнее было бы называть их *правозащитниками*). Одни произносят эти слова с уважением и симпатией, другие — с ненавистью и злобой, третьи — со страхом, вызванным стремлением отмежеваться, показать свою "непричастность".

Кто же они такие — правозащитники, "диссиденты"?

Это люди, искренне и глубоко возмущающиеся всякой несправедливостью, жестокостью, насилием, ложью, подавлением человеческой свободы.

Это те, кто пытается помочь гонимым, сострадает несчастным и преследуемым.

Это те, кто не отождествляет право с силой, не благоговеет перед властью, не отрекается от себя в любых обстоятельствах (противоположное случается редко).

Наконец, это люди, самостоятельно *мыслящие*. Они не полагают себя ни непогрешимыми, ни всезнающими (в частности, знающими "правильный путь"). Но они *ищут* этот путь — собственными, часто тяжкими усилиями.

Правозащитников, осознавших и открыто проявивших себя за последние 10-15 лет, объединяет (вернее — сближает, роднит)

не какая-либо определенная система взглядов — политических или религиозных;

не те или иные интересы (национальные, классовые, сословные, профессиональные);

даже не сопротивление огромной силе давления, нажима, направленной на деформацию личности и поведения, на внушение конформности (хотя именно это сопротивление обычно наиболее заметный внешний признак "диссидентства").

Духовная близость, родство, симпатия возникают благодаря сродству внутренних побуждений. Побуждает же и подвигает -- любовь.

Любовь как неприятие ненависти, в том числе -- мести, в том числе -- так называемого "справедливого возмездия".

Любовь -- идентификация себя с другим, стремление к пониманию этого *другого*, сочувствие, сострадание, милосердие к нему.

Любовь как утверждение самоценности *каждого* человека, его права на достойную и необходимую ему свободу.

Любовь как неприятие насилия, жестокости, лжи в качестве средства совершенствования человека и человеческих отношений.

* * *

Андрей Дмитриевич Сахаров достойно и естественно представляет тех, чьим главным ведущим мотивом является любовь. Никто не устанавливал этого "представительства" -- оно совершилось само собой. Праведник -- не президент, не глава правительства, не генеральный секретарь, его не выбирают и не назначают. Светочем для людей он становится незаметно для самого себя.

Мне повезло: я лично знаю этого удивительного, светлого человека, и многие мои друзья лично знают его. Но светочем он является не только для нас, знающих его лично, но и для многих доброжелательных людей, знающих *правду о нем*. Для всех, кому известны его самоотверженные попытки помочь людям, кто слышал о его выступлениях в защиту одного, другого, пятого, сотого несправедливо преследуемого и гонимого. О его выступлениях в защиту групп, общностей людей, пытающихся реализовать свои гражданские и политические права (государством формально признаваемые) или добивающихся прекращения дискриминации (формально отрицаемой, но фактически существующей).

А.Д. Сахаров призывает (в том числе и руководителей советского государства) прекратить жестокое и унижающее челове-

ческое достоинство обращение с заключенными; освободить (амнистировать) политзаключенных -- узников совести (то есть людей, репрессированных исключительно за высказываемые ими -- устно или письменно -- взгляды и, следовательно, не совершивших никаких преступлений).

Академик Сахаров пишет статьи и книги -- о стране и мире, об угрозах, нависших над человечеством, и о поисках выхода. И каждое слово в этих статьях и книгах проникнуто любовью к людям, к стране, к человечеству, к Миру. К Миру -- в обоих смыслах.

За все это Андрей Дмитриевич был лишен многих социальных и материальных привилегий -- но это его, разумеется, не остановило. Вот уже ряд лет он подвергается все усиливающимся преследованиям, слышит все громче раздающиеся в его адрес угрозы. Это его тоже не останавливает. Почти в полной изоляции он продолжает свой подвиг любви, самоотверженности, терпения...

(Замечу в скобках, что с некоторыми утверждениями Андрея Дмитриевича я не согласна, некоторые положения, для него неосмысленные, я сомнению подвергаю. Но это ничего не меняет в моей оценке его необыкновенной личности.) Я все больше убеждаюсь, что мне довелось встретить "положительно прекрасного человека".

Да, удивительный человек -- и удивительна судьба его! Большой ученый, силой своего таланта создавший нечто, имеющее чрезвычайное значение (или кажущееся таковым) для государства, обеспечившее государственную мощь. Заслуги его были сразу же признаны и высоко оценены и властью, и миром науки. Его наука, которой он был поглощен и увлечен. Счастливый человек!

Счастливый? Но с какого-то момента он увидел мир за пределами своей науки. Мир проблем жизни человеческой, очень далекой от счастья. И проникся их значимостью.

Создатель "супер-бомбы" (видимо, тогда он полагал, что в руках его государства это оружие обеспечит мир его стране и всей земле) осознал катастрофическую опасность некоторых достижений современной науки (в том числе и его собственных). Размышляя об этом с позиций ученого и подлинного гуманиста, он пришел к мысли, что зреющую опасность можно ограничить и предотвратить путем мирного сосуществования с государствами другой системы (это -- вовне) и путем либерализации внутрен-

него государственного устройства (т.е. обеспечения человеческих, гражданских и политических прав). Свои "Размышления..." по этому поводу (1968 год) он адресовал всем людям доброй воли; обращался к властям своей страны. В этих "Размышлениях..." он не отвергал социализм, однако указывал на необходимость сочетания его с подлинно демократическими свободами.

Никакого ответа на свой меморандум академик Сахаров не получил. Советская пресса и радио его "Размышлений..." не опубликовали. Советскому гражданину не положено ни писать, ни распространять, ни даже читать не одобренные соответствующими инстанциями сочинения: виновный в нарушении этого правила преследуется вплоть до ареста и заключения, нередко длящегося многие годы.

Но соотечественники Андрея Дмитриевича, несмотря на это, многократно перепечатывали текст меморандума на пишущих машинках. А затем он был опубликован за границей и широко обсуждался в прессе демократических стран. И выдающийся ученый, академик, трижды Герой Социалистического Труда попал в опалу.

Многие в такой ситуации останавливаются. Андрей Дмитриевич не остановился, не запнулся. Он продолжал пристально вглядываться в жизнь своей страны, размышлять о ней -- и отстаивать то, что он считал правым делом. Естественно, к нему потянулись родственные по духу люди. Новых друзей подвергали преследованиям. Их судили -- и Андрей Дмитриевич простаивал у подъездов зданий, где людей судили за независимые мысли, за реализацию права на свободу слова и убеждений (в залы судов не пускали). Андрей Дмитриевич выступал с заявлениями в их защиту, нередко обращался при этом к советским властям. И, узнав об этом из распространявшихся самиздатом текстов, из передач западных радиостанций, все новые люди обращались к Андрею Дмитриевичу в надежде, что его слово поможет им добиться справедливости. И снова он пытался помочь, снова апеллировал к советским властям. И снова все апелляции оставались безответными. Один и вместе с друзьями Андрей Дмитриевич продолжал разоблачать нарушения прав человека, ссылаясь на подписанные Советским Союзом документы -- Всеобщую декларацию прав человека, Заключительный Акт Хельсинкского соглашения и другие.

Тщетно! Наделенные высокими полномочиями государственные деятели, подписав документы, в которых целью объявлялось "создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды" (Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года), давно об этой подписи забыли.

Для Андрея Дмитриевича, в частности, "гарантия" свободы слова и убеждений проявлялась в беспрестанных официальных угрозах и "предупреждениях" и в неофициальных угрозах и нападениях со стороны неких "неконтролируемых" уголовных элементов, странным образом никогда не обнаруживаемых органами Министерства внутренних дел. Жизни самого Андрея Дмитриевича, жизни его близких угрожали то люди в личине некой арабской террористической организации, то представлявшие себя как члены некоего таинственного "Русского союза". И они оставались неузнанными, неопознанными и безнаказанными. И все это шло под аккомпанимент массовой пропаганды, обливавшей Андрея Дмитриевича и его близких грязью, приписывавшей (кому? Сахарову — с его отвращением к насилию!) "экстремизм" и даже "поддержку террора". И нашлись советские ученые, коллеги Андрея Дмитриевича по Академии наук, принявшие участие в этой травле.

А в январе 1980-го — высылка (по существу — ссылка) в Горький. Демонстративно незаконная, произвольная, бессудная, минуя даже обычную формальную процедуру. Фактически — домашний арест; полная изоляция от контактов с друзьями, знакомыми, коллегами; блокирование переписки; милицкий пост у входной двери; агенты, следующие по пятам; похищение личного архива, рукописей, документов. (Неусыпное наблюдение с прослушиванием и подслушиванием каждого слова не мешает, впрочем, тому, что время от времени в "охраняемую" квартиру Сахаровых врываются бандитского типа личности, угрожающие физической расправой ему и его жене.)

А по стране в это время идут новые аресты, выносятся новые приговоры. Некоторые вынужденно (перед альтернативой ареста) покидают страну. Против тех, чей срок заключения подходит к концу, все чаще возбуждаются (уже в лагерях) новые дела, и им присуждают новые сроки...

Да, отнюдь не праведники влияют сегодня на ход истории, определяют ее пути, способствуют дезориентации общества и индивида.

Однако в конечном счете именно праведники, а не вдохновители террора, насилия и лжи, определяют духовный рост человечества, способствуют созданию подлинной, *человеческой* и *человечной*, истории. Для того, чтобы человек остался человеком, чтобы он не деградировал до уровня бездушного делателя орудий (и оружия!), бездушного производителя и потребителя, готового в то же время по приказу разрушить весь мир, включая себя самого; для утверждения и роста подлинно гуманной культуры, истоком и основой которой является любовь, -- значение Андрея Дмитриевича Сахарова поистине огромно. Значение его жизни и подвига, его личности, а также всех тех, известных и неизвестных, самоотверженных, бесстрашных и добрых, кого он -- положительно прекрасный человек! -- представляет в жизни и в истории.

МОЯ БЕСЕДА
С ДИРЕКТОРОМ ИНСТИТУТА ФИЗИКИ ЗЕМЛИ АН СССР
АКАДЕМИКОМ М.А. САДОВСКИМ

(Лето 1968 года)

От редакции: Печатаемая ниже запись — документ совсем недавней эпохи. Автор ее, Григорий Сергеевич Подъяпольский, научный сотрудник Института физики земли, сделал эту запись, что называется, "по живым следам" административной проработки, учиненной дирекцией Института группе ученых-математиков, вступившихся за своего коллегу, подвергнувшегося психиатрическим преследованиям.

Впоследствии Г.С. Подъяпольский был активным правозащитником, членом Инициативной группы по защите прав человека в СССР и членом Комитета прав человека. Безвременно погиб в 1976 году в возрасте 49 лет в командировке, в которую был направлен "на время съезда".

Приведенная ниже беседа произошла при следующих обстоятельствах.

Весной 1968 года я, в числе некоторых других сотрудников нашего института, а также ряда математиков других научных советских учреждений, подписал письмо в защиту математика Есенина-Вольпина, принудительно заключенного в психиатрическую лечебницу по причинам, не имеющим отношения к состоянию его здоровья и вообще к медицине. Это письмо, подлинного текста которого я, к сожалению, не имею¹, было очень корот-

¹ Впоследствии письмо было нами обнаружено. Вот оно:

*Министру здравоохранения СССР Петровскому
Главному психиатру города Москвы (Енушевскому)*

Прокурору города Москвы

Нам стало известно, что крупный советский математик, известный специалист в области математической логики А.С. Есенин-Вольпин был насильственно, без предварительного медицинского обследования, без ведома и согласия его родных помещен в психиатрическую больницу на станции Столбовая (в 100 км. от Москвы). Насильственное помещение в больницу для тяжелых психических больных талантливого и вполне работоспособного математика, условия, в которые он попал, тяжело травмируют его психику, вредят здоровью и унижают человеческое достоинство. Мы просим вас срочно вмешаться и принять меры для того, чтобы наш коллега мог работать в нормальных условиях.

Подписи 99 математиков

ким и состояло всего из трех фраз. В первой из них констатировался сам факт принудительного заключения в больницу. Во второй указывалось, что пребывание в психиатрической больнице вполне трудоспособного талантливого математика, безусловно, вредно отразится на его здоровье и душевном состоянии. В третьей высказывалась просьба о возвращении Есенина-Вольпина к нормальным условиям жизни и работы. Письмо было направлено в три адреса: министру здравоохранения, главному психиатру города Москвы и прокурору (не то Москвы, не то Московской области, точно не помню). Ответа на это письмо ни от одной из указанных инстанций мы не получили, но каким-то неведомым мне образом письмо вдруг обнаружилось в ряде совершенно неподобающих мест, в частности -- в КГБ, в президиуме АН СССР и -- за границей, откуда передавалось на русском языке некоторыми зарубежными радиостанциями.

Последнее обстоятельство и послужило поводом для "воспитательной кампании" в отношении подписавших письмо лиц, одним из звеньев которой в отношении лично меня и явилась приводимая беседа. Она не была ни первым, ни последним звеном: до нее имели место попытки привести "подписантов" к раскаянию в узком кругу отделов (впоследствии эти попытки были признаны "недостаточными"); после нее -- проработка на общем собрании отделения института.

Сама беседа была обставлена следующим антуражем. Все "подписанты" были заранее предупреждены, что такого-то числа в такие-то часы с ними будет беседовать директор института М.А. Садовский, поэтому все они в указанное время должны находиться на своих рабочих местах. Всех нас поочередно через секретаря по телефону вызывали в кабинет директора, и таким образом беседа с каждым происходила с глазу на глаз.

Я не сделал тогда же этой записи, поскольку не считал беседу того заслуживающей. По сравнению с другими мероприятиями того же рода, происходившими одновременно в других академических и неакадемических учреждениях, она выглядела вполне заурядно и относительно благопристойно. Сейчас, спустя примерно год, я по некоторым обстоятельствам изменил свою точку зрения на важность этой беседы и считаю, что она заслуживает того, чтобы стать известной общественности.

При изложении беседы я старался быть, насколько возможно, объективным, избежать какой-либо утрировки и не опустить ни одной существенной детали. Не могу ругаться за текстуаль-

ную точность отдельных фраз, за правильную их последовательность, за то, что не упустил некоторых несущественных реплик. Могу ручаться за правильную передачу основной линии беседы и верное отражение ее тональности, за отсутствие существенных умолчаний и за полное отсутствие какого бы то ни было вымысла.

Я (входя). Здравствуйте, Михаил Александрович!

М.А. Садовский (бодрым, вызывающим на откровенность тоном). Здравствуйте. Ну, признавайтесь, вы — зачинщик?

Я (подделываясь под тот же тон). Что вы, Михаил Александрович!

(Примечание. Это была святая правда — я не был зачинщиком. Но М.А. этому, очевидно, не поверил. Не знаю, этой ли уверенностью или более благородными мотивами объясняется, что ожидаемого мной вопроса — "Так кто же, в таком случае?" — не последовало. Вопрос о зачинщике был исчерпан.)

М.А. Садовский (пригласив меня садиться, совершенно другим голосом, монотонным и без всякого выражения, — как выяснилось позже, эту тираду он повторял всем "подписантам", а я был вызван одним из последних). В тысяча девятьсот таком-то году, еще при жизни покойного президента Кеннеди, Центральному разведывательному управлению Соединенных Штатов Америки была выделена конгрессом США сумма в один миллион долларов для проведения подрывной деятельности против Советского Союза и других стран социалистического лагеря. На эти деньги устраиваются провокации, вербуются и засылаются агенты, ведется пропаганда... (Далее дословно не помню. Суть сводилась к тому, что мы, подписавшие письмо, проявили недостаток бдительности и оказались на поводу у международного империализма.) Вы понимаете это?

Я. Нет, не понимаю.

М.А. Садовский (устало). Но ведь я же вам все объяснил...

Я. Михаил Александрович, ведь мы с вами все же ученые...

М.А. Садовский. Но-но, вы демагогией не занимаетесь!

(Не знаю, почему его оскорбило мое упоминание о том, что "мы все же ученые". Впрочем, это была единственная вспышка гнева, весь остальной разговор проходил в безупречно корректном тоне.)

Я. Видите ли, я хотел сказать, что не вижу никакой связи между долларами ЦРУ и письмом, направленным в защиту человека, подвергнутого тяжелой и необоснованной акции, письмом, направленным не куда-нибудь, а в советские государственные органы. Инициатива письма зародилась среди советских математиков, ценящих талантливую судьбу ученого Есенина-Вольпина и обеспокоенных его судьбой, а отнюдь не среди агентов империалистических разведок.

М.А. Садовский. Но ведь письмо попало за границу.

Я. Да, письмо попало за границу и в другие места.

М.А. Садовский. Не думаете ли вы, что в том, что письмо попало за границу, была провокация?

Я. Да, очень возможно, что это была провокация...

(Примечание. Здесь мы, очевидно, говорим на разных языках. Говоря о провокации, М.А. подразумевает, естественно, провокацию ЦРУ, я — провокацию других органов и с совершенно другой целью. Понял ли М.А. эту разницу, не знаю: думаю, что понял, но сделал вид, что не понял.)

М.А. Садовский. Не кажется ли вам, что вам следовало предусмотреть такую возможность и крепко подумать прежде, чем подписывать письмо? Ведь вот подписывая денежный документ, вы подумали бы. Не кажется ли вам, что в том, что письмо попало за границу, есть и ваша личная ответственность?

Я. Нет, не кажется. Я могу отвечать за письмо, пока оно находится в моих руках. После того как оно переслано адресату, я не могу нести ответственность за его судьбу.

М.А. Садовский. Но вот ведь многие математики оказались не такими, как вы: им предлагали подписать письмо, а они отказались. Как вы думаете, почему?

Я. Думаю, просто боялись.

М.А. Садовский (с иронией). Стало быть, вы считаете себя очень храбрым?

Я. Я не считаю себя очень храбрым, мне кажется, что я просто поступил, как естественно нормальному человеку. Но некоторые люди почему-то боятся.

М.А. Садовский. Стало быть, вы храбрее академиков Колмогорова и Александрова: они не подписали этого письма.

Я. Им было бы и нелогично его подписывать, они еще раньше подписали другое письмо, от них двоих, по тому же поводу. Коллективное письмо и появилось на свет из-за того, что на письмо академиков Колмогорова и Александрова не последовало никакой реакции.

М.А. Садовский. А знаете ли вы, как работает империалистическая разведка? Известно ли вам, что в тот же вечер, когда мама Есенина-Вольпина обратилась к Колмогорову и Александрову с просьбой о письме, к кому-то из них с запросом об этом письме позвонили из Парижа?

Я. Нет, об этом факте я не знал. Но если так, то я вообще не вижу, какой ущерб мог быть нанесен Советскому Союзу нашим письмом. Такой ущерб мог заключаться только в том, что факт заключения в психбольницу Есенина-Вольпина просочился за границу. Но из вашего сообщения явствует, что он просочился за границу еще тогда, когда письма даже в проекте еще не существовало.

М.А. Садовский (к моему изумлению, этот простой логический оборот его на минуту приводит в смущение). Но ведь письмо передавалось по "Голосу Америки" и использовалось для пропаганды против Советского Союза.

Я. Выступление Келдыша на пленуме МК тоже передавалось по "Голосу Америки" и использовалось для пропаганды против Советского Союза. Считаете ли вы Келдыша за это ответственным?

М.А. Садовский. Но выступление Келдыша передавалось в выдержках, а ваше письмо зачитывалось полным текстом.

Я. Выступление Келдыша было длинным, а наше письмо состояло всего из трех фраз. Там просто нечего было сокращать.

М.А. Садовский. Ну, видимо, мне не удастся вас убедить.

Я. Видимо, не удастся.

М.А. Садовский. Ну что ж, до свиданья.

Я. До свиданья. (Обернувшись в дверях.) Еще раз могу вас заверить, что я подписал письмо в здравом уме и твердой памяти.

Как видно из текста записи, беседа была скорее вялой, чем острой. Как обвинение, так и защита действовали довольно слабо и не использовали многих очевидных ресурсов. Так, не был задан фигурировавший впоследствии на собрании вопрос: "Почему вы не верите советским органам здравоохранения, признавшим Есенина-Вольпина сумасшедшим?" К чести М.А. Садовского отмечаю, что не было никаких вопросов из области сыска типа: "Кто дал вам на подпись это письмо?", "Откуда вам известно о письме Колмогорова и Александрова?", "Знаете ли вы Есенина-Вольпина лично?" И такого, например, вопроса: "Под-

писали бы вы письмо, если бы знали, что оно попадет за границу?" -- тоже не было задано. Мое впечатление (может быть, и ошибочное) было, что М.А. Садовский выполнял возложенную на него функцию с явной неохотой и без всякого энтузиазма. Но следует признать, что и мной в ходе этой беседы не был пущен в ход основной моральный аргумент защиты: что в конечном счете ответственность за любые последствия лежит на инициаторах акции против Есенина-Вольпина, а не на ком-нибудь ином. Таким образом, беседа эта не могла кого-либо в чем-либо убедить, да, по-моему, на это и не претендовала. Но для будущих поколений она может представлять интерес именно своей дикостью и нелепостью, характерными для нынешних "воспитательных мероприятий".

14 июня 1969 года

ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ О САХАРОВЕ?

(Результаты выборочного обследования)

Генрих. Ну, а теперь скажи мне правду.

Бургомистр. Ну что ты, сыночек, как маленький, — правду, правду... Я ведь не обыватель какой-нибудь, а бургомистр. Я сам себе не говорю правды уже столько лет, что и забыл, какая она, правда-то. Меня от нее воротит, отшвыривает. Правда, она, знаешь, чем пахнет, проклятая?

Е. Шварц. "Дракон"

Не приходится сомневаться, что "единодушное одобрение" любых политических решений "любого советского правительства" есть не столько автоматический рефлекс, присущий советскому человеку, сколько функция пропагандистского аппарата, за этот вопрос отвечающего. Любой редактор газеты, любой инструктор ЦК, не задумываясь, скажет, что сегодня советский народ "одобряет", а что "гневно осуждает". А если возникнут какие-либо неясности, он снимет телефонную трубку, позвонит куда надо и там объяснит. Поэтому и не нуждаемся мы в институте ГЭЛЛАПа и, напротив, любая попытка обратиться с вопросом к населению вызывает неприязнь и настороженность. Зачем? Когда и так все известно!¹

И все же советский человек, одурманенный пропагандой, отчужденный от политических решений, остается человеком. Он думает, он имеет свое мнение и нередко высказывает его — в очереди, в пивной, в разговорах с приятелями или сослуживцами. И хотя это мнение безразлично "сильным мира сего" и они даже пытаются делать вид, что его не существует, было бы интересно выяснить, что думает на самом деле "говорящее орудие производства". Мы решили попробовать. Путем выборочного

¹ Лишь по одному, чисто "математическому", вопросу советского человека постоянно призывают высказать свое мнение: "Какой набор цифр выпадет в очередном туре спорт-лото?"

исследования попытались узнать, как относится обычный советский человек к Андрею Дмитриевичу Сахарову. Ответ на этот вопрос включает, несомненно, оценку многих процессов, происходящих в стране.

Для получения представительной выборки следовало бы, по-видимому, опросить несколько тысяч или десятков тысяч случайно отобранных людей. Однако, как известно, вопросы "на скользкую тему" в нашей стране не пользуются популярностью, и на них, как правило, не удается получить достаточно искренних ответов. Поэтому прямой вопрос было решено заменить непринужденной беседой, содержащей наводящие, косвенные вопросы. Например: "А слышали ли вы, что Сахарова вернули в Москву?", или "Высылают в США", или "Хотят судить". Отношение к Андрею Дмитриевичу Сахарову оценивалось спрашивающим или самим отвечающим по девятибальной шкале: от "враг, шпион, мало расстрелять" — единица — до "герой, совесть страны" — девятка. Посередине: 4 — не знаю, но отношусь плохо, 5 — ничего не знаю, 6 — не знаю, но отношусь хорошо, 7 и 8 — две градации возрастающего хорошего отношения (полезен, очень важен), 2 и 3 — плохого (вреден для страны и бесполезен).

В проведении таких бесед участвовали 53 человека, каждый из которых собрал от одного до сорока ответов-мнений. Совершенно очевидно, что полученная в результате такого опроса выборка не вполне случайна и тем самым становится малопредставительной. Наибольшая опасность, возникающая при выбранной методике, — положительная корреляция между мнением опрашивающего и опрашиваемого. Поэтому счетчикам было запрещено опрашивать своих родственников и друзей, опрашивать лиц, чье положительное отношение к Андрею Дмитриевичу было достаточно известно или предполагалось, и, уж конечно, всех диссидентов или связанных с ними людей. Такой подход исключил из опроса несколько тысяч человек, но позволил сформировать квази-случайную выборку из лиц, чье мнение не было очевидно заранее. Сохранилась, правда, некоторая опасность, что отвечающие (нередко — сослуживцы спрашивающего), умышленно или не задумываясь, согласуют свой ответ с предполагаемым мнением собеседника. Поэтому результаты счетчиков, у которых были зафиксированы только положительные ответы, были полностью исключены. Кроме того, у счетчиков, чьи результаты оказались для данной социальной группы опрошенных (рабочие, студенты и т.д.) существенно более хорошими, чем сред-

ние по всей выборке, положительные значения уменьшались на единицу (вместо 9 — 8, вместо 8 — 7 и т.д.). То есть мы предполагаем, что либо некоторые люди, ориентируясь на спрашивающего, несколько преувеличивают свое положительное отношение, либо счетчики пользуются завышенной, по сравнению с другими, шкалой. Исправлением положительная оценка не переводится в отрицательную, а лишь несколько изменяется ее величина. Всего корректировке было подвергнуто около 16% собранного материала. Полученная выборка может с некоторым приближением считаться независимой. На ее представительности я останавлиюсь несколько позже.

Кроме мнения об А. Сахарове счетчики фиксировали некоторые сведения о говорящем (член КПСС, член партбюро), национальность (учитывая и смешанные браки), занятие (должность), зарплату (доход), возраст, образование, место жительства и иногда некоторые особые сведения — судимость, репрессированные родители, религиозность и т.п. Эти данные позволяют рассмотреть полученные результаты в разбивке на относительно однородные группы.

Всего было опрошено 853 человека: 470 мужчин и 383 женщины. Их возраст — от 18 до 78 лет. Две трети — жители Москвы, одна треть — жители Подмосковья и нескольких областных городов европейской части страны. 75% опрошенных — русские, 18% — евреи и 7% принадлежали к другим национальностям (татары, армяне, грузины, коми, немцы, поляки, прибалтийцы, украинцы). Треть опрошенных занята физическим трудом, две трети относятся к профессиям интеллигентным. Члены КПСС составили около 20%.

Эти пропорции заметно отличаются от соответствующих данных по стране и по Москве, и, следовательно, выборка в целом не является достаточно представительной. Некоторые категории населения полностью выпали из опроса: это работники милиции, высшие руководители партийно-государственного аппарата, армия. Одновременно не учитывалось мнение лиц, заведомо хорошо относящихся к Андрею Дмитриевичу Сахарову, — группы сравнительно немногочисленной, но все же составляющей не сотые, а десятые доли процента среди жителей столицы. Я сужу по тому, что почти одновременно с опросом и отчасти теми же самыми людьми было роздано несколько тысяч юбилейных фотографий Андрея Дмитриевича.

Недостаточная общая представительность выборки не мешает все же попытаться рассмотреть ее по частям и ответить на вопрос, что думают об Андрее Дмитриевиче Сахарове отдельные категории населения Москвы и других городов страны (см. таблицу).

Это, конечно, не мнение советского народа, но думается, что приведенные сведения отражают настроение не такой уж малой части жителей нашей страны.

Рабочие

Всего было опрошено 245 рабочих, занимающихся физическим трудом как на промышленных предприятиях и на стройках, так и в учреждениях, на транспорте и т.д. (Для разделения по специальности и уровню квалификации имеющихся данных недостаточно.) Большая часть этой группы — мужчины со средним и неполным средним образованием, изредка — с начальным и среднетехническим. Больше половины среди них составляет молодежь до 30 лет. Много комсомольцев, число членов КПСС сравнительно невелико (4%).

Отношение к заданному вопросу оказалось в этой группе наиболее индифферентным. Две трети ответили: "Не знаю", причем больше половины "не знаю" безо всякой (положительной или отрицательной) эмоциональной окраски. Треть высказавшихся разделилась примерно пополам: 16% заметно отрицательно и 13% — положительно.

Положительное или отрицательное отношение чаще встречается у мужчин, женщины-работницы составили заметную долю ответивших: "Не знаю".

Корреляция ответа с возрастом, образованием и партийностью незаметна, но есть обратная (правда, не слишком сильная) зависимость от уровня доходов: среди высказавших отрицательное отношение больше высокооплачиваемых, среди хорошо относящихся — низкооплачиваемых. Однако самая низкооплачиваемая группа — пенсионеры, занимающиеся физическим трудом (как правило, это пожилые малообразованные люди — санитарки, уборщицы, гардеробщицы, нянечки и т.д.), — относится к Андрею Дмитриевичу заметно отрицательно (почти 80%) или нейтрально ("не знаю" у 18%).

Инженеры и научные сотрудники

Инженерно-технические работники составили почти 40% от всех опрошенных. Это мужчины и женщины с высшим образованием, нередко кандидаты наук, партийные и беспартийные. В силу специфики опроса высокую долю в этой группе составили математики и программисты. Но вряд ли собственно профессия оказывает в данном случае заметное влияние на содержание ответа. 61% инженеров высказали определенно положительное отношение, причем половина из них — очень положительное. Резко отрицательно отнеслись лишь 20%. У мужчин отрицательное отношение более выражено и хорошо коррелирует с партийной принадлежностью. У женщин заметно большая неопределенность, две трети ответов группируются возле "не знаю", хотя преобладает "не знаю" с положительным отношением. Зависимости от возраста и зарплаты в этой группе не наблюдается.

Гуманитарная интеллигенция

В эту категорию попали преподаватели вузов, учителя школ, врачи, журналисты, художники, музыканты и другие лица свободных профессий. Отношение к Андрею Дмитриевичу Сахарову в этой совокупности еще более положительное, чем у лиц технических профессий. Около 50% высказались заметно положительно и еще 15% просто положительно. Заметно отрицательное отношение проявили лишь 15% опрошенных. В отличие от инженеров, женщины гуманитарного труда чаще высказывают отрицательное отношение, чем мужчины. Заметной корреляции с возрастом и уровнем оплаты нет.

Руководители

Как уже отмечалось, собственно партийно-государственные руководители не были охвачены опросом. Удалось выяснить мнение лишь у некоторых низших советских администраторов и ученых: директоров институтов, заведующих лабораториями и т.п. Это — мужчины средних лет и пожилого возраста, в основном, партийные. Их отношение к вопросу резко поляризовано: две трети решительно против Андрея Дмитриевича и одна треть относится к нему хорошо. Почти в той же пропорции раздели-

лись мнения и членов КПСС: четвертая часть высказала положительное отношение, три четверти — отрицательное, причем больше половины — резко отрицательное. В последней группе оказались почти все партийные активисты: члены партбюро, секретари и т.д.

Молодежь

Отношение молодежи в отрицательной части шкалы довольно близко к данным по рабочим (15% — "враг", 6% — "вреден и бесполезен"), а в положительной части — к инженерно-технической интеллигенции (34% — "не знаю, но отношусь хорошо", 24% положительных ответов). Процент ответивших "не знаю" в этой группе также довольно велик: меньше, чем у рабочих, но больше, чем у всех остальных совокупностей.

Таким образом, резко враждебное отношение вызывает Андрей Дмитриевич Сахаров примерно у одной пятой взрослого населения (20% — рабочие, 21% — интеллигенция, 18% — работающие пенсионеры и другие низкооплачиваемые категории).

Основной мотив плохого отношения — традиционное: "С жиру бесится! Чего ему только не хватало!". Нередко при общем отрицательном отношении высказывается несогласие с принятыми против Сахарова мерами ("Награждается сравнение с Анжелой Дэвис, которая, убив шерифа, вернулась в США профессором. А он ничего не сделал, и его сослали. Если хочет, чтобы его отпустили за границу, — пусть едет", — ответственный работник КГБ). Но встречаются намного более кроваво-жесткие и менее логичные высказывания ("Жалко, что не убили. У них в президента стреляют, а у нас развелись всякие, а их застрелить не могут", — лаборантка медицинского института).

Четко положительное отношение отмечено примерно у 20% опрошенных горожан (13% рабочих, 28% интеллигентов, 25% партийцев и 32% руководителей). Основной аргумент при этом обычно тоже материальный ("Надо же, все имел и отказался!").

Примерно половина населения не имеет собственного мнения о деятельности Сахарова. Вряд ли аналогичный вопрос относительно любого другого политического деятеля нашей страны дал

бы более положительные результаты. Однако не следует преувеличивать значения положительных оценок. Они не активны, держатся, как правило, про себя, и при некотором нажиме со стороны властей подавляющее большинство тех, кто положительно оценивал личность Андрея Дмитриевича Сахарова, могут выступить против него, утешив себя привычным: "Мы люди маленькие, от нас ничего не зависит".

И все же даже это пассивное отношение показывает, что декларируемое "единодушие" никак не отражает подлинного настроения советского народа, с которым когда-нибудь советским руководителям придется считаться.

Т А Б Л И Ц А
Отношение к А.Д. Сахарову
(%% от опрошенных в группе)

Название (состав) группы	Число людей в группе	О ц е н к и		
		1	2	3
		Враг народа	Вреден стране	Бесполезен, с жиру бесится
Рабочие	245	12	1	3
Инженеры, научные сотрудники	331	6	9	2
В т.ч. инженеры мужчины	172	8	16	2
В т.ч. инженеры женщины	159	4	1	3
Гуманитарная интеллигенция	182	5	4	6
Руководители	46	40	6	22
Низкооплачиваемые рабочие (пенсионеры)	49	—	4	14
Инженеры, гуманитар- ная интеллигенция (однородная)	415	9	7	5
Молодежь	295	15	1	5
Члены КПСС	164	48	16	12

п о б а л л а м					
4	5	6	7	8	9
Не знаю, но отношусь плохо	Не знаю	Не знаю, но отно- шусь хорошо	Поле- зен	Очень важен	Герой
8	56	7	1	12	—
9	10	33	11	19	1
6	4	28	20	14	2
12	16	38	2	24	—
9	11	15	19	26	5
—	—	—	12	20	—
60	18	—	2	2	—
11	15	25	12	13	3
1	20	34	10	14	—
—	—	10	6	8	—

ЧЕЛОВЕК ДЛЯ ЛЮДЕЙ

”Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала”.

Это — Радищев.

А вот это — некий бульварный фельетонист советской газеты ”Труд”:

”Он поднял голову от научных расчетов, огляделся и усмотрел общую неустроенность дел человеческих”.

Фельетонист попытался иронизировать над Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Но по неграмотности не понял, что случайно произнес парафраз сердечного вопля Радищева — едва ли не первого русского правозащитника.

Да, Сахаров поднял голову от научных расчетов. Да, огляделся. Да, усмотрел ”общую неустроенность дел человеческих”. И не только ее. Усмотрел насилие, жестокость, несправедливость, ложь, попрание человеческих прав. А главное — увидел страдающих от этого людей. И заступился за них — так же непосредственно, как заступился бы за избиваемого ребенка. Душа его ”страданиями человечества уязвлена стала”.

Как ступил он с сияющего паркета науки на режущий острыми камнями путь правозащитника — об этом, вероятно, лучше всех может сказать он сам. Каков резонанс его статей, писем, интервью, эссе — знает сейчас весь мир (кроме, разумеется, подавляющего большинства населения Советского Союза). Расскажут об этом, вероятно, лучше меня другие, более детально знающие его деятельность за последние 10-15 лет. Что он — великий ученый, конечно, знаю и я, но судить о его науке — физике — мне не дано, так же, как, скажем, о санскритском языке. И если я решаюсь сейчас писать об Андрее Дмитриевиче Сахарове, то только потому, что хочу как-то передать то ощущение обаяния его личности, которое испытал каждый, кто хоть невзначай с ним встретился.

Мне думается, обаяние это прежде всего излучает его *естественность*. Почему-то не кажется мне подходящим слово ”скромность” в применении к действительно большой, значительной

личности: всегда кажется, что в "скромности" такого человека есть некий налет позы — не может же он не знать себе цену. Но у Сахарова нет ни "скромности", ни позы, просто он такой, какой есть, а другие люди такие, как они есть. Все — разные, и все — люди, и все чем-то интересны, и за всех больно, когда им причиняют страдания и лишают их человеческих прав.

Вот этот дар сопереживания — может быть, главное покоряющее свойство Сахарова, сущность его обаяния, сила его личности, влияющей на людей больше, чем его статьи и книги. Со многим в его книгах можно не соглашаться, с его личностью и поступками не соглашаться нельзя. Это не просто доброта — это гармоническое сочетание культуры высокого чувства, все осознающего интеллекта и органического демократизма. Редкое сочетание!

В грузинском фильме "Здравствуйте все" есть запоминающееся изречение: "Человеку даются вершины не для того, чтобы он считал себя выше всех, а для того, чтобы он лучше видел". Это фильм о народном грузинском художнике Николе Пироманишвили. Но слова будто и о нем, об Андрее Дмитриевиче Сахарове. Он не меряется высотой, он дальше и лучше видит.

Со многими ли "властителями дум" можно спорить? Часто они считают, что обладают истиной, которой суждено покорить мир. С Андреем Дмитриевичем спорить можно. Он не проповедует, не вещает, не раздает рецептов. Он может и ошибиться, может и признать свою ошибку, но на том, в чем он уверен — разумом и сердцем, он, мягкий, милый, добрый, стоит твердо, как скала ("на том стою и не могу иначе"). Потому и оказался в горьковской ссылке.

Он — единственный академик, кто бесстрашно переступил черту "техники личной безопасности". Он — единственный человек такого ранга среди тех, кто топтался часами перед закрытыми дверями "открытых" процессов, пытаясь поддержать подсудимых. Он ездил на свидание к заключенному в лагерь и брел пешком по тропам Якутии, чтобы навестить ссылного. Деловые люди пожимали плечами — это могут делать другие, Сахарову надо беречь свое время, свой драгоценный интеллект. А он иначе не мог. Он не мог беречь себя, когда вокруг было столько погубленных, порубленных, изувеченных человеческих судеб. Просто не мог — и все.

Академик Сахаров — не социальный утопист, не прекраснодушный мечтатель, не спекулятивный философ. Он — ученый, человек огромного трезвого ума. В одном из своих интервью он на соответствующий вопрос откровенно заявил, что не надеется на победу в ведущейся им бескровной борьбе за свободу и права человека. На последовавший затем вопрос, зачем же он ее ведет, Андрей Дмитриевич ответил, как мне помнится, так: "Нельзя же молчать и ничего не делать". Это сродни толстовскому "Не могу молчать", тому же радищевскому "...душа моя ... уязвлена стала", выступлениям В.Г. Короленко, памфлету Э. Золя "Я обвиняю!".

Были в истории и другие великие сердца и умы, которые не могли молча проходить мимо страданий человеческих, и слишком часто они не побеждали, но всегда влияли на другие сердца и умы. Сродни сахаровскому "нельзя же молчать" и выступление семи молодых людей на Красной площади с протестом против оккупации Чехословакии, и создание Хельсинкских групп, и создание самиздатских журналов. Все это тоже уже почти порублено и погублено, большинство тех, кто "не может молчать", — в лагерях, в ссылках, в эмиграции. Но как ни торжествует неназываемое ведомство, сияющим примером человечности остаются такие люди, как Сахаров, а их преследователей будут помнить так, как сейчас поминают преследователя Пушкина — Беккендорфа.

Сегодня, когда Андрею Дмитриевичу Сахарову исполняется шестьдесят лет, невозможно без сердечной боли думать о том, какой пытке подвергнут этот человек — человек для людей, лишенный людей, лишенный живого общения с ними. Человек, вся жизнь которого — самоотдача, лишен возможности отдавать людям себя, плоды своих дум, свой труд (вдвойне подвиг — его научная деятельность в тех условиях, в которых он живет), свое сердце — такое всепонимающее, такое вместительное.

Да, со сталинских времен ведомство усовершенствовалось. Ногтей больше не выдирают — запечатывают рот.

Андрей Дмитриевич Сахаров 10 октября 1975 года.
Первое интервью после известия о присуждении Нобелевской премии мира.

**НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ
НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АНДРЕЯ ДМИТРИЕВИЧА САХАРОВА**

1942

Окончил Московский Государственный Университет и направлен инженером на военный завод.

1943-1944

Сделал ряд изобретений, облегчающих выпуск продукции. В частности, предложил простой способ определения толщины немагнитных покрытий пуль и прибор для обнаружения непрокаленной сердцевины бронебойных сердечников, что ликвидировало необходимость выборочного контроля (получено авторское свидетельство на изобретение).

Написаны первые научные статьи.

1945

Поступил в аспирантуру Физического института АН СССР им. П.Н. Лебедева.

1947

Ноябрь. Защитил диссертацию на соискание звания кандидата физико-математических наук по теме "Теория ядерных переходов типа $0 \rightarrow 0$ ". (Опубликована ЖЭТФ, 1948.)

Статья "Генерация мезонов" (редакция изменила название на "Генерация жесткой компоненты космических лучей", ЖЭТФ, т. 17).

1948

Статья "Температура возбуждения в плазме газового разряда", Изв. АН СССР, т. 12.

”Взаимодействие электрона и позитрона при рождении пар”. ЖЭТФ, т. 18.

Разработана теория μ -мезонного катализа (совместно с Я. Зельдовичем). Опубликовано в ЖЭТФ, 1957.

Включен в исследовательскую группу по разработке термоядерного оружия.

1950-1951

Сформулированы принципы управляемой термоядерной реакции на основе магнитной термоизоляции высокотемпературной плазмы (совместно с И.Е. Таммом). Результаты были сообщены И. Курчатовым на конференции в Харуэлльской лаборатории и опубликованы в трудах Первой Женевской конференции по мирному использованию ядерной энергии. Этот принцип положен в основу проекта управляемого реактора ”токамак”, в настоящее время интенсивно разрабатываемого в СССР и в других странах.

1951-1952

Предложен принцип получения сверхсильных магнитных полей с использованием энергии взрыва и конструкции взрывомагнитных генераторов.

1953

Июль. Присуждена ученая степень доктора физико-математических наук.

Октябрь. Избран действительным членом Академии Наук СССР.

Декабрь. Награжден орденом Ленина. Присуждены звание Героя Социалистического Труда и Государственная (Сталинская) премия.

1955

Ноябрь. Столкновение с маршалом М. Неделиным (А. Сахаров выразил надежду, что испытываемое ядерное оружие никогда не будет применено, на что маршал рассказал притчу, смысл которой сводился к тому, что при решении таких вопросов руководители обойдутся без советчиков).

1956

Октябрь. Второй раз присуждено звание Героя Социалистического Труда. Присуждена Ленинская премия.

1957

Октябрь. Статья о вреде ядерных испытаний в научном журнале (перепечатана журналом "Советский Союз" и многими зарубежными изданиями).

1958

Январь. Беседа с секретарем ЦК КПСС М.А. Сусловым о неблагоприятном положении в биологии, а также о судьбе несправедливо арестованного врача И. Баренблат, по поводу которого Андрей Дмитриевич писал в ЦК (И. Баренблат вскоре был выпущен).

Август. Совместное с И. Курчатовым выступление против намечавшихся ядерных испытаний (Курчатов специально летал к Н. Хрущеву в Ялту, но предотвратить испытания не удалось).

Статья "Тесня магнитного термоядерного реактора", в сб. "Физика плазмы и проблемы термоядерных реакций", т. 1, ч. 2

1961

Июль. Записка Н. Хрущеву на встрече руководителей и ученых-атомщиков о необходимости сохранить мораторий на ядерные испытания. Н. Хрущев в речи на банкете ответил, что политические решения, в том числе и вопрос об испытаниях ядерного оружия, — прерогатива руководителей партии и правительства и не касаются ученых.

Предложение по использованию нагрева дейтерия лучом импульсного лазера для получения управляемой ядерной реакции. (В настоящее время этот принцип активно развивается в СССР и США как одно из наиболее перспективных направлений получения управляемой термоядерной реакции.)

1962

Февраль. Третий раз присуждено звание Героя Социалистического Труда.

Конфликт с Министром среднего машиностроения по поводу испытания ядерного оружия большой мощности, бесполезного с научной и технической точек зрения и угрожавшего жизни многих людей. Безуспешное обращение к Н. Хрущеву с целью предотвратить намечавшиеся испытания.

Предложение о заключении договора, запрещающего ядерные испытания в атмосфере, под водой, в космосе. (Одобрительно встречено высшими советскими руководителями и выдвинуто от имени СССР. В 1963 г. Н. Хрущевым и Дж. Кеннеди был подписан "Московский договор" о запрещении ядерных испытаний в трех средах, к которому присоединилось большинство государств.)

1964

Выступление на выборах в АН СССР против кандидатуры соратника Т. Лысенко Н. Нуждина. (Нуждин не был избран. В газете появилась статья Президента ВАСХНИЛ Т. Лысенко с нападками на "инженера Сахарова".)

Письмо Н. Хрущеву о положении в биологической науке. (Это письмо упоминалось М. Суловым среди многочисленных обвинений в адрес Н. Хрущева, последовавших за его снятием.)

1965

Статья "Магнитная кумуляция" (совместно с Р.З. Людаевым, Е.Н. Смирновым, Ю.Н. Плющевым, А.И. Павловским, В.К. Чернышевым, Е.А. Феоктистовой, Е.И. Жариновым, Ю.А. Зысиным), ДАН СССР, т. 165.

Статья "Начальная стадия расширения Вселенной и возникновение неоднородности распределения вещества", ЖЭТФ, т. 49.

1966

Обращение совместно с другими известными учеными, деятелями искусства и литературы (всего 22 человека) к XXIII съезду КПСС, направленное против попыток реабилитации И. Сталина.

Сентябрь. Телеграмма в Верховный Совет РСФСР с протестом против введения статьи 190-1 ("распространение заведомо ложных клеветнических измышлений, порочащих совет-

ский государственный и общественный строй”) как предложения для преследования за убеждения.

5 декабря. Первое участие в демонстрации у памятника Пушкину. (Ежегодные демонстрации в День Конституции — за права человека и против антиконституционных статей уголовного кодекса.)

Статья "Взрывомагнитные генераторы". "Успехи физических наук", т. 88.

Статья "Кварковая структура и массы сильно-взаимодействующих частиц" (совместно с Я. Зельдовичем). "Ядерная физика", № 4.

Статья "О максимальной температуре теплового излучения". Письма в ЖЭТФ, т. 3.

1967

Письмо Л. Брежневу в защиту А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, В. Лашковой, Ю. Добровольского.

Участие в работе Комитета по проблеме Байкала. Разговор с Л. Брежневым о Байкале (на заседание, на котором решался вопрос об использовании озера, А. Сахаров и некоторые другие ученые, активно боровшиеся за спасение Байкала, не были приглашены. При одобрении М. Келдыша, выступавшего от имени Академии Наук, было принято решение о строительстве на Байкале целлюлозно-бумажного комбината).

Публикация статьи в сборнике "Будущее науки" с прогнозами развития науки и техники (в продажу не поступал).

Статья "Нарушение СР-инвариантности, С-асимметрия и барионная асимметрия Вселенной". Письмо в ЖЭТФ, т. 5. (Эта работа является пионерской и предвосхитила основной поток исследований в этой области на 10-12 лет. На нее ссылаются практически все, занимающиеся асимметрией Вселенной и нестабильностью протона — вопросом, оказавшимся ключевым в современных представлениях об эволюции Вселенной.)

Статья "Кварк-мюонные токи и нарушение СР-инвариантности". Письма в ЖЭТФ, т. 5.

Статья "Вакуумные квантовые флуктуации в искривленном пространстве и теория гравитации". ДАН СССР, т. 177.

Статья "Поляризация вакуума и теория нулевого лагранжиана гравитационного поля". Препринт ОПМ Математического института им. Стеклова АН СССР.

1968

Февраль — Апрель. Статья "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". (Работа получила широкое распространение в самиздате, а в июле того же года была напечатана за рубежом. В 1968-69 гг. вышло около 40 изданий общим тиражом свыше 18 млн. экземпляров.)

Август. Отстранен от секретной работы (в связи с публикацией "Размышлений...").

Август. Переданы на строительство онкологической больницы и Красному Кресту почти все личные сбережения.

1969

Май. Избран иностранным членом Бостонской Академии Наук и Искусств. (В последующие годы избран иностранным членом Национальной Академии Наук США, Нью-Йоркской Академии, почетным доктором Сиенского, Иерусалимского и некоторых других университетов, почетным гражданином Флоренции и Турина.)

Поступил на работу в отдел теоретической физики Физического института АН СССР им. П.Н. Лебедева.

Статья "Антикварки во Вселенной" в сб. "Проблемы теоретической физики".

Статья "Многолистная модель Вселенной". Препринт ОПМ Математического института им. Стеклова АН СССР.

1970

19 марта. Письмо в ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР (совместно с В. Турчиным и Р. Медведевым) о необходимости демократизации общества для развития науки, экономики, культуры.

Июнь. Сбор подписей под Обращением в защиту Ж. Медведева, помещенного в психиатрическую больницу.

Октябрь. Присутствие на суде над математиком Р. Пименовым и артистом Б. Вайлем, обвинявшимися в распространении самиздата.

Ноябрь. Создание Комитета прав человека (А. Сахаров, В. Чалидзе, А. Твердохлебов, в дальнейшем — Г. Подъяпольский и И. Шафаревич). (Комитет рассмотрел и принял обращения по не-

которым важным проблемам, в частности, о принудительной психиатрической госпитализации по политическим мотивам и о насильственно переселенных лицах и народах.)

Декабрь. Выступление за отмену смертной казни Э. Кузнецова и М. Дымшица и смягчение участи остальных обвиняемых на "самолетном процессе".

1971

5 марта. Отправлена Л. Брежневу "Памятная записка" о неотложных вопросах внутренней и внешней политики. (Осталась без ответа.)

Апрель. Обращение по поводу заключенных в специальных психиатрических больницах.

Июль. Письмо министру МВД Н. Щелокову о положении крымских татар. Беседа в МВД СССР.

20 сентября. Открытое обращение к членам Президиума Верховного Совета СССР о свободе эмиграции и беспрепятственном возвращении.

1972

Июнь. За рубежом опубликованы "Памятная записка" и "Послесловие" к ней.

Составлены обращения к Верховному Совету СССР об амнистии политзаключенным и об отмене смертной казни. Сбор подписей под этими документами.

Сентябрь. Участие в демонстрации у Ливанского посольства в знак протеста против убийства израильских спортсменов на Мюнхенской олимпиаде.

Октябрь. Первое интервью корреспондентам, опубликованное на Западе. (Дано в связи с судом над астрофизиком К. Любарским.)

Участие в работе редакционной коллегии по подготовке сборника "Проблемы теоретической физики", посвященного И.Е. Тамму.

Статья "Топологическая структура элементарных зарядов и СРТ-симметрия". Сб. "Проблемы теоретической физики".

Июль. Интервью корреспонденту шведского радио о политических, экономических и социальных проблемах, стоящих перед нашей страной.

21 августа. Пресс-конференция об опасности односторонней разрядки, а также о беседе с заместителем генерального прокурора СССР Маляровым и предупреждении, полученном от прокуратуры. (Одновременно в советской прессе началась злобная кампания против Сахарова. На него коллективно и поодиночке обрушились писатели, композиторы, рабочие, ученые, в частности, большая группа академиков. Нападкам в печати и различным преследованиям подверглись также члены его семьи. Его жена Е. Боннэр несколько раз вызывалась на допросы в КГБ. Сахаров ответил на угрозы и преследования разъяснением своей позиции в интервью западным корреспондентам.)

Октябрь. Визит в квартиру А. Сахарова людей, представившихся членами палестинской террористической организации "Черный сентябрь", угрожавших убить Сахарова и его близких и требовавших отказа от заявления "Об октябрьской войне в Израиле".

31 декабря. Автобиографическое предисловие к сборнику статей и выступлений "Сахаров говорит".

Присуждение премии Международной лиги прав человека при ООН.

Январь — Февраль. Интервью и статьи о книге А. Солженицына "Архипелаг ГУЛаг".

3 апреля. Статья "О письме Александра Солженицына вождям Советского Союза" (отмечается опасность изоляционистских и националистических тенденций).

17 мая. Статья "Мир через полвека" (опубликована за рубежом).

Июнь. Голодовка с требованием освободить политзаключенных, приуроченная к визиту Никсона в СССР.

Декабрь. Обращение к конгрессу США по поводу поправки Джексона-Вэника.

Декабрь. Передан канцлеру ФРГ список 6000 немцев из Казахстана, желающих эмигрировать.

Присуждены премия Дома Свободы США и премия Чио дель Лука.

Статья "Скалярно-тензорная теория гравитации и гипотеза нулевого лагранжиана". Письма в ЖЭТФ, т. 20.

1975

Февраль. Обращение (совместно с Г. Беллем) об амнистии политзаключенным.

Второе обращение о прекращении геноцида в Иракском Курдистане. (Первое — в конце 1974 г.)

Март. Обращение к президенту Индонезии Сухарто с призывом к амнистии политзаключенным.

Март — Июнь. Письмо к Пагуошской конференции о разоружении, мире, международном доверии.

10 октября. Присуждение А.Д. Сахарову Нобелевской премии Мира.

Октябрь. Состоялись первые Сахаровские слушания в Копенгагене (регулярный международный семинар, рассматривающий вопросы прав человека в СССР и в странах Восточной Европы).

1 декабря. Нобелевская лекция "Мир, прогресс, права человека" (прочитана Е. Боннэр 11 декабря после получения премии в Шведской Академии Наук).

Декабрь — Январь-76. Написана автобиография для Нобелевского сборника.

Статья "Спектральная плотность собственных значений волнового уравнения и поляризация вакуума", "Теоретическая и математическая физика", т. 23.

Статья "Массовая формула для мезонов и барионов с учетом шарма". Письма в ЖЭТФ, т. 21.

1976

Март. Выступление на похоронах Г. Подъяпольского; написано предисловие к его книге.

Март — Апрель. Поездка в Омск на суд над Р. Джемилевым. Избран вице-президентом Международной лиги прав человека.

28 июня. Обращение (совместно с Ю. Орловым и В. Турчиным) к Совещанию руководителей европейских коммунисти-

ческих партий с предложением включить в программу совещания вопрос о правах человека.

Сентябрь. Обращение в ООН о трагическом положении в лагере палестинцев Тель-Заатар (совместно с Е. Боннэр).

20 ноября. Обращение к Комитету защиты польских рабочих.

21 декабря. Участие в симпозиуме "Еврейская культура в СССР".

1977

Январь. Обращение к президенту США Дж. Картеру в защиту П. Рубана.

12 января. Обращение к мировой общественности по поводу попыток обвинить диссидентов во взрывах в московском метро. (Это обращение вызвало второе предупреждение А. Сахарова Прокуратурой СССР, за которым последовали преследования членов его семьи.)

Февраль. Письмо Дж. Картера и ответное письмо А. Сахарова.

9 марта. Статья "Тревога и надежда" в сборнике лауреатов Нобелевской премии Мира.

21 сентября. Статья против смертной казни для симпозиума "Международной Амнистии" в Стокгольме.

30 октября. Письмо в Организационный комитет Сахаровских слушаний в Риме.

Статья "Ядерная энергетика и свобода Запада".

Ноябрь. Заявление по поводу указа Президиума Верховного Совета СССР об амнистии. (Требование распространения амнистии на политических заключенных.)

25 ноября. Обращение к президенту И.Б. Тито по поводу амнистии в Югославии (совместно с Е. Боннэр).

28 ноября. Выступление на съезде АФТ-КПП, зачитанное по присланному тексту.

Декабрь. Поездка в Мордовские лагеря на свидание с Э. Кузнецовым (совместно с Е.Боннэр и А.Семеновым). После 11 дней ожидания свидание разрешено не было.

Присуждение Международной премии Джозефа (Антидиффамационной лиги).

Май. Столкновение с милицией во время суда над Ю. Орловым. (А. Сахаров и Е. Боннэр были задержаны и приговорены к штрафу за якобы имевшее место нарушение общественного порядка.)

8 ноября. Статья "Движение за права человека в СССР и Восточной Европе — цели, значение, трудности".

Письма Л. Брежневу (во время его визита в ФРГ) и Г. Шмидту по поводу ареста рабочего И. Вагнера, обвиненного в тунеядстве (Вагнер был освобожден).

Январь. Письмо Л. Брежневу о постановлении Совета Министров № 700 (о крымских татарах). (В апреле А. Сахаровым было передано во французское посольство письмо группы крымских татар В. Жискар д'Эстэну.)

31 января. Письмо Л. Брежневу с просьбой об отсрочке казни и открытом рассмотрении дела Затикяна, Багдасаряна, Степаняна, обвинявшихся во взрыве в метро. Написано предисловие к статье М. Ланды об этом деле. Визит (в квартиру) с угрозами лиц, называвших себя родственниками погибших при взрыве.

Март. Поездки в Ташкент на суды над М. Джемилевым и В. Шелковым.

Подготовлен текст выступления в Нью-Йоркской Академии Наук в связи с присуждением премии Академии.

Август. Рецензия на книгу Ф. Дайсона "Тревожа Вселенную".

Сентябрь. Текст выступления на Сахаровских слушаниях в Вашингтоне.

Октябрь. Обращение к Л. Брежневу по проблеме беспрепятственной доставки продовольствия в Кампучию.

Обращение к Хуа Гофену по поводу приговора Вей Цинсену.

Обращение по поводу приговора участникам правозащитного движения "Хартия-77".

Статья "Барионная асимметрия Вселенной", ЖЭТФ, т. 76. (Развитие идей, изложенных в работе 1976 г., с точки зрения современных моделей элементарных частиц.)

Январь. Интервью с западными корреспондентами о вводе советских войск в Афганистан.

22 января. Задержан на улице и доставлен в Прокуратуру СССР (зам. Генерального Прокурора А. Рекунков зачитал указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 января о лишении А. Сахарова правительственных наград и премий).

Доставлен в г. Горький, где проживает до настоящего времени почти в полной изоляции, под постоянным надзором КГБ и милиции.

Январь – Февраль. Заявление о незаконности предпринятых репрессий, требование разбора выдвинутых против него обвинений в судебном порядке.

Февраль – Апрель. Несколько заочных интервью иностранным журналистам.

Май. Статья "Тревожное время".

Заявления по поводу приговоров В. Некипелову, Т. Великановой, В. Стусу и другим репрессированным. Заявление по делу Лизы Алексеевой.

Июль. Письмо Л. Брежневу об Афганистане.

Ноябрь. Письмо президенту АН СССР А. Александрову с изложением позиции по основным политическим вопросам (осуждение Академии Наук в уклонении от защиты ученых, подвергнутых репрессиям, в том числе и самого А. Сахарова).

Присуждение премии Антидискриминационной лиги.

Избрание иностранным членом Римской Академии Делла Линчии.

Статья "Массовая формула для мезонов и барионов", ЖЭТФ, т. 78.

Статья "Космологические модели Вселенной с поворотом стрелы времени", ЖЭТФ, т. 79.

Статья "Оценка взаимодействия кварков с глюонным полем", ЖЭТФ, т. 79.

Январь. Избрание иностранным членом Французской Академии. (Документы, высланные в Президиум Академии Наук, не были переданы А. Сахарову.)

17 марта. Заявление для печати в связи с похищением рукописей, личного дневника, писем и материалов научных работ.

22 марта. Обращение в связи с арестом А. Марченко (совместно с Е. Боннэр).

24 марта. Статья "Ответственность ученых".

* * *

Борьба за достижение мира, борьба за соблюдение прав человека всегда принимала у А.Д. Сахарова конструктивный характер. Не просто настаивать, пропагандировать, объяснять, что грозит сегодня миру, но и предлагать конкретные шаги по устранению опасностей; не только растолковывать в чем сущность и значение прав человека, но и прилагать все возможные (и невозможные) усилия к спасению от преследований конкретных людей — знакомых и незнакомых.

Мы почти полностью опустили эти вопросы не потому, что они представляются менее значительными, чем общие проблемы, а просто из опасения, что для их перечисления понадобятся многие сотни страниц. Неправедные аресты, жестокие приговоры, преследования за намерение эмигрировать из страны, лишения работы и прописки, помещение в психиатрические лечебницы, национальные и религиозные преследования, дискриминация при приеме в ВУЗы — все это, воплотившись в судьбы отдельных людей, требовало от А. Сахарова участия, поддержки и неизменно находило их.

Он протестует против высылки из страны Александра Солженицына, лишения подданства Петра Григоренко и одновременно добивается разрешения на выезд для Ефима Давидовича. Он борется за право татарских семей проживать в Крыму и отстаивает свободу эмиграции для жителей Крыма, Москвы, Армении, Украины, Прибалтики и Казахстана.

Сахаров стал человеком, к которому со всех концов страны в поисках заступничества, как к последней высшей инстанции Чести и Справедливости тянулись люди. Это традиционное русско-советское явление — "ходоки" — отнимало почти все время и почти все силы. Людям, приносившим ему свои многочисленные горести, боли и обиды, он всегда старался помочь. Не мог иначе.

Он беспокоится о судьбе беженцев из Южного Вьетнама, о доставке продовольствия в Кампучию, пишет президенту США об Анджеле Дэвис, призывает помочь Пабло Неруде, вступает за Михайло Михайлова, защищает польских рабочих и чехословацких диссидентов. Но естественно, что в первую очередь Андрея Дмитриевича волнуют преследования людей в нашей стране.

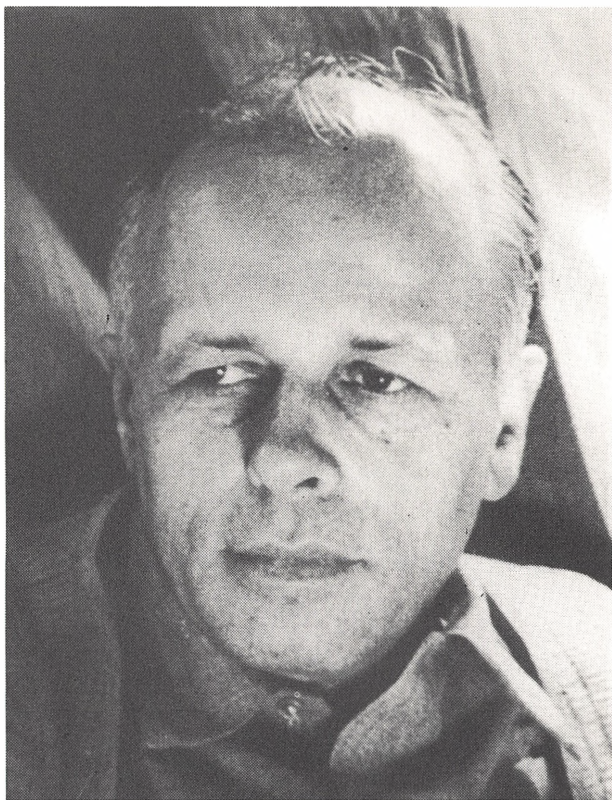
Вот неполный список репрессированных, за освобождение которых боролся А.Д. Сахаров:

В. Абанькин, В. Абрамкин, П. Айрикан, Г. Алтунян, А. Альтман, А. Амальрик, З. Антонок, Э. Арутюнян, К. Бабицкий, В. Балахонов, В. Бахмин, А. Бергман, О. Бердник, А. Берничук, Л. Богораз, А. Болонкин, П. Бондарь, В. Борисов, В. Браиловский, Н. Будулак-Шарыгин, В. Буковский, Г. Бутман, Б. Вайль, Т. Великанова, С. Верхов, Г. Винс, П. Винс, О. Воробьев, Ю. Вудка, Ю. Галансков, Р. Галецкий, З. Гамсахурдиа, В. Гаяускас, И. Гель, В. Гершуни, А. Гинзбург, С. Глузман, П. Гольдштейн, Н. Горбаневская, М. Горбаль, С. Горбачев, Н. Горетой, П. Городецкий, И. Гривина, П. Григоренко, Г. Давыдов, Б. Дандарон, Ю. Даниэль, В. Делоне, М. Джемилев, Р. Джемилев, В. Дремлюга, И. Дядькин, А. Есенин-Вольпин, Р. Загребян, В. Залмансон, И. Залмансон, М. Занд, И. Зисельс, А. Здоровой, В. Зосимов, В. Игрунов, Р. Кадыев, И. Калинец, В. Калининченко, И. Калинец-Стасив, И. Кандыба, С. Караванский, А. Карапетян, М. Кийренд, С. Ковалев, Б. Ковгар, Коломин, М. Костава, А. Краснов-Левитин, Э. Кузнецов, Ю. Кукк, М. Кукобака, А. Лавут, М. Ланда, В. Лашкова, В. Лисовой, П. Литвинов, Л. Лукьяненко, А. Лупинос, К. Любарский, Л. Любарский, М. Макаренко, В. Малкин, С. Мальчевский, М. Маринович, Р. Маркосян, А. Марченко, Н. Матусевич, О. Матусевич, Ма-Хун, Ж. Медведев, В. Мейланов, И. Менделевич, И. Мешенер, О. Мешко, Мираускас, Д. Михеев, В. Мороз, А. Мурженко, К. Мяттик, А. Навасардян, А. Назаров, Р. Назарян, М. Нашпиц, В. Некипелов, М. Никлус, И. Нудель, А. Огородников, И. Огурцов, Ю. Орлов, М. Осалчий, В. Осипов, Т. Осипова, В. Павленков, В. Пайлодзе, П. Паулайтис, Е. Петров, Б. Перчаткин, Р. Пименов, Р. Плахотнюк, П. Плумпа, Л. Плюш, А. Подрабинек, К. Подрабинек, Е. Пришляк, Е. Пронюк, Пуце, Б. Пэнсон, В. Пяткус, Г. Роде, Л. Ройтбург, В. Романюк, М. Руденко, П. Румачик, Саартс, Н. Садунайте, С. Сапеляк, А. Сафронов, И. Светличный, Н. Светличная, Е. Свер-

стюк, М. Семенова, И. Сеник, А. Сергиенко, Ф. Серебров, Л. Симутис, А. Синявский, Синькив, В. Слепак, С. Солдатов, Н. Строката, Е. Строева, В. Стус, А. Твердохлебов, И. Тереля, А. Терляцкас, Л. Терновский, О. Тихий, Товмасян, А. Турик, Л. Убожко, В. Файнберг, В. Федоренко, Ю. Федоров, Н. Федосеев, А. Фельдман, А. Хайло, В. Хаустов, М. Хейфец, А. Хнох, А. Чекалин, А. Чиннов, С. Шабатура, Б. Шакиров, Б. Шахвердян, В. Шелков, Ю. Шиханович, И. Школьник, И. Шовковый, М. Штерн, Д. Шумук, Ю. Шухевич, А. Щаранский, В. Цитленок, А. Юскевич, Г. Якунин, В. Яугялис.

Андрей Дмитриевич Сахаров посылал письма в различные советские инстанции, встречался с высокопоставленными чиновниками, обращался с призывами к западным ученым и политическим деятелям, в международные организации, сидел в залах судов, а после 1971 года — стоял у зданий, где проходили процессы, приезжая для этого в отдаленные концы нашей страны. Он ездил в места ссылки, в Мордовские лагеря, объявлял голодовку, созывал пресс-конференции, давал интервью и писал, писал, писал: письма, обращения, статьи, все свои силы отдавая спасению людей. В этой тяжелой борьбе было мало побед и много поражений. А он не отступал и не отступался.

Мужественная защита каждого гонимого стала делом жизни Андрея Дмитриевича Сахарова.

Андрей дмитриевич Сахаров в 1973 году

